

ТЕОФИЛ ЛАПИНСКИЙ

(ТЕФФИК-БЕЙ)

ГОРЦЫ КАВКАЗА И ИХ ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА ПРОТИВ РУССКИХ

Описание очевидца Теофила Лапинского (Теффик-бея) полковника и командира польского отряда в стране независимых горцев

Замечательная книга о Кавказе

Книга Теофила Лапинского «Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских», повествующая о наиболее трагических страницах черкесской истории, связанных с последним периодом Кавказской войны, дающая яркую картину жизни адыгов, их культуры, традиций и быта, без сомнения вызовет интерес широкого круга читателей, испытывающих потребность как можно больше узнать о прошлом своего народа.

Ценность данной работы и тем, что автор был не только свидетелем и очевидцем описываемых событий, но и одним из главных персонажей драмы, разыгрывавшейся на протяжении 1857, 1858, 1859-го годов в четырех западных исторических областях Черкесии: Натухаи, Шапсугии, Абадзехии и Убыхии.

Несмотря на то, что книга Т. Лапинского на русском языке издается впервые и до сих пор была известна лишь узкому кругу специалистов, интерес к ней в России проявился давно.

Вскоре после ее выхода (а издана она была на немецком в Гамбурге в 1863 году) в VI книге «Записок Кавказского отдела императорского русского географического общества» на нее появилась рецензия. Автор ее не мог, естественно, скрыть своего раздражения относительно политических пристрастий Т. Лапинского, который не скрывал своих откровенно антирусских настроений и считал борьбу адыгов за свою независимость не только справедливой, но и важным фактором защиты европейской свободы, в связи с чем страны Европы, по его мнению, просто обязаны были активно и всеми средствами помогать Черкесии. «Вдаваясь в ученые рассуждения, — писал автор рецензии, — Лапинский впадает в ряд самых грубых ошибок, которые свидетельствуют о совершенном невежестве его в этом отношении... Автор отмечает в себе мало ученой пытливости и даже добросовестности и с военною бесцеремонностью обходится с этнографией, историей и статистикой, подчиняя научные убеждения своим политическим предубеждениям и страстям, с которыми он всегда находит возможность согласить свои ученые доводы» 1.

Однако примечательно то, что даже этот автор официального российского издания не считал возможным, вопреки политической конъюнктуре, не отметить очевидных достоинств работы Т. Лапинского. «Живя долгое время среди адыгов, — отмечал он далее, — Лапинский мог подметить многие самобытные черты народного характера, ознакомиться с образом ведения войны, с внутренним гражданским бытом племен, с политическим значением мусульманской пропаганды и т.п. Эта часть сочинения очерчена резкими и выразительными чертами и представляет собой полную живую картину гражданского строя адыгов и политического положения племен относительно друг друга и в отношении Турции и России в тот момент, когда начался последний акт вековой борьбы их с Россией, окончившейся полной эмиграцией туземцев из Закубанского края. С этой

стороны сочинение Т. Лапинского проливает совершенно новый свет на этот уголок Кавказа и имеет высокий интерес» 2.

Лапинский родился в 1826 году в Галиции. Детство и юность его в условиях подъема польского национально-освободительного движения, что не могло не наложить отпечатка на формирование его характера [8] и политических убеждений. В ноябре 1830 года поднялось известное Польское восстание против колониального гнета русского царизма. Жестоко подавив восстание, русский царь отменил также и конституцию, предоставленную Королевству Польскому в 1815 году.

Ужесточение колониального режима неизбежно должно было вызвать новый подъем польского освободительного движения. Т. Лапинский с юных лет активно включается в борьбу за обретение независимости Польшей. Подавление восстаний 1846-го и 1848-го годов вынуждает его эмигрировать. Он, как и многие другие деятели польской эмиграции, принимает участие в Венгерской революции 1848 — 1849 годов. В период Крымской войны в чине полковника артиллерии участвует в боевых действиях на стороне европейских держав в составе польской дивизии генерала Замойского.

В это время участники польского национально-освободительного движения все больше свои взоры обращают на Кавказ, где уже на протяжении почти столетия горцы являли миру яркий пример способности противостояния военной мощи России. Поляки, венгры, украинцы и другие народы, испытывавшие колониальный гнет со стороны крупных держав, находились, по словам Т. Лапинского, под сильным впечатлением от романтических описаний подвигов мужественных черкесов, которыми изобиловала европейская печать того времени. Вместе с тем они видели, что Европа, на словах поддерживая справедливую борьбу народов Северного Кавказа за свою свободу, на деле не предпринимают серьезных усилий для оказания реальной поддержки.

В этих условиях Т. Лапинский планирует оказание практической военной помощи кавказцам. Считая всех, кто противостоит Российской Империи, естественными союзниками Польши, Т. Лапинский и его друзья надеялись усилением сопротивления Кавказа приблизить час освобождения и своей родины.

Предполагалось сформировать на территории Турции, где он был известен под именем Теффик-бея, польский экспедиционный корпус численностью от 6 до 15 тысяч солдат и офицеров с мощной артиллерией, которой, как известно, особенно не хватало горцам. Однако об этих приготовлениях стало известно Российскому правительству, которое не замедлило выразить Порте решительный протест. Османское правительство, не желая до предела осложнять и без того натянутые отношения с Россией, вынуждено было расформировать польский корпус.

Такая неудача не заставила все же отказаться Т. Лапинского от своих намерений. Преодолев множество трудностей и препятствий, небольшой польский отряд полковника Т. Лапинского в ноябре 1857 года пристал к черкесскому берегу. Польские добровольцы вписали яркую страницу в истории Черкесии и Кавказской войны, проявив мужество и самоотверженность в борьбе за свободу и справедливость.

Вернувшись в Европу, Т. Лапинский вновь активно включается в работу польской эмиграции. В 60 — 70-е годы его имя становится широко известным в Европе. Одни представляют его бесстрашным героем, другие видят в нем лишь талантливого авантюриста. Т. Лапинский завязывает знакомства с виднейшими деятелями европейского революционного движения. В 1863 году он знакомится в Лондоне с К. Марксом, под

влиянием, вероятно, которого, увлекается социалистической идеей 3. Среди знакомых Лапинского был и А. И. Герцен, который дал ему любопытную характеристику. «Лапинский, — писал А. И. Герцен, — был в полном смысле кондотьер. Твердых политических убеждений у него не было никаких. Он мог идти с белыми и красными, с чистыми и грязными; принадлежа по рождению к галицийской шляхте, по воспитанию — к австрийской [9] армии, он сильно тянул к Вене. Россию и все русское он ненавидел дико, безумно, неисправимо. Ремесло свое, вероятно, он знал, вел долго войну и написал замечательную книгу о Кавказе» 4.

Находясь в Европе, Т. Лапинский не оставляет новых попыток организовать новую экспедицию в Черкесию. В частности, в начале 60-х годов в период его пребывания в Лондоне он предложил английскому правительству новый план организации интервенции на Кавказ, который не был принят: все понимали, что к тому времени участь Черкесии уже была решена.

Во время польского восстания 1863 года Т. Лапинский предпринимает отчаянные усилия с целью оказания содействия повстанцам. В марте того же года лидерами польской эмиграции было решено снарядить морскую экспедицию к берегам Литвы для оказания помощи восставшим Польши и Литвы. Возглавил экспедицию Т. Лапинский. А. И. Герцен, также принимавший участие в организации экспедиции, писал: «После долгих исканий Домантович и парижские друзья остановились на полковнике Лапинском, как на способнейшем военном начальнике экспедиции. Он был долго на Кавказе со стороны черкесов и так хорошо знал войну в горах, что о море и говорить было нечего. Дурным выбора назвать нельзя» 5.

Экспедиция Т. Лапинского к берегам Литвы на пароходе «Ward Yackson» оказалась неудачной: добровольцы не смогли десантироваться на сушу около Клайпеды. В начале июля 1863 года Лапинский предпринимает новую попытку морской экспедиции, для чего датская шхуна «Эмилия» с отрядом добровольцев на борту вновь направилась к литовский берегам. Однако во время высадки в районе Паланги разыгрался шторм, во время которого часть людей погибла. Шхуна вынуждена была вернуться к шведскому острову Готланд.

После неудач экспедиций Т. Лапинский некоторое время жил в Англии, Франции, Италии и других европейских странах. В начале 70-х годов получив амнистию австрийского правительства, он поселился на родине — в Галиции.

Умер Теофил Лапинский в 1886 году во Львове.

Трехлетнее пребывание в Черкесии дало возможность Т. Лапинскому детально изучить страну, познакомиться с культурой, традициями и обычаями ее жителей. Впечатления от увиденного он изложил в двух томах своего труда.

Первый том в основном посвящен истории, культуре и быту адыгов и является одним из выдающихся произведений по адыгской этнографии.

Во втором томе дается хронологически последовательная история событий и фактов, происходивших в Черкесии в период пребывания там польского отряда.

Необходимой предпосылкой для составления достоверного историко-этнографического портрета любого народа является определение его территории и численности. Особенно важно это в отношении адыгов, подавляющее большинство которых в результате Кавказской войны было изгнано с Родины в пределы Османской империи.

Между тем нельзя констатировать, что данная проблема получила достаточно удовлетворительное решение в науке. Если географическая идентификация Черкесии середины XIX века не вызывает особых затруднений, то в определении численности ее населения в научной литературе до сих пор наблюдается весьма широкий диапазон мнений. Поэтому сведения, имеющиеся на сей счет в сочинении Т. Лапинского, представляют большую ценность. [10]

Общую численность адыгов он оценивает в 1,5 миллиона человек, хотя и допускает, что может ошибаться в своих данных «на 10%, но не более». Правда в это число он включает и ряд других народов (абазин, осетин, сванов), ошибочно причисляя их к адыгским этническим группам.

В XVIII — первой половине XIX века делались многочисленные попытки определить численность черкесов. Как правило этим занимались путешественники и частные лица. С начала Кавказской войны особую заинтересованность в выяснении этого вопроса, по понятным причинам, проявляло правительство России. Для этого были задействованы лучшие офицеры генерального штаба русской армии. «Однако — по справедливому замечанию известного исследователя адыгской истории и этнографии В. К. Гарданова, несмотря на то, что офицеры эти не жалели своих сил и проявляли максимум изобретательности при сборе необходимых данных, рискуя иногда даже своей жизнью, все подсчеты адыгского населения были, как правило, мало удовлетворительными» 6.

Ф. Ф. Торнау, один из тех офицеров, который по заданию генштаба в 30-х годах XIX века занимался сбором сведений о черкесах, отмечал, что «все цифры, которыми обозначали кавказское население, брались приблизительно, и можно сказать на глаз» 7.

В отличие от них, Лапинский, находясь, так сказать, по другую сторону баррикады, был в числе немногих кто имел возможность беспрепятственного сбора в течение трех лет статистических данных непосредственно на месте. Знание адыгского языка, традиций и обычаев, близость к высшему руководству национально-освободительного движения, активное участие в самом движении способствовали тому, что Лапинский становится к концу 50-х годов одним из влиятельнейших людей среди западных черкесов, располагавшем всесторонней информацией о Черкесии. Большинство авторов, касавшихся указанной проблемы, дают сведения относительно общего количества дворов у черкесов. Однако, мнения сильно расходятся при определении среднего числа людей, приходящегося на двор. Основная ошибка заключается в том, что они почти всегда отождествляют понятия «двор» и «семья».

Между тем специфика адыгских поселений заключалась в том, что нередко в одном дворе располагалось несколько семей. Лапинский обратил внимание на это важное обстоятельство. «В одном фамильном дворе (юнэ), — пишет он, — живут, кроме родителей, все их женатые сыновья, так же как и все неженатые сыновья и незамужние дочери; рабы, как бы они ни были многочисленны, также всегда причисляются ко дворам. Такие семьи очень многочисленны, — продолжает Лапинский, — часто в одном дворе до 100 душ обоего пола. Я никогда не встречал меньше 10, и почти всегда больше 20 жителей». Тем не менее Лапинский осторожно оценивает среднее число адыгского двора в 17 человек, что никак не может считаться преувеличением.

Что касается среднестатистического числа одной адыгской семьи, то, как свидетельствуют источники, в частности посемейные списки вынужденных переселенцев в Османскую империю, оно редко составляло менее 10 человек.

Таким образом, при правильной оценке числа жителей адыгского двора, логично полагать, что к середине XIX века численность адыгов превышала 1 млн человек. Подобная оценка подтверждается и тем фактом, что, по официальным данным российских властей, только в 1863 — 1864-м годах число черкесов, насильно депортированных с Кавказа, достигало около 500 тысяч человек. При [11] этом надо иметь в виду, что процесс черкесской эмиграции начался задолго до этого и продолжался десятилетия. Легко догадаться также, что не меньшее количество людей вынуждено было покинуть родину без визы официальных властей. Примечательно, что, по данным турецких источников, число переселенцев с Кавказа заметно превышает 3 млн. человек. Все это говорит в пользу того, что данные Лапинского относительно численности адыгов в середине прошлого столетия заслуживают доверия и близости к истине.

Читатель очевидно сразу обратит внимание на то, что, в отличие от большинства своих современников, Т. Лапинский не пользуется для обозначения адыгов этнонимом «черкес». С другой стороны, широко употребляет термины «абазы» и «Абазия» в качестве синонимов понятиям «адыги» и «страна адыгов». Он нередко так и пишет: «Абазия — страна адыгов».

Известно, что «черкесы» и «адыге» — два равнозначных этнонима одного и того же народа. Различаются они тем, что первый этноним — это иноназвание (экзоэтноним), а второй самоназвание (эндоэтноним). Подобное явление универсально: большинство народов мира также различают этнонимы-иноназвания и этнонимы-самоназвания (например, под именем «немцы» на русском языке известен народ, самоназвание которого «дойч», «албанцы» — «шкиптар», «ирландцы» — «эриннах», «финны» — «суоми», «якуты» — «саха», «грузины» — «картвели», «армяне» — «хай» и т.д.). Однако Лапинский в этих двух терминах — «черкесы» и «адыге» усматривает принципиальные различия, полагая, что под ними скрываются совершенно разные народы. «Адыгов» он относит к индоевропейским или арийским народам, тогда как «черкесов» безоговорочно считает «туранским или татарским племенем», растворяющимся в адыгской среде, но и дурно на нее влияющим.

Точно так же Лапинский подходит к этническому определению русских, требуя строго различать русских — славян (индоевропейцев) и «москвитов» — туранцев. Здесь требуется более детальное пояснение.

Совершенно очевидно, о чем он и сам говорит, что Лапинский находится под влиянием, так называемой «новой теории славянской этнографии» Франциска Духинского. Суть ее заключается в следующем. Польский ученый Ф. Духинский, вынужденный после подавления восстания 1831 года эмигрировать во Францию, где он стал профессором польской школы в Париже, предпринял попытку создания новой теории славянских народов. Причем, «самая теория эта одно время принималась как нечто твердо установленное значительной частью западноевропейской литературы (например, Анри Мартеном)» 8. Согласно теории Духинского русские не принадлежат к славянским народам, а являются частью кочевых «туранско-монгольских племен». Поэтому самое имя «русские» вправе носить лишь украинцы (малороссы) и белорусы, которые в свою очередь близки по происхождению и культуре полякам. Великороссов же, считает Ф. Духинский, следует именовать «москалями» или «москвитами». В доказательство

«туранства» русских Духинский приводит автократическую систему правления, что несвойственно «арийским», в т.ч. славянским, племенам, склонность к «коммунизму» в отличие от арийцев, обладающих индивидуальной собственностью, ведение кочевого образа жизни, слабое развитие городов и городского образа жизни и т.д.

Понятно, что теория Духинского особо популярна была в среде польской эмиграции, уязвленное национальное самолюбие которой нередко находило свое выражение в откровенной русофобии.

Очевидную научную несостоятельность «новой теории славянской этнографии» [12] Ф. Духинского доказали еще его современники, в частности Н. И. Костомаров, профессор Дерптского университета Бодуэн де Куртене и др.

Если вернуться к противопоставлению черкесов адыгам, то можно прийти к выводу о попытке своеобразной экстраполяции на них теории Ф. Духинского. Что же касается термина «абазы», то из контекста совершенно ясно, что под ним Лапинский подразумевает только адыгов. Вероятно, употребление слова «абазы» в качестве синонима этнониму «адыги» объясняется тем, что равнинные черкесы (бжедуги, темиргоевцы и др.) нередко абазами называли горных черкесов — шапсугов, абадзехов, убухов.

Вообще, вопросы классификации народов Кавказа — наиболее слабое место в работе Т. Лапинского. Здесь особенно много путаницы и ошибок. В первую очередь это объясняется, конечно, уровнем развития историко-этнологической и лингвистической науки того времени. Поэтому, не комментируя все ошибочные положения по этому поводу, встречающиеся в книге Т. Лапинского, стоит, видимо, дать этнолингвистическую классификацию народов Кавказа в соответствии с современной научной трактовкой.

Коренные народы Кавказа распределяются по четырем языковым семьям. Наиболее древними аборигенами Кавказа считаются народы, говорящие на языках северокавказской семьи, которая состоит из двух групп. К первой — абхазо-адыгской группе относятся черкесы (адыги), абхазы и абазыны. Ко второй — нахско-дагестанской — чеченцы, ингуши, аварцы, лезгины, даргинцы, лакцы, табасаранцы, рутульцы, агулы, цахуры.

Картвельскую семью составляют грузины (в т.ч. мегрелы, лазы и сваны).

Индоевропейская семья представлена осетинами, входящими в иранскую группу, и составляющими самостоятельную группу этой семьи армянами.

Тюркоязычные народы Кавказа — азербайджанцы, кумыки, карачаевцы, балкарцы и ногайцы относятся к алтайской языковой семье.

Значительное место в работе уделяется хозяйству адыгов. Выяснение уровня экономического развития адыгов является одной из главных задач, способствующей объяснению сложных процессов, происходивших в Черкесии в прошлом столетии. Чтобы объяснить «цивилизующее» значение колонизации Кавказа, в российской историографии доминировало направление, имевшее целью принизить действительный уровень хозяйственного развития «туземцев», в т.ч. адыгов. «По мере того как развертывалась колониальная политика царизма на Кавказе, — пишет профессор В. К. Гарданов, — представители дворянско-буржуазной историографии все более стремились изображать адыгов как весьма «дикий», «бедный», «ленивый» и «неблагоустроенный» народ, у которого не были развиты ни земледелие, ни скотоводство, ни ремесла, а все помыслы были сосредоточены на грабеже соседей. Следует отметить, что в таком же духе

буржуазно-дворянские историки изображали не только адыгов, но и других горцев, что приводило авторов к неразрешимому противоречию каким образом горцы могли грабить друг друга, если у них, по существу, ничего не было.

И вот тут-то историки, ставившие своей целью обеление колониальной политики царизма, выдвигали тезис о том, что горцы якобы могли жить только за счет более культурных народов, на которых они совершали свои набеги.

Так возникла очень удобная для господствующих классов царской России концепция происхождения Кавказской войны, согласно которой «виновниками» этой войны были объявлены сами горцы» 9.

Т. Лапинский и в этом вопросе проявляет себя вдумчивым и внимательным [13] исследователем. Так, говоря об относительно высоком уровне социально-экономического развития адыгов, он отмечает много сходных черт в способах хозяйствования адыгов и сельских жителей Европы, в частности Силезии, Венгрии, Польши. Эти свидетельства Т. Лапинского относительно западных адыгов особенно ценны. Известно, что уровень развития феодальных отношений не был одинаков во всех областях Черкесии — в Кабарде феодализм достиг более высокого уровня, чем в Натухае, Шапсугии, Абадзехии. После общественного переворота конца XVIII века в этих последних областях Черкесии власть феодальной знати была сильно ущемлена. С тех пор в литературе натухайцев, шапсугов и абадзехов часто именуют «демократическими племенами», тем самым отличая их от других адыгских этнографических групп — «аристократических племен», где княжеско-дворянская власть была достаточно сильна. Но и после общественного переворота у шапсугов, натухайцев и абадзехов продолжали существовать крепостное право и феодальная эксплуатация. Различия, существовавшие между «аристократическими» и «демократическими» субэтносами, не затрагивали, однако, основ способа производства, но тем не менее мешали многим исследователям определить общественный строй натухайцев, шапсугов и абадзехов как феодальный.

Т. Лапинский в целом правильно охарактеризовал социальную структуру адыгского общества. Надо заметить, однако, что он не замечает наличия различных категорий внутри крестьянства. «Массу народа составляют абазы и адыги — пишет Т. Лапинский. — Каждый адыг является тфокотлем. Между тфокотлями нет различия сословий». Между тем крестьянство у адыгов, так же как и феодалы, делилось на целый ряд категорий, которые весьма существенно отличались друг от друга как имущественным и правовым положением, так и степенью зависимости от феодалов, размерами и характером повинностей, выполняемых в их пользу. Следует также отметить, что автор ошибочно понимает под термином «рабы» и крепостных.

Особый интерес вызывает у Т. Лапинского общественно-политическое устройство у адыгов. Он не может скрыть удивления и восхищения от той крепкой и строгой социальной организации общества, которую встретил в Черкесии, несмотря на отсутствие в ней единой и централизованной государственной власти.

«Когда вступаешь на землю свободной Абазии (т.е. Черкесии. — Х. К.), — пишет Т. Лапинский, — то сначала не можешь понять, каким образом народ, у которого почти каждый ребенок носит оружие, который не имеет писаных законов, исполнительной власти, даже начальников и предводителя, может не только существовать, но еще долгие годы противостоять такому колоссу, как Россия, и сохранить свою независимость. Причина этому — крепкая социальная организация этого народа, опирающаяся на национальные традиции и обычаи, которая не только охраняет личность и имущество

каждого, но также делает трудным и почти невозможным все физические и моральные попытки к покорению страны».

Любопытно сравнивать вышеприведенное мнение с высказыванием англичанина Дж. Белла, который имел возможность ознакомиться со спецификой общественного устройства у адыгов двумя десятилетиями ранее Т. Лапинского. «Общественное мнение и установленные обычаи, — писал Дж. Белл, — вот что, кажется, является высшим законом в этой стране, в общем я могу только поражаться тем порядком, который может проистекать из такого положения дел. Случаются насильственные, жестокие поступки и явные преступления, но все это является главным образом, результатом ссор или их последствий и происходит сравнительно редко. Немногие страны, с их установленными законами и всем сложным механизмом правосудия, могут похвалиться той нравственностью, [14] согласием, воспитанностью — всем тем, что отмечает этот народ в его повседневных взаимных отношениях» 10.

Количество подобных свидетельств весьма значительно. Одна из причин поддержания относительной стабильности и согласия внутри адыгского общества в прошлом, очевидно, кроется в индивидуалистической культуре этноса, способствовавшей формированию, выражаясь сегодняшним языком, крепкого среднего класса, не склонного к радикализму. Опыт развития человеческой цивилизации последних столетий убедительно доказывает, что строительство стабильного общества возможно лишь в условиях недопущения чрезмерной поляризации, в первую очередь — имущественной.

Т. Лапинский пишет о Черкесии, что «в стране также мало бедных, как и богатых, нищие неизвестны». Тот же Дж. Белл отмечал: «Если общий уровень бытовых условий здесь и невысок, то, по крайней мере, его стараются достичь и большинство достигает. Крайности нищеты и роскоши, изысканности и презренного существования в одинаковой степени здесь неизвестны» 11.

Большой интерес представляют сведения Т. Лапинского относительно семейного и общественного быта черкесов. Он отмечает, что в адыгской семье отец является полновластным господином, которому «повинуются по первому знаку». Как тонкий наблюдатель, автор подмечает все наиболее характерные черты патриархального быта черкесской семьи. «До тех пор пока он (глава семья — отец. — Х. К.) жив, — констатирует Лапинский, — все сыновья обязаны оставаться с ним. Только после его смерти могут они по своему желанию разделиться, однако первенец является наследником двора и большей части движимого имущества».

Довольно часто в кавказоведческой литературе встречается мнение о якобы закабаленном положении горянок. При этом нечасто делаются различия между положением женщины в черкесском обществе и ее статусом в других регионах Кавказа. Еще Хан-Гирей, выдающийся черкесский писатель и этнограф, писал: «Все те, которые судят о домашнем быте черкесов по образу жизни прочих азиатских народов, исповедующих магометанскую веру, о том имеют ложное понятие. Рыцарское честолюбие много прекрасного ввело в их обычаи. К числу прекрасных черт можно отнести и величайшее уважение к женщинам, которого прекрасный, но слабый сей пол достоин вполне» 12.

Лапинский прекрасно понял ту особую роль, которая была уготована черкешенке в обществе. «Мать, — отмечает он, — имеет в доме такой же авторитет, как и отец, и почитается благоговейно всем семейством». Высокий статус черкесской женщины в обществе, ее широкие права, особо изящные формы и принципы ее почитания, признававшиеся важнейшими элементами адыгского этикета, приводили в недоумение

большинство путешественников и бытописателей, ожидавших увидеть скорее обратную картину. «Ничем не стесняемая свобода женщин и девушек, — рассуждает Лапинский как истинный европеец, — казалось, должна бы благоприятствовать распушенности нравов, несмотря на это, почти поголовно все девушки добродетельны».

Говоря о народной этнопедагогике адыгов, Лапинский замечает, что «дети воспитываются очень разумно, ребенка никогда не бьют и даже не ругают». [15]

Касаясь традиционных общественных институтов адыгов, Лапинский неоднократно подчеркивает их выдающуюся роль в регулировании общественного быта, который, в свою очередь, представляется ему во многих отношениях эталоном для европейских жителей. «Соседи живут между собой в согласии, которое могло бы быть примером для сельских жителей Европы, — пишет он относительно широко распространенного института взаимопомощи, — полевые работы производятся всегда сообща несколькими соседями. Если один из дворов разорен пожаром, падежом скота или нападением врага, то приходят на помощь не только соседи, но и члены фамилии, живущие в отдаленных местах страны, и если и этого недостаточно, то помочь обязано все племя».

Огромную роль в жизни черкесского общества издавна играл такой социальный институт, как гостеприимство. Этот обычай, в той или иной степени свойственный всем народам, воспринимался черкесами в качестве одной из величайших человеческих добродетелей и соблюдался неукоснительно, с особой тщательностью. Чрезвычайно много примечательного замечает Т. Лапинский относительно бытования в Черкесии этого обычая. «Лучшее качество адыгов, — в частности пишет он, — это гостеприимство. Путник может проехать страну насквозь без копейки денег, и нигде его не задержат, и в каждом дворе, куда он войдет, найдет кров, постель, еду для себя, стойло и корм для лошади. Можно, не спрашивая разрешения, сойти с лошади перед саклей для гостей и войти в нее — таков обычай. Ни один состоятельный путешественник не может быть лучше обслужен в европейском отеле, чем гость в низенькой абазской сакле под соломенной крышей».

Очень много интересного и примечательного найдет читатель относительно других традиций и обычаев черкесов.

Большую ценность представляют сведения Лапинского по поводу религиозных верований адыгов. Отмечая религиозную неортодоксальность адыгов, Лапинский приходит к выводу, что несоизмеримо большую роль в повседневной жизни играли веками устоявшиеся традиции и обычаи. Религия же имела порой лишь прикладное значение. «Пока Турция делала попытки поработить страну, — подмечает он, — она оставалась, по крайней мере по некоторым обрядам, христианской, когда же Россия начала ее завоевывать, она сделалась магометанской».

Будучи христианином, Лапинский особо тщательно ищет следы этой веры в Черкесии. Считая одним из способов спасения Черкесии введение вместо ислама христианской религии, Лапинский сетует: «В чем же причина, что этот народ, той же самой расы, как и мы, который внешне почти не отказался от христианства, которого нельзя назвать «варварами», так как он цивилизованнее, чем крестьяне многих европейских стран, который, так сказать, живет у ворот Европы и насчитывает полтора миллиона душ, в чем же причина, — думал я, — что ни одна из многих политических и протестантских миссий не попыталась посеять семена Евангелия на этой так хорошо подготовленной почве... Никто не позаботился о духовном спасении одного из прекраснейших и от природы интеллигентнейшего из народов».

Завершая разговор о замечательной книге Теофила Лапинского, хочется привести еще одну цитату из нее, в которой дается живописный портрет адыга: «Адыг по натуре храбр, решителен, но не любит беспощадно проливать кровь и не жесток.

Ему нравится подвижная жизнь, однако он неохотно остается долго вдали от своей родины. Он больше всего на свете любит свои леса и горы. Свою личную свободу он рассматривает как высшее благо, кротостью и убеждением [16] он позволяет собой руководить, как ребенком, и переносит даже строгость, но восстает против всякой несправедливости. Он ревниво относится к своей военной славе, но чистосердечно восхищается храбростью другого, даже своего врага...

Целый день скачущий и распеваящий, почти равнодушный, когда горит его сакля и гибнет его имущество и когда его тело разрублено и прострелено, он, однако, имеет глубокую любовь к своей семье.

Его послушание родителям, его согласие в браке могли бы служить примером любому цивилизованному народу».

Х. С. Кушхов

Комментарии

1 «ЗКОИРГО». Тифлис, 1864. Кн. VI. С. 63 — 64.

2 Там же.

3 «Wielka Encyklopedia powszechna. Warszawa, 1965. Т 6. S. 688.»

4 А. И. Герцен. Былое и думы. М. 1973. Т. 3. С. 346.

5 А. И. Герцен. Указ. соч. Т. 3. С. 346.

6 В. К. Гарданов. Общественный строй адыгских народов (XVIII — перв. пол. XIX века). М., 1967. С. 50 — 51.

7 Ф. Торнау. Воспоминания кавказского офицера. Русский вестник. 1864. Т. 53. С. 69.

8 Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Спб., 1893, С. 251.

9 В. К. Гарданов. Указ. соч. С. 50 — 51.

10 АБКИЕА, С. 479.

11 Там же.

12 Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978. С. 292.

Текст воспроизведен по изданию: Теофил Лапинский. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Описание очевидца Теофила Лапинского (Теффик-бея) полковника и командира польского отряда в стране независимых горцев. Нальчик. Эль-Фа. 1995

© текст - Кушхов Х. С. 1995
© сетевая версия - Thietmar. 2009
© OCR - A-U-L. www.a-u-l.narod.ru. 2009
© дизайн - Войтехович А. 2001
© Эль-Фа. 1995

ТЕОФИЛ ЛАПИНСКИЙ

(ТЕФФИК-БЕЙ)

ГОРЦЫ КАВКАЗА И ИХ ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА ПРОТИВ РУССКИХ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Хотя Кавказ и должен быть еще отнесен к Европе, однако эта страна в общем немногим более известна, чем самые отдаленные и наиболее неприступные места на земле. Географические, этнографические и статистические описания тех частей, которые были оккупированы русскими, более чем скудны, причем необходимо отметить, что Европа получала большинство сведений о Кавказе от иностранцев, особенно от немецких путешественников. Русские данные едва ли можно удостоивать серьезного внимания, так как они, кроме своей скудности, еще противоречивы. Есть ли это со стороны русских небрежность или это политика? Так как при вскрытии действительного положения они должны были бы обнажить и свои слабые стороны, то это трудно решить. Но если даже открытые для сообщения части страны еще очень мало известны, то области независимых и охваченных оборонительной войной кавказцев до сих пор для науки были во всех отношениях окутаны полным мраком.

Я не в состоянии дать общее описание Кавказа. Такая работа потребовала бы много времени и серьезного изучения, а при отсутствии каких-либо основательных предварительных работ должна была бы проводиться с большим трудом и осторожностью. Я откладываю это на будущее время.

В предлагаемом труде читатель найдет только подробное описание независимого народа — абазов, или, как называют их в Европе, черкесов, которые живут вдоль восточного берега Черного моря, на равнине приблизительно в 2 000 квадратных миль, и образуют народ численностью более полутора миллионов человек.

Этот наполовину христианский народ, принадлежащий к индоевропейской расе, и сейчас еще, когда татарские племена Каспийского моря отказались от сопротивления и допустили взять в плен своего вождя Шамиля, выдерживает всю тяжесть натиска Московского государства и защищает с железной настойчивостью свою независимость. Описывая этот народ, который во многих отношениях столь же мало известен русским, как и европейцам, [18] я полагаю, что пополню пробел в наших сведениях о Кавказе, и поэтому моя работа может принести некоторую пользу для общего описания этой горной страны. Подробное топографическое обозрение и карту страны я не осмеливаюсь присоединить, потому что незнание страны русскими есть одно из важнейших условий возможности сопротивления абазов. Читатель, следовательно, поймет, что я не имею права злоупотреблять доверием народа, который мне, первому чужестранцу, позволил изучить свою страну. Я ссылаюсь поэтому на карту Карла Коха, который в 1834 году много путешествовал на Кавказе, т.е. в Грузии и Армении, и издал лучшую в настоящее время карту Кавказа. Хотя Абазия здесь представлена очень поверхностно и недостаточно, эта карта, однако, может удовлетворить того, кто не собирается основательно изучать эту страну, что при настоящих обстоятельствах почти и невозможно.

Напротив, я считал позволительным в интересах самих абазов и был уполномочен ими самими к тому, чтобы сделать известными статистические данные страны. Повсюду имеется весьма ложное представление о силе сопротивления, числе и материальных

вспомогательных средствах абазов. Повсюду их считают горсткой отважных и неповинующихся разбойников, которые живут в неприступных горах, не признают ни закона, ни права и не хотят подчиняться правильному государственному порядку, даже полагают, что от подчинения черкесов русскому господству цивилизация только выиграет. Заблуждение достойное сожаления! Есть огромная разница между абазами и турками, собственно — черкесами, татарами и народами Дагестана семитско-туранской расы. Абаз, который представляет уже в физическом отношении красивейшую индоевропейскую породу людей, имеет также свойственное этой расе умственное превосходство, которого, как известно, недостает полуевропеизированному москвиту. Находясь в течение многих столетий под угрозой потери своей независимости со стороны татар, турок, и позднее русских, он оставался отделенным и отрезанным от своих европейских соплеменников, терял постепенно всякое понятие о христианстве и был Европой так окончательно забыт, что там и поныне еще едва знают, к какой расе принадлежит этот героический форпост, который до сих пор препятствует укреплению Московского государства.

На картах Кавказа отвели, как бы в шутку, маленькому абазскому племени — осетинам почетное место в семье индоевропейских народов, не зная, что как раз эти осетины образуют одну и ту же семью с в двадцать раз более многочисленными адыгами. Что еще больше подтверждает их племенное родство с индоевропейцами — это характер их цивилизации: сохранение их личного достоинства и независимости, сердечность их семейных уз, привязанность к родине, благородная храбрость и при этом отвращение к ненужному кровопролитию, их преимущественное занятие земледелием и их равнодушие к торговле. [19]

Площадь Абазии, число народонаселения и число боеспособных и вооруженных мужчин почти в десять раз больше чем в княжестве Черногории, независимость которого, однако, признана Европой. Берег простирается в длину почти на 200 морских миль. Сама страна, одна из плодороднейших на земле, могла бы прокормить народность в шесть раз большую. Правда, разница состоит в том, что Черногория имеет могущественного единоверца и покровителя на севере, как христианская страна пользуется симпатией Европы и, наконец, борется с лежащей при последнем издыхании Турцией, в то время как абазы, находясь под протекторатом Турции, навязывающей им магометанство как условие своей симпатии, приносящей им более вреда, чем пользы, остаются не только безразличными для Европы, но еще, почти на протяжении человеческой жизни, находятся в состоянии непрерывной войны с одной из крупнейших держав мира.

Если бы беспристрастно провести параллель между заслугами перед миром абазов и черногорцев, то перевес был бы на стороне первых. Никто не может оспаривать, что сопротивление абазов помешало распространению московского могущества на Персию и Азиатскую Турцию и ослабляет его до настоящего времени и что в продолжение столетий благодаря абазам татарские орды и турецкие войска не могли сделать себе на своем пути в Европу операционную базу из абазских гор, в то время как на остальном Кавказе они встретили мало сопротивления. Напротив, нельзя сказать, чтобы существование Черногории мешало продвижению османов на север или служило форпостом Европе против турок. Как раз наоборот: в продолжение столетия Черногория является форпостом современных монголов против Западной Европы. Что касается религии, то я уверен, что, если бы христианский мир немного побеспокоился об этом, абазы за 10 лет сделались бы лучшими христианами, чем черногорцы.

В феврале 1857 года я вступил в сопровождении слабого польского отряда на землю абазов и образовал для подкрепления народа в его борьбе против русских отряд полевой

артиллерии, до этого времени совершенно неизвестный род оружия для абазов. С этого времени до 1860 года, в котором неотложные обстоятельства, о которых читатель узнает ниже, принудили меня к возвращению в Европу, я с моим отрядом принимал участие во всех значительных битвах, во всех народных совещаниях, изучил по необходимости язык абазов и сделался, так сказать, их членом. Это дает мне возможность издать подробное описание Абазии. До этого времени только немногие европейцы приезжали как гости на абазский берег, и при естественном недоверии народа им было невозможно проникнуть дальше в страну и узнать ее. Со стороны русских только пленники или дезертиры проникали в глубь страны, и им было совершенно запрещено собирать какие-либо сведения. Абазы, находясь на низкой ступени развития, сами не знают своей страны; я не встречал ни одного абазы, который бы мог мне дать [20] хотя бы наполовину правильные сведения о всей стране в целом. Обычно им знакома только местность в которой они живут, а если кто-либо из них знает все свое племя, то он уже является мудрым и сведущим человеком. Что касается статистических сведений, я должен был собирать их с большим трудом, отрывочно и постепенно, чтобы позднее из этого составить приблизительно правильное целое.

Я стремился прежде всего доказать, что как в моральных, так и в материальных интересах Европы нельзя дать погибнуть этому родственному народу и забыть его так окончательно, как это имело место до сих пор. Нигде европейская цивилизация так быстро не пустила бы корни, как у абазов, дух которых подготовлен к принятию цивилизации благодаря существованию еще живых воспоминаний о христианстве. Пребывание европейцев в их стране, открытие вопреки международному праву вечно блокируемого морского берега привело бы к более быстрому развитию европейской культуры среди абазов, чем это когда-либо будет среди турок. Но для этого необходимо, чтобы абазы были защищены, с одной стороны, от порабощения их Россией и, с другой стороны, предохранены от турецкого протектората и магометанской пропаганды. Если бы захотели использовать средства, затрачиваемые ежегодно в большинстве случаев бесполезно на обращение в христианство полудиких негров и папуасов, для восстановления христианства среди этого когда-то христианского и в высшей степени интересного народа, то это имело бы неисчислимы преимущества как для политических интересов Европы, так и для интересов христианской религии и цивилизации. Велика будет перед человечеством заслуга тех, которые поддержат спасение этого прекрасного народа от духовной и материальной гибели.

Автор

ТОМ 1

ГЛАВА 1

Географическое положение Кавказа. — Реки. — Горы. — Недостаточное описание страны. — Народы Кавказа. — Разделение по расам и народностям. — Грузино-армяне. — Абазы. — Туранские Народы. — Русские и европейские поселенцы. — Русское господство. Отношение различных народов к русскому правительству. — Численность населения. — Военные силы русских. — Линейные войска. — Черноморские и донские казаки и казаки новой линии. — Милиция. — Некоторые замечания о способе ведения войны русскими и о последнем походе в Малую Азию.

Кавказ лежит между 39 и 45 градусами долготы и между 35 и 47 градусами широты. С запада он замыкается Черным морем от впадения реки Кубани до впадения реки Чурук-Су, с востока — Каспийским морем от впадения реки Кумы до впадения реки Куры.

Естественные границы с севера образуют реки Кубань и Кума, на юге — Чурук-Су, Аракс и Кура. Кроме названных здесь пяти рек, достойны внимания еще Койсу и Терек, которые впадают в Каспийское море, потом Рион, Ингур, Бзыбь, которые вливаются в Черное море. Внутри страны нужно еще упомянуть реки: Алаза и Иорк — на юго-востоке и Лаба — на севере, но, кроме них, ни один из бесчисленных ручьев, впадающих частью в оба моря, частью в упомянутые реки, в сущности, нельзя назвать рекой. Большая часть этих речек обыкновенно летом пересыхает, но каждая дождливая погода наполняет их русла и превращает их в большие потоки на несколько часов или дней.

Не считая южных и северных равнин, лежащих по Араксу, Кубани и Куме, Кавказ почти повсюду горист. С полным правом его называли тысячевершинным, потому что горы и узкие долины беспрерывно сменяют друг друга, однако высокие, как в Швейцарии, горы редки. Самая высокая горная вершина Эльбрус — 2895 саженей, потом следует Казбек, высота которого 2587 саженей. Потом Инал, Алагес и Кинджал, которые выше 2 000 саженей. Еще с дюжину гор превышают 1 000 саженей, другие же бесчисленные горные вершины редко превышают 500 саженей. На всех этих горах, за исключением тех мест, где лежит вечный снег, имеется роскошная растительность.

На Кавказе мало озер. Самое большое — Готшау-озеро; Тшелдир, Зачхамас, Туман и Тапарман незначительны. Характерно, что почти все снежные горы и озера находятся в центре страны, ближе к югу.

Климат вообще самый здоровый в мире, но, смотря по местности, различный. В то время как на севере вдоль Кумы и Кубани ледяные северные и северо-восточные ветры приносят часто суровые холода, климат тех частей страны, [26] которые защищены горами, в общем можно сравнить с Северной Италией. В стране произрастают все южные плоды.

Кавказ до сегодняшнего дня, несмотря на все усилия, которые прилагали частью русское правительство, частью частные путешественники, далеко еще не так известен, чтобы можно было дать точное статистическое, географическое и этнографическое описание этой страны. Лучшее, что до сих пор появилось в печати об этой стране, — это карта и описание ее К. Коха. В большое заблуждение впадают все статистики и этнографы, которые до сих пор писали об этой стране, когда они многочисленные диалекты, на которых разговаривают на Кавказе, принимают за различные языки, а каждое отдельное племя — за национальность. Иностраный путешественник, который, кроме русского языка (да и для него он часто нуждается в переводчике), не знает ни одного из тамошних языков, удивлен, что почти на каждом шагу слышит по-новому звучащий говор; он останавливается и спрашивает, как называется этот народ. Ему говорят название местности или фамилию. И вот на карте появляется новый народ; если же еще поверить многочисленным сказаниям, по которым большинство старых и новых писателей судят о Кавказе, то тогда легко составить представление о происхождении этого народа, его истории, количестве населения и т.д. Нередко также название одного племени принимается за название целого народа. Никому не пришло в голову, как это происходит, что во всем Кавказе все жители одинаково одеваются, их жилища, пища, нравы и обычаи очень мало различаются, а оружие и конская сбруя повсюду одинаково изготовляются и украшаются. Если бы, например, азиатский географ и этнограф объехал бы быстро Австрийскую империю, не говоря ни на одном из господствующих в государстве языков, как это имеет место почти у всех исследователей Кавказа, то он увеличил бы каждый из 10 — 20 главных языков еще на дюжину диалектов и нашел бы от 120 до 150 народов. В Великобритании столкнулись бы с системой такого поверхностного исчисления более чем на 50 языков; кроме того, какая разница в нравах и обычаях, одежде и питании [27] крестьян, разница, которую часто встречают на протяжении одного дня путешествия!

Такое различие, как подтвердит каждый знающий Кавказ, в этой стране встречается меньше, чем во всем остальном мире. На великом пути переселения народов, конечно, каждый народ оставлял свои частицы, но со временем различные более близкие племена находили друг друга и сливались вместе.

Жители Кавказа принадлежат к трем семьям народов, а именно: к индоевропейским — абазы, которых неправильно называют в Европе черкесами, осетины, сванеты, мингрельцы, грузины, армяне и курды, персы (таджики), маленькие племена, как гудамхары, чевнуры, пшавы, тушины, и европейские пришельцы, как малороссы, немцы и т.д.; к туранской семье народов принадлежат: ногайские татары, турки, кумыки, авары, затем татарские и московские пришельцы. К семитской: лезгины, чеченцы и кабардинцы, затем туземные и переселившиеся евреи. Среди аварцев, чеченцев, кабардинцев и среди казаков новой линии все расы сильно перемешаны.

Индоевропейская раса занимает почти четыре пятых страны, количество жителей распространено по стране в том же самом отношении. Две другие расы, которые между собой сильно перемешаны, занимают приблизительно пятую часть страны на северо-востоке и образуют также примерно пятую часть народонаселения.

По народностям Кавказ может быть также разделен на три различных части, а именно: во-первых, на армяно-грузин, к которым могут быть причислены также живущие на юго-востоке маленькие таджикские племена, на юге — племена, родственные курдам. Эта первая группа, которая в русских владениях занимает площадь приблизительно в 3500 квадратных миль с населением около трех миллионов душ и к которой еще могут быть причислены армянские народы оккупированных турками и персами частей страны до Эрзерума и озера Ван и Урмия, имеет все условия к тому, чтобы образовать самостоятельное христианское государство с территорией около 5 000 географических квадратных миль и населением более чем четыре миллиона душ. [28]

Армяне и грузины — в основном один и тот же народ, что бы ни говорили. С первого взгляда можно отличить армян и грузин от всякой другой национальности, но никто не сможет отличить грузина от армянина. Их религия, нравы и обычаи одни и те же, их история, их политические несчастья объединили их. Браки между грузинами и армянами часты и многочисленны. В указанной нами местности четыре пятых жителей исповедуют армяно-христианскую веру, едва только одна десятая часть — магометанскую, другая десятая часть состоит из язычников, среди которых часто встречаются поклонники солнца у таджиков и поклонники дьявола у курдов 1.

Вторая группа народов охватывает в племенном и расовом отношении родственных абазам жителей Большой Кабарды, сванетов и осетин. Все этнографы согласны в том, что нужно считать маленький народ осетин принадлежащим к индогерманской расе. Однако они совершенно изолируют этот народ и игнорируют то, что он является родственным многочисленному народу — абазам, который представляет собой чистейшую и прекраснейшую индо-германскую расу. Из моего дальнейшего описания будет видно, что эти народы по своему характеру также являются европейцами. Этой группой занимается страна более чем в 200 квадратных миль, из которой половина, и именно Кабарда, Осетия, Сванетия и Южная Абазия, более или менее находится под русским владычеством, другая половина — вся Северная Абазия независима и охвачена войной. Все подушное население этой народности составляет около полутора миллионов, из которых приблизительно 900 000 независимы. По религии находящаяся под русским владычеством часть — слабохристианская, независимая часть — [29] слабомагометанская; в последних местах встречается христианская религия, смешанная с языческими обрядами. Язык — абазский;

адыгский, убыхский, сванетский и осетинский — простые диалекты, между которыми адыгский диалект — самый чистый и является разговорным для большинства населения.

Третью группу народов можно считать состоящей из кумыков, жителей Малой Кабарды, чеченцев, аварцев и лезгин. Эта группа занимает приблизительно 1200 квадратных миль вдоль Каспийского моря. Население насчитывается не более 600 000 душ. Основная раса — туранская, но сильно смешана с семитской. Лезгины, по-видимому, происходят от одного еврейского племени, которое простиралось через Чечню до Кабарды. Христианская религия, смешанная с еврейскими обычаями, с давних времен известна в этих горах. Впервые, при вторжении русских, господствующей религией стало магометанство. Различные племена, которые не имели никаких форм управления, собирались под знаменем Магомета и давали смелых и фанатичных монахов. Магометанская религия нашла еще большую поддержку во многих татарских фамилиях, которые или с давних пор осели в стране, или в последнее время, при наступлении русских, бежали в горы. Не прошло 20 лет, как эти племена стали мусульманскими. В последнее время известный шейх Шамиль был почти государем в стране, и он был тем, кто окончательно укрепил веру Магомета и сделал ее господствующей.

С 1859 года, после взятия в плен Шамиля русскими, еще сопротивлявшаяся часть Дагестана прекратила борьбу, но это перемирие еще нельзя назвать покорением; по последним сведениям, борьба опять вспыхнула во многих местах.

Так как я лично не был в этой части страны, то не хочу вдаваться в описание ее, чтобы не злоупотреблять доверием моих читателей, Я так много читал литературы о независимых кавказских народах и так мало нашел серьезного и правдивого, что не хочу увеличивать количество без пользы пишущих авторов, однако то, за что могу ручаться с полной уверенностью, считаю нужным сделать известным. [30]

В Европе представляют шейха Шамиля романтическим героем и безграничным повелителем кавказских горцев. Русские сообщения были особенно склонны укреплять это убеждение. Географ и этнограф Мальге-Браун и другие ставят его без оценок в главе черкесов (абазов, или адыге).

Шамиль никогда не был в Абазии, стал же известным там только по имени впервые с 1845 года. Круг его деятельности ограничивался предпочтительно Чечней; он был меньше воином, чем имамом и кадиом. Он призывал народ к фанатичной борьбе против русских. Это верно, но нужно принять во внимание, что также и без такого фанатизма сопротивление этих отважных и свободных племен было неизбежно. Живущие возле Черного моря абазы не фанатизированы, и магометанство только ослабило их сопротивление. Несмотря на это, они до сих пор сохранили независимость. Все татары, турки, башкиры и другие туранские народности были столетиями ревностные мусульмане, однако они почти без сопротивления подчинились русским, большее число их уже крещено и русифицировано. Пленение Шамиля было не следствием проигранных сражений или продолжительной безнадежной борьбы, приведшей к деморализации и катастрофе, но просто следствием внутреннего возмущения, которое принудило Шамиля искать у русских защиты; для того чтобы спасти положение, он симулировал в последний момент сражение с русскими, которое окончилось с обеих сторон без кровопролития. Причиной внутреннего возмущения было то, что население утомилось от непосильных поборов Шамиля и его мюридов³; религиозное лицемерие, которое служило [31] личиной жадности, было ему противно. Перед Шамилем стояла перспектива или погибнуть под пулями своих соплеменников, или спасти свою жизнь и свои деньги (что, кстати сказать, каждый истинный мусульманин больше ценит, чем свою жизнь), отдав себя в руки

русских. В этом меня серьезно уверяли многие чеченцы и лезгины, с которыми в 1860 — 1861 годах я разговаривал в Константинополе.

Возможно, это было в интересах русских — представить пленение Шамиля как конец восстания в Дагестане; утверждали же русские и дружественные русским газеты в своем победоносном опьянении, что после этого события также было сломлено сопротивление адыге; достоверно то, что, несмотря на удаление Шамиля, никто не может переступить гор Дагестана с русской стороны, что хотя народ, правда, не оказывал сопротивления взятию в плен имама, но также и не присягнул на верность царю. С этого времени там господствует перемирие, которое каждый момент может быть прервано кровавым сражением.

Я не сомневаюсь, что русские покорят страну и население будет ассимилировано (что никогда не может случиться у западных абазов), но это будет возможно только после многих сражений.

Если когда-нибудь покорение этих племен закончится, то русское правительство сможет образовать из них страшную милицию. Ассимиляция будет происходить легче, чем всех остальных кавказских народностей и племен, потому что орды, составленные из туранской и семитской рас, принадлежат к одной народности с москвитями. Это дикие, кровожадные, жадные к добыче племена, но они легко принимают железное ярмо при условии удовлетворения их [32] алчности и кровожадности. Шамиль с его манерой повелевать не господствовал бы над абазами и двадцати четырех часов; из трех набегов 4, которых он к ним послал, два первых умерли насильственной смертью.

Я не верю, чтобы народы Дагестана могли быть объединены в одну государственную группу, они могут быть организованы только как военные колонии по образцу казаков. Причина этого лежит меньше в неограниченной любви к свободе этих горцев (т.к. духовный деспотизм Шамиля превзошел, может быть, русский в жестокости и продолжался почти 30 лет), чем в смешении многих маленьких племен, которые говорят на разных диалектах и не образуют национальный союз, как абазы или армяно-грузины, а соединены только новым, не особенно глубоким религиозным фанатизмом; особенно же причина этого заключается в самом духе всех народов туранской расы, которые только в постоянной борьбе смогли сохранить образ политического существования, в их страсти к убийству и добыче и в лени этой расы.

Все пороки, которыми обладают кавказские народы, развиты в большей степени у жителей Дагестана, кроме того, они имеют еще некоторые, абазам и другим совсем неизвестные. Это в особенности вероломство среди своих, фанатизм и жестокость к врагу. Изувечение трупов, отрезание голов, ушей, рук и ног, убийства невооруженных, гнусности над женщинами и детьми, которыми у дагестанцев сопровождается война, совсем неизвестны у абазов. Дагестанец охотно за хорошую плату вступает в русские войска, и служащие под названием черкесов отряды почти сплошь состоят из дагестанских добровольцев; также и среди линейных казаков на Тереке многие поступают в войска, крестятся и скоро русифицируются.

Изучая внимательно историю всех казаков, я нахожу, что [33] эта страшная милиция повсюду имеет именно то же самое происхождение и повсюду сначала обозначалась именем черкес. Казаки Днепра — единственные, которые имеют много славянской крови, но казаки Дона почти сплошь состоят из татар и одной небольшой части москвитов. Казаки Урала и Оренбурга — это смесь татар, турок, башкир, тунгусов, киргизов, туркмен, калмыков и только немного москвитов. Весь этот сброд, который еще недавно

оказывал сильное сопротивление русским, теперь уже крещен, говорит по-русски и образует благоустроенные полки, авангард России в ее завоевательных походах в Азии. Так, роковым образом, все дикие, жадные до добычи племена Дагестана, родственные по духу москвитам, рано или поздно отдадут на службу России свое оружие, обращенное раньше против нее.

Так же, как, с одной стороны, я не согласен, что после взятия в плен Шамиля борьба в Дагестане прекратилась, и думаю, что русским еще предстоят кровопролитные битвы, прежде чем они смогут приучить эти дикие орды к своей службе, таково же мое твердое убеждение, что если вскоре не будет найдено средство, которое даст возможность изгнать из их соседства русских, то еще нынешнее поколение увидит их как благоустроенные казачьи войска в авангарде русской армии, против Малой Азии, Персии и, может быть, против Индии.

Число русских и других европейских колонистов, несмотря на долгое господство русских, в большей части Кавказа еще незначительно. Причина прежде всего в том, что в России ждут полного покорения и до этого не хотят рисковать собой и своим капиталом. Если исключить поселения казаков и армию, о которых мы будем говорить позднее, можно считать число европейских поселенцев не свыше 300 000 человек. Большинство из них живет в городах, преимущественно это колонии немцев около Тифлиса, затем духоборов, молокан и скопцов 5, религиозных сект, преследуемых [34] в самой России, но свободно исповедующих свою веру на Кавказе.

Несравнимо большего успеха, чем колонизация, достиг русский язык на Кавказе. Свыше половины жителей владеет уже этим языком, который стал господствующим во всех городах. Меньше всего известен русский язык среди абазов. Быстрее всего изучают его татары; среди чеченцев, аварцев и лезгин, даже среди независимых, этот язык очень распространен.

Несмотря на все усилия и жертвы, которые делало русское правительство в течение столетия для покорения и русификации Кавказа, эта работа подвигается вперед еще с большим трудом и медленно, и можно сказать, что со времени Екатерины II русские сделали относительно очень мало и их господство в настоящий момент немного более обеспечено, чем во времена великой царицы.

Теперь мы рассмотрим отношение жителей к русскому правительству. При ближайшем знакомстве мы должны по этим отношениям разделить народы Кавказа на четыре группы.

Во-первых, население, платящее налог и повинующееся русским законам. Оно состоит из переселенцев и колонистов — линейных и черноморских казаков: татар, турок и части армян. Эта часть народонаселения, не считая регулярной армии, представляет число приблизительно в 1 200 000 душ обоего пола.

Во-вторых, народы, которые признают верховную власть царя и поставляют милицию для службы России, но мало или совсем не платят податей, повинуются своим собственным законам, не сложили оружие и только терпят [35] русское господство. Это грузины и большая часть армян, таджики (персы), кабардинцы, курды, некоторые мелкие племена. Их общее число составляет приблизительно 2 200 000 душ.

В-третьих, народы, или только номинально признающие суверенитет царя, или только заключившие вид перемирия с русскими, не платящие податей и не поставляющие милицию; их набеги должны сдерживаться силой. Это южные абазы, сванеты, осетины,

мелкие племена самурзаканцев, бесленеевцев, карачаевцев и татар Эльбруса, восточные кавказцы и сподвижники Шамиля — кумыки, чеченцы, аварцы и лезгины. Число их можно считать 1 200 000 душ.

В-четвертых, народы, находящиеся в состоянии войны, против которых русская армия в настоящий момент оперирует со всей мощью и относительно которых читатель найдет в этом сочинении возможно точное описание. Это северные абазы (адыге), которых неправильно называют в Европе и Турции черкесами. Число их может приблизительно составить 900 000 человек. Теперь мы сделаем общую сводку народонаселения

Кавказа.Русских подданных	1 200 000 душ
Наполовину покоренных	2 200 000 -»-
Живущих в перемирии с русскими	1 200 000 -«-
Находящихся в состоянии войны	900 000 -«-
Всего народонаселения	5 500 000 душ

Может быть, это и слишком смелое желание — определить для Кавказа точное число жителей, поэтому я охотно соглашаюсь с тем, что могу ошибиться в моих данных на 10 процентов, но, думаю, не больше. Во всяком случае, мне кажется, что не будет слишком рискованным предположить это количество на площади в 7. 000 географических квадратных миль. Я должен был в конечном счете основываться на собственном опыте и на нем, так же как и на детальных исследованиях, которые я провел в различных частях страны, базировать мои вычисления. Кавказ населен гуще, чем это может показаться на первый взгляд путешественнику, и предположение о нахождении 900 душ на одной квадратной миле скорее преуменьшено, чем [36] преувеличено. Я не мог почерпнуть сведений из официальных русских статистических данных, так как знал бессовестность, с которой такие данные создавались в России.

Один маленький пример. Я согласен, что русское правительство могло еще как-нибудь определить в круглых цифрах число первой части вышеприведенных народов; я твердо убежден, что число жителей второй части ему неизвестно; каким образом возможно правительству, даже только приблизительно, определить число душ непокоренных горцев, в страну которых не ступала еще нога ни одного европейца? Это, однако же, не препятствует московским статистикам называть их число, а европейским статистикам с благоговейной точностью их переписывать. Так, читаю я в одном официальном русском альманахе: «Лезгинская раса имеет 397 701 душу, черкесская, или адыгейская, — 290 549; сванеты (которых, между прочим, насчитывается приблизительно 2 600 семейств) — 1 639 человек» и т.д. Я не знал, должен ли я смеяться или удивляться; смеяться над наивностью русского чиновника, который преподносит такие статистические шутки своему правительству и всему миру (такие фарсы хороши в романе Поля де Кока, но неуместны в государственном альманахе), или же мне удивляться спокойствию, с которым русское правительство позволяет себя дурачить или с непонятной наивностью само издевается над всем миром.

Как доказательство, насколько можно полагаться на официальные статистические данные, может еще служить следующий пример: господин М. И. Х. Шницлер, который в 1835 году издал в С.-Петербурге очень солидный труд по географии, истории и статистике русского государства под названием «Россия, Польша и Финляндия и т.д.» и который высказывает скорее слишком большую снисходительность, чем строгую справедливость в своих суждениях о России, говорит на странице 36-й о Московской губернии: «При общем измерении в 1795 году оказалось, что площадь губернии составляет 575 географических кв. миль, но эти данные были неверны. Все статистики соглашаются [37] уменьшить

число до 474. Господин Арсеньев в 1831 году допускает 480 кв. миль». Недурно! Так, в 36 лет губерния суживается на 100 квадратных миль, на одну пятую часть. Дальше господин Шницлер на странице 37-й говорит об этой же Московской губернии: «Народонаселение предполагается различно. Г-н Шторх принимает в 1795 году число в 1 139 000; Вихман в 1813 г. — 1 246 000; Циабловский в 1814г. — 945 800; Хассель в 1829г. — 1 337 900 и г-н Арсеньев в 1831 г. — 1 200 000. Официальная статистика в 1796 г. показывает 825 972 чел. обоего пола».

Таким образом, если в самой маленькой губернии России, лежащей в сердце государства и заключающей в себе вторую столицу, может царить такая путаница, самым ярким образом доказывающая неправильность официальных данных, то как же можно относиться иначе, чем полусерьезно, к географическим, статистическим и этнографическим басням, издаваемым Россией о Кавказе.

Стоящая здесь русская армия под названием постоянный армейский корпус, имеющая главную квартиру в Тифлисе, может быть разделена в тактическом отношении на три главных части: а) регулярные линейные войска, в) регулярные казачьи войска, с) нерегулярная кавказская местная милиция.

Регулярные линейные войска

19, 20, 21-я дивизии линейной пехоты по 16 батальонов 48 батальонов

1 гренадерская бригада из 8 батальонов 8 —«—

Стрелки 6 —«—

3 бригады черноморской пехоты из 6 батальонов 18 —«—

12 грузинских линейных батальонов 1 —«—

Пехоты 92 батальона

-

Кавалерия

1 дивизия драгун из 4 полков по 8 эскадронов 32 эскадрона

-

Артиллерия

2 бригады конной артиллерии из 2 батарей по 8 орудий 32 орудия

4 бригады пехотной артиллерии из 4 батарей по 12 орудий 192 —«—

1 бригада горной артиллерии из 4 батарей по 8 орудий 32 —«—

Крепостная к резервная артиллерия 6 000 человек

Инженерные войска 3 000 —«—

Штабные войска, администрация,

транспортный военный обоз 2 500 —«—

8 штрафных рот по 250 душ 2 000 —«—

2 роты скопцов 500 —«—

[38]

Если считать один батальон в 850 человек, один эскадрон в 150 человек, на каждое орудие 25 человек, то пехота состоит из 78 200, кавалерия из 4 800, полевая артиллерия с 236

орудиями из 6 400 человек. Вся регулярная армия составляет 103 400 человек, с полевой артиллерией в 256 орудий.

Казачьи войска на Кавказе

17 полков донских казаков по 6 эскадронов	102 эскадрона	
2 бригады конной донской казачьей артиллерии из 2 батарей по 8 орудий		32 орудия
18 полков линейных казаков по 6 эскадронов	108 эскадронов	
1 бригада пехоты линейных казаков в 4 батальона	4 батальона	
3 бригады конной артиллерии линейных казаков из 2 батарей по 8 орудий		48 орудий
12 полков черноморских казаков по 6 эскадронов	72 эскадрона	
9 батальонов пехотных черноморских казаков	9 батальонов	
2 бригады конной артиллерии черноморских казаков		32 орудия

Итого казачьих войск

эскадронов

батальонов

орудий

Донских казаков

102

0

32

Линейных казаков

108

4

48

Черноморских казаков

72

9

32

Всего

282

13

112

[39]

Так как подсчет казаков следует производить при полном комплекте, то, следовательно, казачья армия состоит из 42 300 человек конницы, 13 000 человек пехоты и 2 800 канониров. Итого 58 100 человек с 112 орудиями.

Милиция Грузии, Имеретии, Кабарды и Дагестана организована в нерегулярные полки, батальоны или просто отдельные роты и образует номинальный наличный состав в 40 000 пехотинцев и 10 000 конных, в целом почти 50 000 человек. Они не имеют артиллерии. Общая сводка армии

человек

орудий

Регулярной армии

103 400

256

Казачьих войск

58 100

112

Милиции

50 000

—

Итого Кавказской армии

211 500

368

Эта армия может быть подкреплена флотом Каспийского моря, который насчитывает 12 пароходов и много парусных судов, и оренбургским корпусом. Как регулярная армия, так и казаки имеют, кроме того, на время войны резервные войска, призыв которых может довести армию до 300 000 человек. Это официальные данные, от которых можно смело отбросить четвертую часть. Несмотря на это, однако же, верно, что Кавказская армия легко может быть доведена до внушительных размеров — больше чем 200 000 человек.

Кроме знакомства с количественным составом армии, одинаково важно и знакомство с моральным и материальным состоянием ее.

Линейная пехота состоит, как выше сказано, из бригады гренадер, трех дивизий пехоты, трех бригад черноморских войск и двенадцати регулярных грузинских батальонов.

Гренадеры — это красивое, великолепное войско, но так как их очень берегли и почти не посылали против горцев, они не приобрели на Кавказе большого военного опыта. Пехота трех дивизий, так же как и стрелковые батальоны, — недурна, но не так хороша, как в главной русской армии. Причина отчасти в том, что Кавказская армия находится [40] вдали от контроля правительства, отчасти также от характера рекрутского набора. Есть предписание, что каждый из шести мобилизационных армейских корпусов в России поставляет определенный годовой контингент в Кавказскую армию. Этим обстоятельством пользуются полковые командиры, чтобы избавиться от плохих и негодных солдат. При введении даже строжайшего контроля (чего на самом деле нет) заинтересованные офицеры нашли бы средства и повод обойти этот контроль. Офицеры Кавказской армии также пополнялись такими, которые не могли оставаться по той или другой причине в своем полку.

Служба в Кавказской армии почти равносильна наказанию, ссылке; многочисленные политические осужденные или только находящиеся на подозрении кончали свою жизнь в солдатской шинели на Кавказе; долгое время годовой рекрутский контингент в Царстве Польском зачислялся в эту армию. Три линейные бригады черноморской пехоты и грузинские линейные батальоны представляют из себя на первый взгляд, может быть, самую жалкую пехоту во всем русском войске. Плохо вооруженные, т.к. большинство из них имеет еще старые кремневые ружья, составленные не только из отбросов главной армии, но также и кавказского корпуса, они, благодаря вечной борьбе с непрерывными опасностями, трудностями и лишениями, превратились в действительно хорошее войско. Эти батальоны образуют гарнизоны бесчисленных фортов или крепостей б. Во всех походах, работах, трудностях и опасностях они составляют авангард. Всегда в уединенных гарнизонах, часто годами лишённые контроля высших офицеров, они подвергнуты произволу и корыстолюбию их начальства. Дезертирство очень значительно, несмотря на то, что горцы часто выдают дезертиров за деньги и постоянно продают их

между собою [41] как рабов; и если бы перебежчики находили действительную защиту у неприятеля, то я думаю, что дезертирство подвергло бы опасности существование этого войска.

Регулярная кавалерия, состоящая из четырех полков драгун, обучена пешему и конному бою. Из этого следует, что она не стала кавалерией и не может считаться посредственной пехотой. Люди, лошади, вооружение и седла тяжелы для войска, задачей которого в основном является быстрое передвижение. Я читал много русских и иностранных романов, в которых драгуны Кавказа играют блестящую роль. Я не знаю, насколько это верно в войне с чеченцами и лезгинами, однако же несколько сомневаюсь в этом, т.к. далеко не настолько воинственные абадзехи летом в 1858 году на реке Лабе напали с 300 всадниками на 4 эскадрона драгун, рассеяли их и взяли у них 36 пленных и 82 лошади. Это было в первый и последний раз, когда драгун употребили против адыгов; последние никогда не считали их за серьезных врагов.

Артиллерия, бесспорно, хороша, но не имеет случая отличиться, так как горцы не могут противопоставить русским пушки; в частых и тяжелых походах они находят единственный способ усовершенствоваться.

Донские казаки на Кавказе не на своем месте. Этот кавалерист с его чрезмерно длинной пикой, привыкший блуждать взором далеко по бесконечным степям своей страны на степном коне, не привыкшем к лесным и горным тропам, не может быть полезен между высокими горами, лесами и кустами. Он служит только посмешищем для друзей и врагов и употребляется больше для сторожевых постов на равнинах, поддержания связи, сопровождения путешественников, транспорта и арестантов и различных малоопасных экзекуций. Для этой последней службы он незаменим.

Линейные казаки образуют прекраснейшее войско на Кавказе и являются грозой восточных горцев. Не уступая им в дикости, жестокости, варварстве и смелости, они превосходят их военной организацией, имеют лучшее оружие и лошадей. Их одежда, вооружение, седла и уздечки [42] лошадей отличаются только лучшим качеством от чеченских и лезгинских. Екатерина II положила основание этим казачьим колониям на Тереке. С этого времени растут полки и станицы. Но резкое увеличение началось с 1856 года: кавалерийские полки увеличились на третью часть, пехота — наполовину. Причина лежала в том, что многие племена были деморализованы безуспешной войной, которую вела половина Европы против русских, и записались в казачьи списки. Теперь горцы, которые прежде подчинялись Шамилю, сжаты между станицами линейных казаков. Эти казаки состоят из разных национальностей, населяющих русское государство. Большинство — коренные жители Дагестана. Встречается между ними и много поляков. Целые семьи, которые должны были отправиться в Сибирь, предпочитали воспользоваться предоставленным им выбором и записывались в казаки. Солдаты, присужденные за какой-либо политический проступок к вечной службе на Кавказе, пользовались также предоставленным им выбором. Но вся эта смесь из поляков, русских, татар, грузин, чеченцев, аварцев, лезгин, евреев и т.д. имеет теперь одну религию и один язык — русский, и каждый новый приезжий русифицируется в короткое время.

С некоторых пор приток диких горных жителей Восточного Кавказа, записывающихся в линейные казаки и переезжающих в станицы, необыкновенно увеличился, и это убеждает меня в высказанном прежде мнении: если в последней битве, которая скоро произойдет между дагестанскими племенами и русскими, горцам не будет оказана помощь, признаков которой не видно, то имена этих племен скоро исчезнут, и эти страшные казачьи колонии будут в состоянии через 20 лет предоставить для службы царю столь же многочисленные,

но гораздо более храбрые, чем Дон, полки. Они выставляют, как я отметил, теперь около 20 000 человек войска всех видов оружия, имеют, [43] кроме того, еще гораздо более сильные резервы. Народонаселение с некоторого времени сильно увеличивается, в этот момент его можно считать не меньше 300 000 душ. До сих пор они употреблялись только против восточных кавказцев, впервые в 1858 году увидели абазы на Западном Кавказе несколько полков этих варварских и смелых воинов, первое выступление которых было способно внушить страх и ужас их новым врагам. В последнем восточном походе стояли некоторые полки линейных казаков из армии Муравьева перед Карсом в Малой Азии и особенно выделялись среди всех русских полков.

Черноморские казаки не живут на Черном море, как показывает название, но вдоль реки Кубани. Эти казаки образовали раньше знаменитую военную республику запорожцев на островах и вдоль реки Днепра. Они находились под покровительством польского короля, и хотя, с одной стороны, они оказывали много услуг республике, с другой — были очень вредны и опасны благодаря своему беспокойному характеру.

Когда Польша пала, в С.-Петербурге было принято решение уничтожить эту казачью республику. Русское войско окружило Сечь 8, и народ был частью отправлен в Сибирь, частью распределен между казаками на Дону; небольшая часть бежала через Дунай в турецкие владения и основала там колонии в Добрудже. Их потомство живет и до сих пор под покровительством Порты, они управляются собственными законами и в случае войны выставляют для службы султану кавалерию. В каждой войне против русских можно видеть этих казаков, бьющихся с храбростью и ненавистью. Большая часть запорожцев получила в 1792 году разрешение Екатерины II построить вдоль Кубани станицы и переселиться туда. Эти остатки некогда могучих запорожцев были организованы по-военному и образуют в настоящее время корпус черноморских казаков. Менее жадные до добычи и не такие свирепые, как линейные казаки, они не уступают последним в храбрости. Они единственные среди казаков России, у которых преобладает славянская кровь и которые говорят не на [44] официальном великорусском, а на их старом малороссийском или русинском языке; их нравы мягче, они занимаются земледелием, скотоводством и рыболовством и ведут значительную торговлю хлебом, воловьими кожами, икрой и сушеной рыбой; большинство из них состоятельны, многие даже богаты. Они образуют передовые посты русских против адыгов, и положение их местности принуждает их беспрерывно быть на страже против нападений их соседей. При военных операциях они образуют авангарды русской армии против адыгов. Их конница превосходна и приобрела опыт в вечной войне, но еще лучше их пехота, которая не имеет себе равной в Кавказской армии. Они вооружены охотничьими карабинами, и абазы говорят, что они предпочитают иметь дело лучше с целым батальоном русской пехоты, чем с сотней черноморских стрелков. Их артиллерия считается также лучшей в Кавказской армии. Эти казаки никогда не имели большой привязанности к русскому правительству, но последнее время, когда русское правительство все более и более нарушает их привилегии и когда, несмотря на договоры, им навязывают чужих офицеров из русских полков в их войска, они стали чрезвычайно раздражены, и имея они у своих соседей, адыге, какую-либо поддержку, не раз уже вспыхнули бы волнения, и это было бы тем более опасно для правительства, что на Дону также имеется много недовольных. К тому же это старое племя казаков среди всех казачьих племен пользуется наибольшим уважением и считается как бы их главой. Кроме их контингента, около 20 000 человек, они могут созвать еще почти столь же сильный резерв. Их народонаселение не превышает 200 000 душ. Кроме того, в Черномории имеется еще большое число переселившихся малороссов, а также татар, черкесов и единичных евреев. Много башкир и калмыков служат как табунщики и пастухи. Но черноморские казаки не смешиваются так легко, как казаки новой линии, с этими чуждыми расами. [45]

Милиция, которую выставляют на службу России различные наполовину покоренные народы и племена Кавказа, довольно хорошо организована и вооружена. Она предназначена защищать свою страну против неприятельских набегов, для экспедиций против горцев она призывается только в крайнем случае. В случае внешней войны часть ее обязана служить и вне своих границ. В походе Муравьева в Малую Азию она показала, что является столь же храброй, как и хорошо дисциплинированной.

Россия владеет Кавказом посредством системы отдельных фортов. Страны, где каждый житель вооружен, где местность как будто создана для сопротивления, где мало больших городов, а в иных частях страны совсем нет даже поселений, которые могли бы служить неприятелю пунктом опоры и снабжать его продовольствием, не могут быть завоеваны несколькими выигранными сражениями. Следовательно, было необходимо создать пункты опоры, благодаря которым племена могли бы постепенно принуждаться к повиновению. Эта система была проведена русскими в большом масштабе. Во всей стране, за исключением тех мест, которые еще не могли быть оккупированы, разбросана целая сеть бесчисленных маленьких и больших военных укреплений. Эти военные укрепления имеют 50, 100, 500, часто до 2 000 человек пехоты, необходимое число казаков и вооружены соответствующим числом пушек. Обыкновенно они образуют правильный четырехугольник, окруженный валом и рвом, часто также палисадом. Казармы, возведенные внутри форта и прочие постройки бывают обыкновенно из дерева, часто с камышовыми и соломенными крышами и не могут выдерживать даже незначительной канонады. Крепости вдоль берегов Черного моря, разрушенные только со времени Восточной войны, были построены немного основательнее, большинство из них было окружено стенами, а внутренние постройки воздвигнуты из камня и кирпича. Крепости в наполовину покоренных странах, как Грузия, Имеретия, Армения и т.д., удалены друг от друга на довольно дальнейшее расстояние; они служат также тюрьмами [46] и местом пребывания русских чиновников, титул которых обыкновенно значительнее, чем круг их деятельности в стране. Часто такие крепости дают основание новым городам и базарам, которые русские закладывают на Кавказе. Русские поселенцы и купцы, армяне, греки и евреи поселяются под покровительство крепостных пушек. Многие такие места, где вначале стояла маленькая крепость, обратились теперь в цветущие торговые пункты.

Чем дальшеходишь в страны, в которых живут независимые народы или только номинально признающие царя, тем чаще и крепче крепости, гражданское население встречается все реже и на внешней линии совсем исчезает, сношение становится труднее и может только поддерживаться патрулями или даже большими отрядами.

Эти крепости находятся в таком состоянии, что почти ни одна из них не может выдержать серьезного нападения регулярной армии, но для горцев, вооруженных легкими ружьями и короткими саблями, при этом несведущих в регулярном ведении войны, они все же малодоступны. Если бы горцы были подкреплены 2 000 хорошего войска и двумя-тремя артиллерийскими батареями, то эта паутина пала бы сама собой. Тогда не только народы, ведущие войну и вынужденные к перемирию, могли бы дышать свободнее, нет, даже наполовину покоренные изменили бы, вероятно, свой образ мысли.

Концентрация больших войсковых корпусов довольно затруднительна даже теперь, когда каждая из многих крепостей служит опорным пунктом корпуса и может снабжать его из своих продовольственных магазинов короткое или долгое время. Корпус от 10 до 12 тысяч человек, о большем и говорить нечего, не может отважиться на наступательную операцию, которая отдалит его больше чем на 4-6 дней от своей базы, потому что

доставка продовольствия и военного снаряжения всегда очень тяжела, а часто совсем невозможна.

Разрушение части крепостей сделало бы еще более тяжелыми концентрацию и операции русской армии и принудило бы последнюю в некоторых случаях искать точек опоры [47] в больших городах и прикрывать их от набегов. Образование одного, хотя бы маленького, но хорошо обученного регулярного отряда для подкрепления воюющих кавказцев (абазский народ — последний, который поднимает еще оружие против русских), было бы, может быть, единственным средством, которое могло бы воспрепятствовать завоеванию Кавказа. Без этой материальной помощи, которая имела бы также большое моральное значение для всех народов Кавказа, можно быть готовым к скорому разрешению кавказского вопроса, т.е. к безусловному покорению Кавказа в ближайшем будущем.

Необъяснимое равнодушие, с которым союзники отнеслись к этому вопросу во время последней Восточной войны, оказало по крайней мере ту пользу, что Россия немного приподняла свою маску и показала миру, какую военную силу она имела к своему распоряжению до покорения Кавказа для войны с Анатолией; из этого можно сделать вычисление, какими громадными войсками она сможет оперировать, когда эта страна будет в ее полной власти.

Русско-кавказская армия могла в 1855 году выделить в Крым 3 бригады пехоты и послать 50 000 человек для взятия Карса. Остается еще приблизительно 140 — 150 тысяч человек русских войск на Кавказе для обуздания горцев. Что было бы с Анатолией и, может быть, с Константинополем, в каком положении оказалась бы осаждающая армия союзников под Севастополем, если бы Муравьев, прикрытый с тыла и флангов, не с 50 000 человек, а со всей Кавказской армией в 200 000 душ ворвался бы в Малую Азию?

Никто, кто серьезно хочет изучить это положение, не сможет отрицать, что, как только будет сломлено сопротивление горцев, как только Россия сделается действительным господином Кавказа и племена восточных кавказцев будут превращены в казачьи полки, чему уже положено начало, в таком случае вся Кавказская армия, более многочисленная, чем сегодня, будет представлена для завоевания Малой Азии и для большого похода против Индии.

Кто сможет тогда думать о десанте и диверсии на кавказском берегу, если охранители этого берега, [48] рыцарские адыги, будут изгнаны и их страна будет оккупирована русскими? Ведь в течение 30 лет силы русского войска и флота не могли овладеть этими берегами, которые защищались только горстью плохо вооруженных людей, не организованных в регулярные войска.

Независимым кавказским народам делали упреки в том, что они не сумели использовать шансы, которые им предоставила последняя Восточная война, не использовали и не приняли участия в войне. Каковы были причины этого и на кого падает вина, мы постараемся разъяснить в ходе этого сочинения. [51]

ГЛАВА 2

Страна независимых кавказцев. — Географическое и топографическое положение. — Горы. — Реки. — Берег Черного моря. — Климат. — Пути и дороги. — Границы. — Почва. — Земледелие. — Ремесла. — Производство пороха и оружия. — Коневодство и скотоводство. — Овцы и козы. — Пчеловодство. — Дичь. — Рыбы. — Минералы. — Торговля. — Трудности сообщения. — Ввоз и вывоз.

Я перехожу к описанию независимой части Абазии — страны адыгов. Я не осмеливаюсь, как уже было указано в предисловии, вдаваться в более подробное топографическое описание и должен ограничиться для ориентации читателя только некоторыми замечаниями.

Естественными границами страны являются: с запада — Черное море, с севера и востока — река Кубань, с юга — маленькая река Бзыбь. Лежащая между этими границами поверхность земли составляет приблизительно немногим более 1 000 географических квадратных миль. Вдоль берега Черного моря от Анапы до Пицунды страна гориста; горный хребет, узкий и низкий в своем начале на севере, становится шире и выше к югу, где начинаются снеговые горы. На этом горном хребте берут начало бесчисленные ручьи, которые вливаются на западе в Черное море, на востоке и севере — в притоки Кубани; все эти ручьи и речки, за исключением Лабы, незначительны и только при сильных оттепелях и дождях превращаются моментально в реки.

Вдоль берегов Кубани, от ее начала до впадения, страна низменна и ровна. Равнина занимает вообще две седьмых части, а гористая часть — пять седьмых страны адыгов. Круто от берега поднимающиеся горы менее плодородны, видимая с моря земля представляет неприветливый, печальный вид, можно сравнить всю береговую полосу с рядом каменных зубов, между которыми низвергаются в море бесчисленные потоки. Эти берега как будто созданы для контрабандной торговли и для пиратов. Неглубокое и каменистое дно делает их опасными для каждого большого корабля, который должен держаться на милю от берега. Довольно сносные якорные стоянки у Анапы, Суджука, Геленджика, Туапсе и Вардане, однако они не представляют защиты от шторма и ветра. Русский флот понес в этих якорных стоянках большие потери, особенно в Суджукке. Единственный от Азовского моря вплоть до турецкой границы порт, представляющий порядочную защиту — это Сухум-Кале.

Ах, я забыл: царь Александр II дал название гавани также и Поти. В Суджукке могла бы быть сооружена одна из [52] лучших гаваней Черного моря, но для этого необходимы организация страны, мир и большие расходы; до сих пор только легкие барки, которые могут плыть в мелкой воде, могут употребляться вдоль абазских берегов. Из бесчисленных трупов, которые почти неприступны, пираты могут с большой легкостью оказывать значительные препятствия русской торговле в Черном море и делать блокаду берегов трудной и даже невозможной; но, к их несчастью, адыги не моряки, и это облегчает блокаду.

Климат адыгской страны можно сравнить со Средней Европой, однако господствует большая разница в температуре между горной и плоскостной частью страны. На равнине дует ледяной северный и северо-восточный ветер из степей России, холода достигают часто более 20 градусов, Кубань и другие реки затягиваются толстым ледяным покровом, и большие снежные массы покрывают своим саваном равнину. В горах и горных долинах, где северные ветры имеют меньшую силу, напротив, никогда не бывает больших морозов. Зима редко продолжается больше двух месяцев. Летом бывает часто дождливая погода; как во всех горных странах, там также часты и сильные грозы.

Климат один из самых здоровых на земле; кроме лихорадки, которая встречается только на Кубани и в близлежащих равнинах и которая для тамошних уроженцев малоопасна, другие болезни в стране почти неизвестны; врачей совсем не найдешь; лекарств там не знают, хотя в горах произрастает большое количество великолепнейших и редкостных трав; однако имеется некий род хирургов, которые очень удачно излечивают раны, но не

предпринимают никаких ампутаций; они высоко почитаемы. Обычно болезни, особенно лихорадка, лечатся заклинаниями, амулетами и в последнее время чтением вслух стихов из Корана. Какая мрачная судьба! Русские, которым повсюду предшествует моральная и физическая испорченность, влили также и здесь, возможно против их желания 9, [53] неизвестный яд в кровь народа. Женщины и девушки из Абазии, которые попадали в руки русских на море или на суше и потом были выкуплены их семьями, приносили в страну заразную болезнь, после того как они служили игрушкой в грубых развлечениях русской солдатчины, что было тем более опасным, что эта болезнь незнакома населению, оно не знало никаких лечебных средств против нее. Ее называли *uguss smage* (русская немощь). Недуг был в некоторых местностях довольно распространен; бедные люди узнали впервые от нас, с каким врагом они имеют дело, и научились некоторым средствам против этой болезни; они сделают все, надеюсь, чтобы воспрепятствовать распространению болезни. Их чистая, неиспорченная кровь и их умеренность облегчают вообще всякое лечение.

Леса в стране адыгов находятся еще в первобытном состоянии; преобладает дуб; однако мало больших и здоровых деревьев, в чем, может быть, виновна отчасти густота лесов, отчасти же каменистая почва, которая здесь часто встречается на небольшой глубине в земле. Впрочем, тут имеются все виды деревьев. Всевозможные виды диких фруктовых деревьев и дикого винограда растут в большом количестве, можно считать, что дикие фруктовые деревья занимают пятую часть лесов. Вся страна густо заросла лесом, за исключением степей на один или два часа пути от берегов Кубани, где страна низменна, безлесна, но весьма плодородна и богата травой. Две трети всей поверхности страны еще покрыты лесом.

Дорог и путей, собственно, нет. Некоторые дороги, которые русские проложили перед Восточной войной, чтобы установить связь между крепостями, были разрушены жителями и теперь заросли уже диким кустарником. В равнинах там и сям есть дороги, по которым с большим трудом могут продвигаться отдельные телеги, в горах и это невозможно. Связь поддерживается узкими пешеходными тропинками, на которых европеец-пешеход и неместная лошадь могли бы сломать себе шею, в то время как абазская лошадь проходит там с полной уверенностью.

Границы страны созданы природой как бы нарочно для [54] оборонительной войны. Берега Черного моря почти неприступны, потому что неприятель, едва сойдя на берег, натывается на горы, заросшие высоким густым лесом и прорезанные тысячами лесных потоков и пропастей. Ни города, ни деревни, только там и сям единичные покинутые или сожженные дворы; за каждым кустом, за каждым деревом, за каждым камнем — подкарауливающий неприятель, который появляется или исчезает, как привидение.

Кубань — также превосходная граница, вязкие берега ее с болотами, поросшими высоким камышом, делают постройку мостов и переходы реки очень тяжелыми, к этому нужно еще прибавить, что последняя после трехдневного дождя чрезмерно поднимается и угрожает устроенным средствам сообщения; кроме того, лихорадка, которая уроженцам мало вредна, обычно сильно поражает чужеземные отряды.

Границы южной части защищены высокими непроходимыми горами. Неприятель, который не уверен в нейтралитете жителей Южной Абазии, не может предпринимать с этой стороны никаких операций. Кроме того, жители юга возлагают ответственность за каждое нападение русских на своих соседей и одноплеменников, христианских абазов, и так как месть их более страшна, чем русская угроза, то они не допускают, чтобы из их страны предпринимались враждебные походы против адыгов.

Восточная граница вдоль Кубани, от ее слияния с Лабой, менее всего защищена. Река Кубань, здесь еще узкая и мелкая, не образует достаточного барьера против русского нашествия. Здесь неприятель также сделал значительные успехи и оттеснил или уничтожил пограничные племена. Всякое сопротивление адыгов против регулярных войск [55] невозможно, потому что страна большей частью плоска и имеет много безлесных равнин, где русская артиллерия — страх адыгов — может принимать дающее перевес участие в битве. Почва Абазии самая плодородная на земле. Как равнина, так и горы производят все виды хлебных злаков. Возделываются пшеница, кукуруза, ячмень и овес; кроме того, собирают еще очень много проса, особенно в горах. В последнее время получило весьма большое распространение возделывание кукурузы — отчасти по причине большого плодородия этого вида хлебного злака, урожай которого здесь очень высокий, отчасти же потому, что турецкие хлеботорговцы охотнее всего покупают кукурузу и лучше всего за нее платят. Из овощей до сих пор известны только немногие, как лук, красный перец, чеснок, петрушка, огурцы, капуста и тыква. Последние достигают редкой величины. Другие овощи неизвестны, в том числе и картофель. Я оставил жителям немного картофеля, желтой репы и различных семян и, так как они с большой охотой занялись посадкой и им особенно понравился картофель, думаю, что они этим воспользуются. Из стручковых разводят фасоль в большом количестве и очень хорошего качества; горох и бобы редки. Повсюду встречаются превосходные сахарные дыни и арбузы. Дикая виноградная лоза растет по всей стране; в то время, когда крепости Суджук и Геленджик принадлежали русским, они основали прекрасные виноградники, где виноградная кисть получалась так же хороша, как и в Крыму. Но северные абазы пренебрегают разведением винограда, в противоположность южным которые занимаются этим с усердием. В Убыхе вырабатывается много вина, которое очень крепко и вкусом сходно с вином греческих островов. Все виды фруктовых деревьев произрастают очень хорошо, и, хотя на них затрачивается сравнительно мало труда, здесь можно найти все сорта хороших фруктов. Прекраснейшие луга встречаются не только на равнинах, но также на плоскогорьях самых высоких гор, однако не используется и третья часть трав и не заготавливается сено.

Преимущественное занятие адыга — земледелие, которое дает ему и его семье средства к жизни. [56] Земледельческие орудия находятся еще в примитивном состоянии и, т.к. железо редко, очень дороги. Плуг тяжел и неуклюж, но это не только особенность Кавказа; я вспоминаю, что видел столь же неуклюжие сельскохозяйственные орудия в Силезии, которая, однако, принадлежит к Немецкому Союзу; в плуг впрягаются от шести до восьми быков. Бороны заменяются несколькими пучками крепких шипов, которые кое-как служат тому же назначению. Их топоры и мотыги довольно хороши. На равнинах и на менее высоких горах употребляются большие двухколесные телеги для перевозки сена и хлеба. В такой телеге не найдешь ни гвоздя, ни кусочка железа, но тем не менее они долго держатся и могут везти от восьми до десяти центнеров. На равнине телега приходится на каждые две семьи, в горной части — на каждые пять семей; в высоких горах она уже не встречается. Во все упряжки употребляются только быки, но не лошади.

Коневодство, со времени вторжения русских через Малую Кубань к Лабой и с потерей большей части сенокосных и пастбищных мест, очень понизилось. Скотоводство все еще в довольно плохом состоянии.

Лошадь, это другое «я» абазы, средней величины, сильна и вынослива, хотя и не красива. Достоин внимания твердое копыто лошади; так как железо там — очень редкая вещь, то лошади не подковываются, но, несмотря на это, выдерживают длинные и быстрые переходы без повреждения копыт. Адыг, с одной стороны, очень заботится о сохранении

своей лошади, с другой — требует от нее часто почти невозможного. И стар и млад имеют обыкновение беспрерывно гонять лошадей, скакать через рвы и изгороди, в бешеном беге внезапно останавливать лошадь, скакать в гору и под гору; всякая другая лошадь при таком положении скоро бы погибла. Когда адыг после долгой поездки приезжает домой или на ночевку, то он оставляет лошадь на несколько часов стоять под седлом, прежде чем даст ей сена. Скребница и щетка неизвестны, лошадь моют и летом и зимой. Корм состоит из овса или ячменя, но большей частью ее кормят кукурузой. Кроме сена кормом служит также просяная солома.

Взнуздывание и седлание просты и для образа жизни [57] и способа ведения войны жителей очень практичны. Легкий недоуздок с тонким мундштуком, деревянное, не более десяти фунтов весом седло, положенное на короткую толстую шерстяную покрывку, на деревянном седле хорошо набитая подушка из сафьяна, грудные и хвостовые ремни, как и подпруга, крепкие и узкие, стремяна настолько узкие, что в них часто едва можно всунуть не более как носок ноги, ремни стремян широкие и длинные — таково снаряжение лошади. Подушка для сидения часто украшена серебряной каймой, на узде и на переднем и заднем ремне прикреплены в виде украшения пуговицы из серебра или меди, продолговатые или круглые, часто прекрасно сделанные.

Бешеная скачка имеет своим последствием то, что у многих лошадей понурый вид; так как всадник сидит высоко, то управление лошадью шенкелями невозможно; они повинуются только поводу и камши 10 — короткому, из кожи скрученному кнуту, который постоянно находится в работе и без которого ни один адыг не сядет на лошадь. Лошади с раннего возраста подготавливаются к военной службе, для этого проводятся примерные сражения, их заставляют привыкать к ружейному огню и приучают повиноваться голосу своего хозяина, так что часто бывает удивительно, как быстро многочисленный отряд находит своих в беспорядке пасущихся лошадей и сидит уже на них, готовый к сражению. Легкое и простое взнуздывание и оседлывание, так же, как и проворство людей, приводит к тому, что адыгу не нужно и половины того времени, которое требуется европейскому кавалеристу для посадки. Конюшнями служат маленькие, пристроенные к саклям сарайчики, которые вмещают не больше четырех-шести лошадей; они большей частью плохо построены, и лошади сильно страдают от холода. Здоровая лошадь с неиспорченными ногами встречается до восьмилетнего возраста, позднее уже редко.

Хорошая лошадь стоит по тамошним ценам от 40 до [58] 50 серебряных рублей 11. Прежде было много табунов лошадей во владении богатых жителей на Лабе и Малой Кубани, теперь мало семейств, которые имеют больше 12 — 15 лошадей. Но зато мало и таких, которые совсем не имеют лошадей. В общем можно считать, что в среднем на каждый двор приходится 4 лошади, что составит для всей страны около 200 000 голов. На равнине число лошадей вдвое больше, чем в горах.

Как я уже только что отметил, скотоводство очень запущено. Скот на равнинах крупнее, крепче и многочисленнее, чем в горах. С ним обращаются небрежно, адыг — плохой хозяин, который редко надлежащим образом распределяет свою солому и сено, и если осенью скот стоит по брюхо в соломе, в начале весны часто терпит голод. Рогатый скот не знает стойл, летом и зимой находится под открытым небом. В среднем можно считать 10 голов крупного рогатого скота на двор, что составит для всей страны около 500 000 голов.

Овцы плохой породы, но к ним относятся с большей заботливостью, чем к рогатому скоту; их держат в довольно удовлетворительно закрытых стойлах. Шерсть груба и различного цвета. Так как овцы и козы пасутся вместе на пастбище, то это имеет,

естественно, плохое влияние на первых. Раньше пограничные жители держали большие стада овец, теперь это встречается редко. На всю страну можно насчитать не более одной четвертой миллиона этих животных.

Козы — численно самое распространенное домашнее животное в стране. Молоко и мясо коз, вследствие превосходных пастбищ, очень хорошие; козье мясо, которое в некоторых странах считается почти несъедобным, здесь вкуснее, чем баранина. Адыги держат многочисленные стада коз, многие семьи имеют их несколько тысяч штук, и можно считать, что этих полезных животных в стране [59] свыше полутора миллионов. Коза находится только зимой под крышей, но и тогда она днем выгоняется в лес и сама находит себе в снегу какую-нибудь пищу.

Буйволы и коровы имеются много в восточных равнинах страны, ослы и мулы встречаются только в южных горах. Свиной раньше держали много, но со времени введения магометанства свинья как домашнее животное исчезла.

Из птиц держат кур, уток и гусей, особенно много разводят индюшек, но адыг очень редко берет на себя труд заботиться о домашней птице, которая кормится и размножается как попало.

Пчеловодством в Абазии занимаются с усердием, и горный мед превосходен. Изобилие ароматических цветов облегчает содержание большого количества пчел; я видел в некоторых дворах тысячи пчелиных ульев. Многие из этих полезных насекомых без нужды уничтожаются, так как перед выниманием меда погибают от дыма. Мед и воск составляют один из главных видов торговли.

Равнины и горы кишат всякого рода дичью. Многочисленнее всех дикие свиньи, которые часто встречаются целыми стадами; очень много имеется зайцев, часты — косули, реже — олени и дикие козы. Волк, шакал и лиса, так же как и лесная кошка, и реже встречающийся медведь являются единственными охотниками леса, потому что адыг — плохой охотник, отчасти по нерадивости, отчасти же из-за недостатка пороха. Лишь когда дикие свиньи и косули опустошают его посевы и огороды, а волки и шакалы начнут душить его овец, коз и индюшек в его дворе, решается он сделать по ним выстрел. Охотничьих собак, кроме небольшого количества борзых, которых держат на равнинах Кубани, нет; дворная собака часто охотится на свой риск. Дикая птица всякого рода водится во множестве, на Кубани много фазанов; нет также недостатка в хищных птицах всех видов — орлах и коршунах.

Адыг столь же мало занимается рыболовством, как и охотой. Море у берегов, бесчисленные маленькие и большие реки кишат всеми сортами рыб, которых никто не трогает. В общем, жители имеют отвращение к дичи и рыбе. [60]

Редко можно встретить вблизи Кубани в доме рыбные кушанья.

В илистых водах Кубани ловятся пиявки очень хорошего сорта, которые составляют значительную отрасль торговли и отправляются через Константинополь до Марселя.

Южные горы богаты всеми видами минералов. Жители, несмотря на это, не извлекают никакой пользы из своего богатства, т.к. незнакомы с горным делом; однако золото, серебро, медь, свинец и железо в небольшом количестве добываются и обрабатываются. Один сведущий европейский горный мастер, которому я поручил объездить для исследования горы, сделал мне почти баснословное донесение о минеральных богатствах

страны. Не имея средств, чтобы предпринять серьезную работу, я должен был, к сожалению, отказаться от эксплуатации. Каменной соли нет, зато много соляных источников, которые, однако, очень редко используются жителями, т.к. турецкие купцы снабжают их дешевой солью. Несколько минеральных источников находится в восточной части, важнейшие из них — в начале реки Псыкупс в Абадзехии. В стране, в которой не существует городов, не может быть и речи о настоящих ремеслах и искусствах. Все, что употребляет адыг, производится дома. Женщины из овечьей шерсти изготавливают некрасивое, но прочное коричневое или грязновато-белое сукно. Из конопля, собираемой на собственных полях, ткнут грубое полотно, которое довольно плохо белится. Воловьи шкуры грубо обрабатываются мужчинами, из овечьих и козьих шкур, напротив, изготавливается довольно хороший сафьян. Адыг — также и строитель своего жилища; сожгут русские его дом — в несколько дней он опять его восстанавливает. Свои повозки и земледельческие орудия делает он сам.

Все одеяние и обувь изготавливаются дома женщинами и девушками. Они же с большим вкусом и искусством занимаются вышивкой серебром, которой адыг охотно украшает свое платье. Дома же приготавливаются очень хорошие матрацы, подушки и одеяла; покрышки обычно из цветного ситца, шелка или атласа. Даже у бедных бывают [61] всегда чистые и аккуратные постельные принадлежности, которые после оружия составляют важнейшую часть его движимого имущества; у богачей встречается немалая роскошь в постельных принадлежностях, которые у них имеются в большом количестве, часто на 50 и больше персон.

Вне дома изготавливаются только циновки и бурки 12. Циновки, которыми в каждой хижине покрыт пол, плетутся с большим искусством в местностях, где растет хороший камыш; многие семьи занимаются только этим промыслом и торговлей своими товарами в стране; выработка бурок, для изготовления которых требуется много усилий, есть также род промышленности; лучшие приготавливаются в Абадзехии.

Кузнецы очень многочисленны в стране. Они почти повсюду оружейных и серебряных дел мастера и в своей профессии очень искусны. Почти непостижимо, как они с их немногими и недостаточными инструментами могут изготавливать превосходное оружие. Золотые и серебряные украшения, которые вызывают восхищение европейских любителей оружия, изготавливаются с большим терпением и трудом скудными инструментами. Оружейные мастера очень уважаемы и хорошо оплачиваются, конечно, редко наличными деньгами, а почти всегда натурой.

Большое число семейств занимается исключительно изготовлением пороха и получает от этого значительную прибыль. Порох — самый дорогой и самый необходимый товар, без которого здесь никто не может обойтись. Порох не особенно хорош и уступает даже обыкновенному пушечному пороху. Он изготавливается грубым и примитивным способом, потому невысокого качества. В селитре нет недостатка, так как селитровые растения в большом количестве растут в стране; наоборот, мало серы, которую большей частью получают извне (из Турции).

Этим заканчивается перечень ремесел, так как всех бесчисленных предметов, которые в Европе [62] рассматриваются как необходимые для жизни человека, адыг не знает и в них не нуждается.

О регулярной торговле в стране, которая, так сказать, представляет огромный лагерь, окруженный с суши и моря врагами, не может быть, собственно, и речи. Границы страны стерегутся русскими войсками, и всякая торговля с врагом совершенно невозможна;

однако иногда случалось, что русские начальники разрешали маленькую торговлю на некоторых пограничных пунктах и у некоторых крепостей и даже поощряли к этому, чтобы привлечь к себе адыгов таким образом; но это никогда долго не продолжалось и такая меновая торговля была очень незначительна.

В годы войны, от 1854-го до 1856 года, берега впервые почти за 30 лет были деблокированы, и сообщение с Турцией сделалось свободным. В это короткое время производство продуктов в стране почти удвоилось. До войны всякое сообщение было бесконечно тяжелым. Русские охраняли из своих крепостей от Анапы до Пицунды абазский берег, и не только непрерывно пароходы и другие суда крейсировали и поддерживали блокаду между многочисленными, в пяти-шести часах пути друг от друга отстоящими крепостями, но патрулировали еще канонерки с экипажами от 30 до 40 человек, так что берег был заключен в железный обруч. Русские суда захватывали все так называемые контрабандные суда, топили или сжигали их. Несмотря на это, привлекаемые большой прибылью лазские 13 купцы из Трапезунда и других береговых пунктов Анатолии приезжали на их легких сандалах 14 и снабжали горцев необходимыми товарами. Я лично знаю одного старого [63] лазского моряка, который с 1830 года делал между анатолийским и абазским берегами ежегодно 5-6 поездок туда и обратно и имел счастье ни разу не попасть в руки русских.

Сандал как бы создан для этой опасной торговли. Это легкое судно, которое при благоприятном ветре оставляет позади любой русский пароход, не боится мелей и утесов, которыми изобилует абазский берег, т.к. может плыть в неглубокой воде, в то время как неприятельским судам приходится лавировать на расстоянии часа от берега, а при каждой буре они должны удаляться далеко в море, ибо выброшенное на берег судно и экипаж гибнут. Как только сандал подходит, его тотчас же подтягивают к берегу и охраняют или же тащат вверх по течению одной из многочисленных впадающих в море рек и таким образом спасают от шпионского глаза русского крейсера.

Пока русские держали берег в осаде, господствовал между комендантами некоторых крепостей и близживущими горцами род молчаливого перемирия, и последним было дозволено приходить к крепости, заниматься торговлей и даже ездить самим на русских судах в Турцию. В некоторых местах дело заходило так далеко, что господа коменданты (с позволения ли их правительства или без него — мне неизвестно) ввели постоянные ввозные и вывозные пошлины; последняя была установлена для рабов, смотря по их стоимости, от 5 до 20 серебряных рублей. Этот факт, о котором я (так как он мне сначала показался невероятным) навел самые верные справки, полностью был мне подтвержден как большим количеством туземцев, так и лазскими купцами, которые сами платили часто эту пошлину. Что скажут на это английские филантропы, которые были в высшей степени возмущены, когда абазы во время Восточной войны по требованию их комиссаров не хотели уничтожить рабство, а равно отказаться от работорговли?

После окончания Восточной войны берега были вновь блокированы. Вначале было разрешено русским держать только два военных корабля в Черном море, но так как это было недостаточно для блокировки абазского берега, то [64] русские уполномоченные потребовали на Парижском конгрессе, чтобы число их было увеличено до десяти. Европейские великие державы согласились на это и лишили адыгов возможности пользоваться свободной торговлей на Черном море, приняли, так сказать, косвенное участие в попытке России покорить этот народ.

Я думаю, что снисходительность к слабым была бы честнее, не говоря уже о том, что это было бы также больше в интересах Европы, чем принимать сторону сильного, который и без того может употребить огромные силы против бедного адыгского народа.

Уничтожение русских крепостей вдоль черноморского побережья, которые русские после потери их флота под Севастополем не так легко опять могли восстановить, сделало блокаду труднее и связь Абазии с Турцией легче, чем это было до войны.

Едва 2 процента ведущих торговлю сандалов попадает в руки русских крейсеров, но все-таки регулярная торговля невозможна. Турецкие купцы назначают цены, какие они хотят, и адыг должен благодарить бога, что он может все-таки всегда продать свои продукты хоть за какую-нибудь цену и приобрести себе необходимые товары, как шерстяные ткани, соль, серу и т.д. Многие из купцов наживают себе часто значительное состояние, так как получают в Трапезунде и на анатолийском берегу более 100 процентов прибыли, но эта контрабандная торговля в виду русских крейсеров очень опасна. Многие от этой торговли сразу теряли богатство и свободу, а иногда и жизнь. Судьба такого купца, товары которого всегда рассматриваются как военная контрабанда, даже если он везет только хлеб или соль, как правило, незавидна. Если он имеет еще какой-нибудь капитал и в состоянии выкупить себя и своих матросов, то он может считать себя еще счастливым: он отделяется несколькими месяцами тяжелой работы в цепях и потерей своего имущества; но если он не может выкупиться, то после нескольких тысяч ударов розог, определяется на службу царю и навсегда заключается в одну из многочисленных исправительных рот. [65]

Торговля производится следующим образом. Купец в Трапезунде или другом месте близ берега Анатолии отправляет одного или нескольких ортаков 15 в Абазию. Так как ввозятся только дорогостоящие товары (особенно полотно), то можно на один груз импортируемого товара экспортировать товаров (зерно и тому подобное) в 10 и более раз. Ортаки устраиваются в безопасном месте вблизи берега и посылают в страну извещение о своем прибытии, о роде своего товара и о цене, по которой они намереваются закупать. Во всех пунктах берега, куда только сандал может проникнуть, приготовлены навесы, вроде магазинов, которые отдают внаем купцам живущие в этом месте адыги. Когда ортак наполнил свой магазин, то отсылает с какой-либо оказией извещение и ожидает сандалы для погрузки своих товаров. Когда сандалы прибывают, то втаскиваются в безопасные места и ожидают попутного ветра; а до этого внимательно наблюдают с гор, не покажется ли неприятельский крейсер в море. Если все безопасно и ветер хорош, то сандал выходит в море и через 5-6 часов он уже вне опасности. При очень благоприятном ветре сандал проходит путь от Туапсе до Трапезунда, т.е. расстояние в 156 морских миль, в 10-12 часов. Лишь при очень неблагоприятной погоде он употребляет более 30 часов.

Ввозимые товары — это шелковые ткани, сукно, белые и цветные бумажные ткани, полотно, железная и медная кухонная и домашняя посуда, маленькие зеркала, гребни и различные мелочные товары, золотые и серебряные нитки, сталь, сера, соль и очень немного пороха. Все другие товары не имеют сбыта. Все эти товары плохого и дешевого сорта, а сбываются за баснословные цены.

Вывозимые товары — это зерно всех сортов, но особенно кукуруза, потом кожи крупного рогатого скота, овечьи и козьи шкуры, шкуры разных диких зверей, воск, мед, сало и масло. Вывозится также много пиявок, которые отправляются до Марселя.

Деньги употребляются при сделках только в небольшом [66] количестве и они играют больше номинальную роль; все основывается на меновой торговле. Мелкие монеты

совсем незнакомы. Адыг знает только русский серебряный рубль (и называет его «сомми» или же «манат»); золотые или мелкие серебряные монеты мало известны; медные монеты не имеют цены. Вообще, адыг не выпускает из рук золотую или серебряную монету, которая попадает к нему, но скорее несет ее к серебряных дел мастеру и заставляет этим украсить свое оружие. Меры и гири турецкие; однако хлебная мера в стране адыгов меньше, чем в Турции, она заключает в себе вместо 20 только 15 око; одно око равно 2,5 венского фунта.

В 1857 году я провел в продолжение некоторого времени регулярный контроль в гавани Геленджика и получал еженедельно подробный рапорт о ввозе и вывозе. В мае на 45 сандалах было ввезено 3 542 куса белой и цветной бумажной материи, 84 куса, или топ 16, шелковых тканей, 320 маленьких и больших штук кухонной и домашней посуды из меди и железа, 68 око стали, 310 око серы, около 10 000 око соли, кроме того — разные мелочные товары. Стоимость всех этих товаров по трапезундским ценам едва достигала 10 000 серебряных рублей.

Вывезено было за это же время на 43 сандалах; 22650 сапеток 17 хлеба, почти только кукуруза, 533 кожи крупного рогатого скота, 362 овечьих и козьих шкуры, 105 око воска, 258 око меда, 1312 око масла, кроме того — 14 ящиков пиявок. Стоимость вывоза также по трапезундским ценам превышает 25 000 серебряных рублей.

Так как ежегодно к абазскому берегу приходит и от него уходит от 2 500 до 3 000 сандалов, то я думаю, что смогу сделать приблизительно правильное исчисление для ввоза и вывоза. Если я вышеупомянутые цифры стоимости умножу на 60, то стоимость ввозимых ежегодно из Турции в страну адыгов товаров можно будет принять за 600 000, а вывозимых — за 1 500 000 серебряных рублей.

Комментарии

1 В то время как старые этнографы причисляли армяно-грузин к индоевропейской семье народов, все новейшие согласны в том, что этот народ надо обозначать как принадлежащий к семитской семье. Этот последний взгляд кажется наиболее правильным по многим основаниям, особенно принимая во внимание физические национальные признаки армяно-грузин.

2 Имам — высшее духовное лицо. Кадием называется ученый законовед и судья, в магометанских странах, где Коран почитается как всеобщая священная книга законов, священник является одновременно и судьей.

3 Мюридами назывались магометанские монахи, в Турции их называют дервишами. Есть много видов этого ордена. Дервиши или мюриды, которых Шамиль сформировал в Дагестане, образовали его личную гвардию и были в стране ревностными исполнителями его повеления. Они отличались своей храбростью перед врагами, но также и своим фанатизмом и жадностью, и их непосильным поборам можно приписать то, что Шамиль стал ненавистен народу и впоследствии был им покинут. Во многих описаниях представляют мюридов как суровых фанатиков, которые презирают все земные блага и посвящают себя служению и смерти за религию. Это сказки. Редко встречались такие люди среди них, большинство мюридов Шамиля были женаты, состоятельны и занимали введенные им военные и гражданские должности.

4 Наиб значит по-арабски «заместитель»; начальник местности или многих племен для каждой провинции или для каждого племени назначает наиба, как в Европе государь

назначает губернаторов. Шамиль, который в Дагестане хотел ввести форму управления, назначил 24 наиба, позднее увеличил число их до 40.

5 Скопцами называется одна из неисчислимых религиозных сект в России, имеющая страшный обычай после рождения первого ребенка увечить себя и своих жен; более фанатичные не ждут и этого обстоятельства. Многие умирают от этой операции. Так как эта секта в такой стране, как Россия, где земля нуждается в людях, вдвойне опасна и подлежит наказанию, то они неумолимо преследуются. Из мужчин и женщин в Сибири, в Оренбурге, на Кавказе образуют особые исправительные колонии, население которых употребляется для тяжелых работ. Из молодых и здоровых образуют особые арестантские роты, которые употребляют в крепостях. Никогда скопец не бывает амнистирован.

6 Крепостью по-русски называется укрепленный пост: от слов «крепкий» и «пост». В сухопутной и морской армиях русские употребляют, вследствие бедности их языка, множество немецких и голландских выражений, которые они по своему желанию переименовывают, чтобы образовать из них русские слова.

7 Станицей называется русское селение, которое укреплено валом, рвами, палисадом и высоким забором и вооружено двумя или более пушками. Каждая станица в состоянии некоторое время оказывать сопротивление горцам.

8 Сечь — главная квартира прежнего Запорожья, местопребывание атамана, епископа и администрации; там были также артиллерийские, оружейные, амуниционные и продовольственные магазины казаков.

9 Я часто слышал и читал, что русские на оренбургской линии систематически распространяли эту болезнь среди киргизских племен, чтобы деморализовать и уничтожить эти народы.

10 У всех народов Кавказа и Восточной России этот кнут принадлежит до известной степени к снаряжению всадника.

11 Стоимость денег у адыгов меняется каждое мгновение, смотря по курсу, по которому привозят купцы свои товары, рубль стоит то 16 локтей хлопчатобумажной материи, то 12, иногда 8 или только 6. В основном, локоть материи заменяет маленькую или большую монету.

12 Бурка — короткая легкая накидка без рукавов и воротника, которая редко бывает ниже колен. Она из козьей шерсти, необычайно крепка и прочна и не боится никакого дождя, очень практична и почти необходима в этой стране.

13 Лазами называются живущие от Трапезунда до русско-кавказской границы вдоль берега Черного моря наполовину греческие, наполовину турецкие народы, которые теперь исповедуют магометанскую веру. Лазы находились еще не так много лет тому назад в частой и ожесточенной борьбе с турками и еще до сих пор сохранили часть своей независимости. Они самые лучшие и искусные моряки у берегов Черного моря и единственные хорошие матросы в оттоманском флоте.

14 Сандал — маленькое турецкое, обычно одномачтовое, судно которое может быть нагружено до двух-трех сотен центнеров.

15 Ортаком называется по-турецки компаньон в торговле.

16 Топ — кусок полотна,бумажной или шелковой материи от 32 до 40 локтей.

17 Сапетка — хлебная мера адыгов, которая вмещает 15 око.

Текст воспроизведен по изданию: Теофил Лапинский. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Описание очевидца Теофила Лапинского (Теффик-бея) полковника и командира польского отряда в стране независимых горцев. Нальчик. Эль-Фа. 1995

© текст - Гарданов В. К. 1995

© сетевая версия - Thietmar. 2009

© OCR - A-U-L. www.a-u-l.narod.ru. 2009

© дизайн - Войтехович А. 2001

© Эль-Фа. 1995

ТЕОФИЛ ЛАПИНСКИЙ

(ТЕФФИК-БЕЙ)

ГОРЦЫ КАВКАЗА И ИХ ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА ПРОТИВ РУССКИХ

ГЛАВА 3

Происхождение и значение слова «черкес». — Первая встреча черкесов с абазами. — Вероятное происхождение названий «абаз», «адыге», «сван», «осетин». — Прежние поселения на Западном Кавказе. — Сходство абазов с живущими в европейской Турции албанцами или арнаутами. — Армяне в Абазии. — Разделение адыге по народностям, племенам, фамилиям и дворам. — Разделение по рекам. — Разделение по мехкеме, или судебным дворам. — Статистический обзор народа. — Религия: бывшая католическая часть, языческая часть и греко-армянская часть. — Воспоминания о гемузцах. Латинский крест. — Христианское богослужение. — Греческая мифология. — Греческий крест. — Магометанство.

Слово «черкес» очень старо и вначале употреблялось для названия разбойничьих банд, которые свирепствовали на берегах реки Днепра. Оно составлено из турецко-татарских слов «чер» или «чар» (подстерегать, искать) и «кес» (отрезать, грабить, убивать).

Первые черкесы, которых мы встречаем в истории, были бандой разбойников с большой дороги разных национальностей, среди которых господствовал турецко-татарский элемент. Они жили от своих многочисленных стад скота и табунов лошадей, но больше всего — от грабежа и войн, не признавали ни власти татарского хана, ни турецкого султана и назывались своими соседями разбойниками и мошенниками или, что то же самое, черкесами. Из-за панцирного снаряжения, которое многие из них носили, назывались они также кайзаками. Их главная квартира носила название Черкассы и находилась на том месте, где еще и ныне стоит город того же названия на реке Днепре. Многочисленные польские и малорусские беглецы усиливали эти банды, а когда славянский элемент стал доминирующим, татарская часть черкесов ушла на Дон; оставшиеся на Днепре стали называться кайзаками, а позднее — казаками.

Черкесы, отошедшие на Дон, основали там Новые Черкассы, называемые теперь Ново-Черкасск. Когда под влиянием московских великих князей Дон начал также организовываться по-военному, черкесы смешались с татарскими, московскими, а также русскими пришельцами 18 [70] и приняли постепенно греческо-христианскую веру, как и имя — казаки. Вольная часть, которая не хотела принимать христианскую веру потянулась дальше на восток и осела на равнинах между Каспийским и Черным морями, севернее реки Кубани и Терека, где она смешалась с разбойничьими татарскими племенами кочевников и сделала караванную торговлю опасной. Дикие банды, которые встречались в ордах крымских и оттоманских войск под именем черкесов, были контингентом пиратов с Днепра, Дона, Кубани и Терека, служивших только как вспомогательное войско и не находившихся под непосредственным начальством турецкого султана и татарского хана.

Когда после взятия и покорения Крыма русские начали продвигаться на Кавказ, то они столкнулись с черкесами. После нескольких горячих сражений одни покорились, другие отступили частью на правый берег Терека, частью на левый берег Кубани. На оставленных ими берегах обеих рек русское правительство устроило казачьи колонии, и на Тереке были основаны новые колонии — линейных казаков, с которыми с самого

начала смешались многие черкесы, на Кубань были переселены польские запорожские колонии с Днепра 19. Черкесы принесли в кавказские местности, куда они бежали, свои татарские обычаи и свою магометанскую религию; в Дагестане они смешались вскоре с живущими там семитскими и туранскими племенами. В Абазии они имели другую судьбу.

Когда черкесы осели вдоль берегов Кубани и в Кабарде в конце прошлого столетия, число их было еще значительно. Они увеличились, если можно верить преданию их потомков, еще на 20 000 всадников. Пехоты они не имели. В четыре раза большее количество было частью уничтожено русской войной, или покорилось русским, или ушло через Терек на восток. Левый берег Кубани ко времени прихода черкесов был почти необитаем; только большие стада рогатого скота и овец паслись на равнинах, собственники которых, абазы, жили в глубине страны в горах. [71] Между черкесами-разбойниками и наполовину дикими абазами возникла ожесточенная борьба, которая в конце концов закончилась неблагоприятно для первых. За исключением немногих семей, которые искали защиты под стенами турецких фортов Анапы и Суджука, и некоторых других семей, осевших на Кубани между реками Псекупс и Пшада, они должны были очистить страну шапсугов и абадзехов и были оттеснены за Лабу и Малую Кубань до Кабарды. Не более 50 семей смешалось с абазами и поселилось среди последних.

На Малой Кубани образовались маленькие племена черкесов, которые постепенно сильно смешались с абазами и в которых в конце концов сделался господствующим абазский элемент. Эти маленькие племена подчинялись своим черкесским князьям и делились на бзедох, иемиргай, хатокай, иарохей, бёсней, карачай, мокош и т.д.

Но большая часть черкесов направилась в Кабарду, где они вступили в борьбу с прежними жителями, потомками семитско-иудейских лезгин и наполовину христианских абазов, и осталась победителями. Жители Кабарды приняли вскоре магометанство, но сохранили адыгский язык, который был также принят черкесами, с примесью большого количества татарских слов. Население Кабарды смешалось, и три расы (индогерманская, которую представляли абазы, туранская, которую представляли черкесы, и семитская, которую представляли лезгины) слились вместе; однако многие черкесские фамилии сохранили княжество и дворянство (хан и мурза), которые существуют еще до сих пор.

Нападение русских, которым Кабарда не могла оказать успешного сопротивления, общая опасность сблизила абазов с черкесами. Первые, которые населяли и богатые равнины по Большой Кубани, защищенные широкой, трудно переходимой рекой и горами, подвергались не такой большой опасности, как мелкие, живущие на равнинах вдоль Малой Кубани, смешанные с черкесами пограничные племена, которые должны были выдержать первый удар русских. В беспрестанной борьбе все более и более сливались эти племена воедино, многие черкесские фамилии отошли внутрь [72] Абазии и, хотя они жили разбросанно, образовали среди абазов свое собственное племя под именем Эзден-Тлако и были названы абазами ворк, что означает «рыцарь» или «благородный». Все они были магометанской религии, опытны в войне и лучше вооружены, чем абазы, у которых преобладали 50 лет тому назад еще лук и стрелы вместо огнестрельного оружия; во всех военных походах они были вследствие этого вождями. Но вскоре они стали злоупотреблять своим положением, притесняли своих соседей и вступали, когда видели в этом выгоду, в переговоры с русскими, предавали страну, которая приняла их гостеприимно и даже поступали сами открыто на службу к русским в надежде укрепить этим при помощи последних свои узурпированные привилегии. Абазы, которые рассматривали черкесов как чужих (ибо только некоторые честолобивые абазские фамилии благодаря интригам пробрались в дворянство), начали уставать от своих гостей. Сами они были уже из-за продолжительной борьбы знакомы с военным ремеслом,

приобрели лучшее оружие и могли, таким образом, обходиться без своих покровителей. В истории последних лет Абазии мы будем говорить об уничтожении влияния черкесов; здесь мы только скажем, что ныне дворянство совсем не пользуется уважением, а играет лишь печальную роль в стране, составляя едва полпроцента населения, и адыгский народ смотрит на них с ненавистью, недоверием и даже с презрением.

В этом кратком обзоре истории черкесов я хочу опровергнуть заблуждение, которое в ходу во всей Европе. Совершенно неправильно, когда народы Кавказа, абазы, так же, как и дагестанские племена, обозначаются именем черкесов. Не существует больше черкесского народа ²⁰; остатки его на Кавказе сами не называют себя больше так и исчезают все больше день за днем. С прошлого года остаток их в значительном количестве выселяется в [73] Турцию. С гораздо большим правом можно назвать всех казаков России, за исключением запорожцев Кубани, черкесами, так как они потомки этих старых разбойников с больших дорог и среди них сохранился черкесский дух.

Абазы, которые ныне последними сражаются на Кавказе за свою независимость, принадлежат к индоевропейской расе и имеют племенное и языковое родство с жителями христианского княжества Абазии, со сванетами и осетинами, которые, хотя и независимы, находятся с русскими в состоянии своего рода перемирия. Они называют себя также адыге и считают себя, так же как и все абазы, за один и тот же народ с живущими в европейской Турции арнаутами или албанцами, которые также рассматривают их как своих братьев. Среди них распространено предание, что два брата со своими семьями пришли с юга на реку Ефрат, там они разделились: одни направились на северо-запад, другие — на северо-восток. Среди народов, у которых нет ни книг, ни письменности, ни памятников, так что можно только из народных преданий сделать исторические предположения, трудно попытаться до истинной истории. Между прочим, сказание говорит, что этот народ ранее жил на большой реке по названию Абаза, которая вливается в Восточное море, но уже столетия тому назад они стали продвигаться все больше на северо-запад, к Черному морю. Действительно, есть на юго-востоке Кавказа довольно значительная река, которая, однако, называется Алаза, а не Абаза; конфигурация равнины перед Дарьяльским ущельем, заселенной абазскими племенами, поразительно подтверждает правильность предания, касающегося перехода абазов с юго-востока на северо-запад. Местность по течению реки Алазы, по преданию, заселенная абазами, на старых картах обозначается как Албания.

Название «адыге», которое северные абазы присвоили себе в отличие от южных, по их словам, состоит из слов «ади» или «аде» (потом или позднее) и «ге» (быть или приходить) и обозначает позднее прибывших или позднее переселившихся. Племя сванетов получило свое название от высоких гор их страны; «высоко» значит «шуа». Осетины [74] получили свое имя от «оссе» — «снег», потому что горы их страны покрыты вечным снегом. Если бы путешествовавшие географы и этнографы были знакомы с местным языком и русские были бы добросовестны в своих сообщениях и более осведомлены, то путаница, которая господствует в картах и описаниях Кавказа, была бы невозможна.

Абазы при своем продвижении на север встретили армяно-грузинские, греческие и генуэзские поселения вдоль берега Черного моря: первых — на юге, вторых — дальше на север и последних — еще севернее. Этим объясняется также, что у южных абазов стал господствовать армянский двойной крест; у живущих в центре — греческо-языческие обряды, у северных — простой латинский крест. Что греческие колонисты не передали переселившимся абазам христианства, объясняется тем, что эти колонисты состояли из потомков беглецов и сосланных из Греции ²¹ и, может быть, не имея никакой связи с родиной, были сами язычниками.

Что еще, собственно, существует и не может ускользнуть от глаз внимательного наблюдателя, это значительное количество грузинских физиономий в Южной, греческих — в Средней и романских — в Северной Абазии, что является следствием смешения абазов с прежними жителями. Сванеты очень сильно смешаны с грузинами. Только живущее на крайнем востоке и окруженное татарскими племенами племя абазов — осетины сохранили первоначальную расу в полной чистоте или, может быть, смешались с остатками сарматов. Осетины большей частью блондины и имеют белокурые или желтоватые бороды, которые они охотно красят в рыжеватый цвет. С живущими в Южной Абазии туранскими или турецкими племенами самурзаканцев, так же как с живущими на Кубани и у Эльбруса черкесами и татарами, абазы смешиваются очень мало. [75]

Некоторое количество армян живут еще до сего времени разбросанно в собственных коммунах в стране адыгов и в целом составляют приблизительно 300 дворов с населением в 6 000 душ. Они приняли язык, обычаи и нравы, короче говоря — весь образ жизни адыгов, но строго сохранили свои старые религиозные обряды. Однако в этом и состоит вся их религия: они соблюдают множество постов, их хижины полны икон, которые они получают из Грузии; они не имеют духовенства и принимают участие, когда представляется случай (и они не могут без этого обойтись), в христианских или языческих богослужениях абазов; или совершают также с магометанами омовение и молитвы. Они, правда, принимают участие во всех больших сражениях абазов с русскими, и хотя не так воинственны, но зато ведут свое хозяйство лучше и они состоятельнее, чем абазы. Они часто также торговцы и маклеры. Адыге называют их гиурджи (грузины) и рассматривают их как земледельцев; только в последнее время, с распространением магометанства, подверглись они некоторому влиянию магометанского духовенства.

Как я уже заметил, мои данные о происхождении абазов основываются только на народных сказаниях, т.к. другого достоверного материала для изучения их истории не существует.

Что еще более подтверждает одинаковое происхождение абазов с арнаутами или албанцами, это то обстоятельство, что судьба им определила совершенно одинаковое местопребывание. Арнауты населяют горную цепь на восточном берегу Адриатического моря, абазы — горную цепь на восточном берегу Черного моря. Северные арнауты — католики, средние были язычниками и сделались магометанами, южные — восточные христиане; точно так же северные абазы были католиками, средние были язычниками и в последнее время частично сделались магометанами 22, — восточные христиане. Арнауты и абазы [76] выдержали с турками ожесточенную борьбу и утвердили свою независимость; теперь как те, так и другие служат турецким интересам 23.

Между тем как черкесы, дагестанцы, лезгины и прочие носят, несомненно, следы своего происхождения от татар или евреев в своих глазах и чертах лица, так что даже неопытный европейский наблюдатель узнает в них с первого же взгляда чуждую расу, абаз является великолепным представителем индоевропейской расы. Турка, татарина, еврея и настоящего москвитя можно как угодно замаскировать европейцем, и все-таки он чрезвычайно редко сможет скрыть свое происхождение, но никто не заподозрит неевропейца в абазе, одетом в шляпу и фрак. Абаз несколько выше среднего роста, стройный и сильный по сложению, но более мускулист, чем крепок в кости. Они имеют большей частью каштановые волосы, прекрасные темно-синие глаза, маленькие стройные ноги. Белокурые или рыжеволосые девушки считаются красавицами. Чрезвычайно редко встречаются люди, которые имели бы телесные недостатки. Во время трехлетнего пребывания в их стране я не видел ни одного горбатого.

Когда вступаешь на землю свободной Абазии, то сначала не можешь понять, каким образом народ, у которого почти каждый ребенок носит оружие, который не имеет писанных законов, исполнительной власти, даже начальников и предводителя, может не только существовать, но еще противостоять долгие годы такому колоссу, как Россия, и сохранить свою независимость.

Причина этому — крепкая социальная организация народа, опирающаяся на национальные традиции и обычаи, которая не только охраняет личность и имущество каждого, но также делает трудными и почти невозможными все физические и моральные попытки к покорению страны. [77]

По своей внутренней организации адыге разделяются на три народности. Самая многочисленная — шапсуги, затем следуют абадзехи; самая малочисленная — убыхи. Первая ограничена на севере Кубанью, на востоке — Абадзехией, на юге — убыхами, на западе — Черным морем. Прикрытая от нападения русских с востока и юга, она защищает Кубань и берега Черного моря.

Вторая по многочисленности народность — абадзехи, ограниченные на севере и востоке Кубанью, на юге — убыхами, на западе — шапсугами. Абадзехия не имеет непосредственного сообщения с Черным морем. Ее северная и восточная границы слабы и часто страдают от военных действий русских.

Третья, наименьшая, народность — убыхи, окруженные на севере Абадзехией, с востока и юга — княжеством Абазией и некоторыми маленькими независимыми племенами, на юго-западе и западе — Черным морем и шапсугами. Убых доступен русскому нападению только со стороны моря.

Народности шапсуги и абадзехи разделяются каждая на восемь племен (тлако). Из этих восьми племен каждые два родственны между собою и образуют, собственно, одно племя, причем каждое из восьми племен шапсугов состоит в родстве с одним из восьми племен абадзехов. Каждое из племен разделяется на несколько фамилий (тлако-сик), а эти, в свою очередь, — на несколько семей или дворов (юнэ). Но все племена, фамилии и дворы одной народности живут смешанно между собой, и в каждой местности представлены все племена и фамилии. Административное деление, если можно употребить это выражение, — это каждая сотня фамильных дворов (юнэ-из), которая, так сказать, представляет деревню, простирающуюся на одну и более квадратных миль, и образует, до известной степени, маленькую независимую республику, которая управляется старшинами, и вся страна есть федерация таких маленьких республик. Эта федерация тем более сильна, что жители юнэ-из крайнего запада или севера состоят в родстве с жителями юнэ-из крайнего востока или юга, и это родство высоко и [78] свято ими почитается. Каждый юнэ-из посылает на совещание страны или народности двухвыборных. Внутри каждая сотня дворов делится на десятки дворов (юнэ-ипс), и 10 представителей образует с имамом совет и суд своего юнэ-из.

Другое деление страны — по рекам. Как бы много юнэ-из ни располагалось по реке (иногда их может быть 20 и более), но на советы, военные собрания и суды всегда избирается от каждого племени только двое старшин 24 — представителей всех жителей, живущих по реке, так что 16 старшин с двумя кадиями во главе образуют совет и суд всех лежащих на реке юнэ-из. Чтобы точно обозначить адыга, нужно назвать его народность, его племя и его род, его реку и указать название его сотни дворов. Например: Ендрис Хантох, Емис, шапсуг, Антхир, Окецикос. Это значит: Ендрис из фамилии Хантох, из

племени Емис, народности шапсугов, который живет на реке Антхир в сотне дворов, или юнэ-из, Окецикос.

Третье, новое, разделение страны, которое, однако, еще не очень укрепилось и встречается только в некоторых частях страны, но даже и там довольно нерегулярно, это — по мехкеме, магометанским судам, о которых я буду говорить позднее.

В одном фамильном дворе (юнэ) живут, кроме родителей, все их женатые и неженатые сыновья и незамужние дочери; рабы, как бы они ни были многочисленны, также всегда причисляются ко дворам. Такие семьи очень многочисленны, т.к. часто вместе живут несколько братьев со своими семействами; часто в одном юнэ живет до 100 душ обоого пола. Я никогда не встречал меньше 10, а почти всегда — больше 20 жителей 25; поэтому беру число жителей одного [79] юнэ в среднем 17 человек, что мне кажется скорее слишком низким чем преувеличенным. В народности шапсугов считают 276 юнэ-из, из которых в треугольнике между Анапой, Суджуком и Атекумом или в малогористой местности Натухай находится 54, в равнинах Догай — 97 и в горах — 125 юнэ-из. Со времени наступления русских в Натухай (1856) и в равнины Шапсуга (1860) большое число подвергшихся опасности жителей ушли в горы и там поселились.

Народность абадзехов исчисляют в 183 юнэ-из. Кроме них к абадзехам принадлежат еще много маленьких пограничных племен, из которых многие слились в одну-две фамилии и рассеялись в Абадзехии; некоторые еще живут в их старых общинах, но изо дня в день все больше сливаются вместе. Старые люди показывали мне по Малой Кубани и по Лабе пустынные области, где еще 30 — 40 лет назад стояли многочисленные юнэ-из, от которых не осталось более следа. Эти пограничные племена были, как уже замечено раньше, черкесского происхождения, но очень сильно смешались с адыгами, пока в конце концов абазский элемент не сделался преобладающим, так что на десяток адыгов едва ли найдется один черкес. Племена кемирхай, науруз, мансур, тафне и другие почти исчезли, из еще существующих бзедох с одиннадцатую юнэ-из является самым значительным. Потом следует демиргой с тремя юнэ-из; другие, как хатохай, босней, ярохай, макош, кабартай, карачай и т.д., состоят каждый из одного единственного юнэ-из. Так как все эти племена принадлежат к абадзехам, то общее число юнэ-из составит 203.

Третья народность независимых адыгов — убыхи образуют только одно племя, которое разделяется на много фамилий и живет в 46 юнэ-из. Так как в этой местности число рабов очень велико и, пожалуй, составляет более третьей части населения, то можно исчислять количество жителей каждого юнэ-из не меньше чем в 25 душ. Таким образом, шапсугов оказывается в 276 юнэ-из (считая каждый в 1700 жителей) 469 200 душ, абадзехов в 203 юнэ-из — 345 100, и убыхов в 46 юнэ-из (считая по 25 душ [80] каждый юнэ) 115 000 душ, что в круглых цифрах составит около 900 000 душ предполагаемого мною населения независимой части Абазии, или страны адыгов.

Приблизительно лет 30 тому назад черкесы и абазы отличались друг от друга по религии гораздо больше, чем теперь. В то время как первые исповедывали магометанскую веру, последние соблюдали христианские обряды, сильно смешанные с языческими. Некоторые историки утверждают, что христианство было введено в горах грузинской царицей Тамарой. Помимо того, что существование этой набожной и храброй княгини 26, почитаемой, кстати сказать, по всему Кавказу, до сих пор исторически не доказано и, может быть, является мифом, достоверно также известно, что грузинские войска не проникали в горы. Напротив того, несомненно, что христианские и магометанские войска жестоко бились на равнинах Кубани. Многочисленные могильники 27, в которых еще и

теперь находят различные татарские, грузинские и другие монеты и оружие, служат этому лучшим доказательством.

Как я уже заметил раньше, самым основательным предположением является то, что пришедшие с юга-востока абазы приняли религию жителей, которых они нашли в стране, но эта религия была ими недостаточно воспринята, или же этот народ, отрезанный целые столетия турками, татарами, а впоследствии русскими от родственных ему христианских народов и лишенный всякого общения с ними, с течением времени сохранил только внешнее знание веры, впал в прискорбное заблуждение и в последнее время бросился в объятия магометанства.

Религия жителей Абазии четко различаема по трем регионам. От устья реки Кубань до устья маленькой речки [81] Шапсуха, впадающей в Черное море, господствовало латинское письмо. Еще сегодня можно найти множество надгробных памятников с латинскими надписями и простым крестом, высеченным из камня или сделанным из дерева. Новые мусульмане охотятся за этими символами и старательно уничтожают их. В могилах находят оружие с латинскими надписями и гербом Республики Генуя, а также значительное количество золотых, серебряных и медных монет генуэзской чеканки; часто — до десяти и более — встречаются в могилах сабли, изготовленные генуэзскими оружейными мастерами.

Генуэзцы, эти предприимчивые вооруженные купцы, имели свои конторы на севере Абазии. Из Феодосии в Крыму они отправляли свои товары в Анапу, Содшак, Геленджик. Отсюда дороги вели на Кубань, а с правого берега реки караваны тянулись до Каспийского моря. Этот путь связывал генуэзскую торговлю с Северным Туркестаном, с Персией и Китаем. Следы данных торговых связей видны и сегодня. Самыми важными из них являются достаточно хорошо сохранившаяся проложенная в скале дорога от Месиба через горы до реки Абин, след от дороги в лесу Адербе, а также остатки европейских жилищ из каменной кладки, и, наконец, руины крепости на вершине высокой горы у Шипсо Хур. Земляные валы и ров видны и сейчас, сохранился и полуразрушенный колодец, который, вероятно, был очень глубоким и который могли построить только европейские рабочие. Но самым убедительным доказательством является множество надгробных памятников.

Итак, можно с большой уверенностью предположить, что адыги переняли католическую веру у генуэзцев; после же ухода чужеземцев впали в непонятную религиозную путаницу, в результате которой сохранился только символ христианства — крест. Этот божественный символ свято чтят даже сегодня; там, куда магометанство проникло силой, его можно найти во всех хижинах. Часто я был удивлен, тем, что видел крест, вышитый или вплетенный в намазлык 28. Обращенный в новую веру мусульманин [82] наклоняет свою голову и касается лбом креста, не представляя его значения. И в самом деле, никто из туземцев не смог мне объяснить его значения. Он священ, так как его носил Иесха 29, сын великого Тха 30. В большом божественном почете здесь и Мара 31, которую почитают здесь как Тха-нан (мать Божью). Но кем она является — матерью Бога-отца или Бога-сына, они не знают и, кроме этого имени и креста, не имеют ни малейшего представления о христианской вере.

Как самый большой праздник в стране адыгов отмечается день в июле, когда Мара вознеслась с земли на небеса. Легенда гласит, что она в этот день спускается на землю, участвует в празднествах, и тех, кто ее поминает, благословляет и хранит от несчастья, оставаясь при этом незримой.

Чтобы дать представление о религиозных обрядах этого маленького народа, некогда бывшего христианским, хочу подробно описать один из ритуалов, который я наблюдал от начала до конца с большим вниманием и интересом. Это было летом 1858 года. Я был занят организацией переписи населения, взиманием налогов и т.д. у горских народов, проживающих на реке Пшат. Однажды утром мне сообщили о депутации, и тут же появились шесть седобородых старцев, которые пригласили меня на праздничное богослужение по старинному обычаю страны.

Многие жители заметили, что некоторые из моих солдат носили на груди маленькие крестики, а также было замечено, что я и мои солдаты, проезжая в горах Пшата мимо креста, зачастую встречающегося по дороге, по обычаю нашего польского отечества снимали каждый раз шапки, в то время как черкес, или турок, или вновь обращенный адыг обычно встречали этот символ презрительным взглядом или пренебрежительным жестом, а при случае их разрушали или уничтожали. Это все, сказали мне старики, передавалось в горах из уст в уста, поэтому народ [83] надеялся, что мы не откажем в своем присутствии на празднике. Мне было слишком любопытно видеть праздник, чтобы я мог отказаться от приглашения. В полдень я поскакал в сопровождении двух офицеров и восьми солдат за депутатами, к которым присоединилась толпа более чем в сотню всадников, на указанное место, отдаленное не более чем на час пути от моей последней квартиры.

Первый взгляд на предназначенное для богослужения место вызвал в моей памяти то, что я читал о священной дубраве древних друид. Мощные столетние дубы, образующие круг, бросали густую тень на род грубого каменного алтаря, в середине которого возвышался очень старый, грубо сделанный деревянный крест. Вокруг алтаря стояли четыре молодых быка, восемь баранов и восемь козлов, которых держали за рога молодые мужчины. На каменной плите, заменяющей престол, стояли большие чаши с хлебом, пшеничными и маисовыми пирогами, медом и маслом, а также сосуды с молоком и со шветтом 32.

Против алтаря в середине жертвенных животных стоял высокий, очень бодрый старик с прекрасной серебряной бородой и обнаженной головой. По бокам его — два мальчика: стоящий с левой стороны держал три (одна в другую поставленные) деревянные чаши, а с правой стороны — три ножа различной величины на круглой доске. В отдалении полукругом у алтаря стояли мужчины с меховыми шапками под мышкой, немного далее назад — многочисленная группа женщин и девушек. Приблизительно в 100 шагах от алтаря горели широким полукругом около 30 костров, над каждым из них висел большой котел, в котором кипятилась вода.

Высокий старик молился перед алтарем; его взгляд был пристально устремлен на символ спасения, значения которого он не понимал. Он молился. Его губы двигались, руки то поднимались вверх, то опускались крестообразно на грудь; это движение повторяли все мужчины. Я [84] приблизился настолько, насколько позволяло мне приличие, чтобы уловить смысл молитвы; к этому времени я мог уже понимать почти все сказанное на адыгском языке. Слова «Tha dahe, tha ichuha, tamitsehki; Iesha, tha-ok! Mara, tha-nan, tha! tha!» 33, которые повторялись всем собранием {мужчинами — с глубокими вздохами, а женщинами — протяжными плаксиво-певучими голосами}, раздавались непрестанно у меня в ушах. Я был не в состоянии уловить другие слова, а когда позднее расспрашивал старика о смысле его молитвы, он делал таинственное лицо и не хотел ничего сказать; но я убежден, что бедняк сам не знал ничего больше. Ни он сам, ни присутствующие при этом не крестились.

После того как собрание приблизительно в течение четверти часа повторяло и пело за стариком молитвенные слова, стало сразу тихо; старик надел свою шапку на голову, что проделали за ним все мужчины, повернулся к стоящему около него справа мальчику, взял

нож с доски, повернулся ко мне и кивнул мне подойти поближе; затем он дал мне в руку нож, который я должен был передать моему соседу, этот — стоящему около него и так далее. Нож быстро переходил из рук в руки и возвратился после того, как все мужчины прикоснулись к нему, опять назад к старику, который взял теперь чашу из рук слева стоящего мальчика и сделал знак, чтобы ему подвели первое жертвенное животное. Шесть здоровых парней повалили молодого быка перед серединой каменного алтаря на землю и держали его так, пока старик, бормоча все время слова «Tha! Tha!» и т.д., разрезал ему горло и нацедил кровь в чашу. Тогда убитое животное было убрано, и после того, как другие три быка таким же образом пали под жертвенным ножом, животных потащили к кострам, где занялись их приготовлением.

Снова, поднимая глаза и руки и окровавленный нож к кресту, старик произнес громким голосом знакомые слова, [85] а все собрание повторило их за ним. Потом он взял с доски второй нож, который, так же как первый, сделал круг, и им были зарезаны восемь баранов; кровь была отцежена во вторую чашу, и животных оттащили к котлам. Снова поворот к кресту и короткая молитва; потом с такой же церемонией был взят третий нож и им зарезаны козлы. В конце опять последовала короткая молитва.

Старик был заметно утомлен, несмотря на его редкую бодрость и ловкость, которые он обнаружил при убивании жертвенных животных; бойня продолжалась более часа. Три наполненные жертвенной кровью деревянные чаши были поставлены на большую плиту справа от каменного престола, и сейчас же к ним стали тесниться старые и молодые, чтобы как-нибудь смочить в крови кусочек сукна или полотна или хотя бы кончик пальца, т.к. это считается хорошим средством против болезней человека и животных и против колдовства. Я заметил также, что многие мужчины роняли несколько капель на свое оружие; однако я не мог, несмотря на мои вопросы, узнать, какую пользу это должно принести.

Первый акт окончился, теперь начался второй. Неженатая молодежь отправилась вместе к котлам и огню и начала проворно сдирать кожи, разрубать мясо и приготавливать обед. Мои европейские спутники, которым уже стало скучно, побежали к кострам. Я же не хотел упускать из виду импровизированного священника. Следующая сцена была, так сказать, богослужением женатых людей. Старик стоял в нескольких шагах от креста; мужчины и женщины подходили один за другим с различными просьбами и жалобами, которые должны были через его посредничество быть переданы Тха: у одного заболел ребенок, другой потерял свой урожай; у этого пал скот, у того брат попал в плен к русским; один хочет предпринять поход против неприятеля, у другого жена бесплодна 34, жена третьего рожала дочерей, а не сыновей.

Старик выслушивал эти и подобные им жалобы каждого [86] с большой серьезностью; потом направлялся к алтарю, брал свою меховую шапку под мышку и бормотал некоторое время, потом опять возвращался на прежнее место, чтобы выслушать следующих. Один из верующих был, видимо, озлоблен к сильно возмущен. «Что делает он, великий Тха? — закричал он громким голосом и с гневно сверкающими глазами. — Я всегда первый в служении ему, моих самых лучших животных, мой лучший мед я приношу в жертву, а моя старая мать лежит в постели уже два года, не может ни жить, ни умереть. Если он ни о ком не заботится, что тогда будет?! Все его оставят и пойдут к новому богу, к Аллаху и к Магомету, что уже и без того многие сделали.» Эта угроза не очень-то понравилась старику, и он строго остановил жалобщика, что также сделали и другие абазы, отстаивавшие великого Тха против Аллаха и Магомета с большим красноречием.

Теперь началась христианская часть богослужения. Старик подошел к алтарю, взял в руки большую плоскую лепешку и сказал внушительным голосом, обернувшись к собранию: «Хлеб, который вы принесли великому Тха в жертву, лежал на его столе и сделался святым, ешьте этот хлеб, и это принесет вам счастье». Он отламывал маленькие кусочки от лепешки и разделил таким образом ее и несколько других между присутствующими. Затем он взял деревянный сосуд, наполненный шветтом, и все пили из него один за другим. Я уже выше заметил, что в этой части церемонии принимали участие только женатые мужчины и замужние женщины. Она имеет много сходства с причащением святых тайн, мне казалось, что я нахожусь на богослужении в первые времена христианства.

После того как каждый съел свой кусок лепешки и выпил свой глоток, старик произнес еще раз обычную молитву, которая была хором повторена присутствующими, и этим закончилось богослужение. Большинство направилось к кострам, другие образовали группы в тени священной рощи. Все ожидали пира.

Как только кушанья были приготовлены, они были принесены. Девушки и молодые люди обслуживали по [87] абазскому обычаю старших. Все уселись в группы по шесть-восемь человек вокруг маленьких низеньких круглых столиков; жертвенные животные, сваренные с просяной кашей, исчезли в зубах проворных адыгов, которые никогда не страдают отсутствием аппетита. Несмотря на огромное количество принесенных съестных припасов, ничего не осталось, кроме костей. Все население одного юнэ-из принимало участие в пиру.

Лежавшие на алтаре кушанья, однако, остались нетронутыми. Они предназначаются или для того, чтобы подкрепить заблудившегося странника, или же великий дух ночью посылает за ними своих слуг, что рассматривается как очень хороший знак для страны. Это чудо всегда случается, как я слышал; но я сильно подозреваю, что почтенный священник к этому причастен. Жертвенные ножи, чаши и кожи жертвенных животных также принадлежат ему по праву.

Размышляя, я поехал домой. Это народ той же самой расы, как и мы, который внешне почти не отказался от христианства, который нельзя назвать варварами, так как он цивилизованнее, чем крестьяне многих европейских стран, который, так сказать, живет у ворот Европы и насчитывает полтора миллиона душ; в чем же причина, думал я, что ни одна из многих католических и протестантских миссий не попыталась посеять семена Евангелия на этой так хорошо подготовленной почве? Идут же миссионеры в Китай и Японию, в глубины Африки и Австралии, делались же попытки обратить в христианство низшие расы, папуасов и жителей Огненной Земли; но никто не позаботился о духовном спасении одного из прекраснейших и от природы интеллигентнейшего из народов! Я не мог дать себе другого ответа, как то, что прошло уже несколько столетий, как религия в Европе должна была уступить свое место политике. И, таким образом, произошло то, что до тех пор, пока могущественная еще в то время Турция имела притязания на эти страны, все избегали вызывать гнев Порты религиозной пропагандой. Теперь же, когда могущественная Россия стремится покорить страну, боясь [88] возбудить неудовольствие царя. Пока Турция делала попытки поработить страну, она оставалась по крайней мере по некоторым обрядам христианской, когда же Россия начала ее завоевывать, она сделалась магометанской. Как все это произошло, читатель узнает в следующих главах; мое собственное убеждение — та европейская нация, которая возьмет под свою защиту абазов против турецких и русских претензий, та и введет свою религию в эту страну.

Мы говорили о бывшей католической части, теперь переходим к центральной части страны, лежащей на берегу Черного моря, где, как кажется, господствовало древнегреческое язычество, следы которого сохранились до сих пор. Магометанство проникло туда меньше, чем в горы, в равнинах же Абадзехии оно распространилось очень сильно 35. Правда, иногда встречается крест, но редко; вместо этого во многих местностях попадаются удивительные, вырезанные из дерева изображения языческих домашних богов. Предания древней греческой мифологии остались еще живы в представлении горцев. Тха-шуа 36 — великий и могущественный бог, который имеет еще целую семью, подчиненных ему богов — Тха-цику.

Кроме того, каждый лес, каждая река, каждая гора имеют своих духов-покровителей: мезимтха, пситха, кусхамтха (лесной бог, речной бог, горный бог). Абазы насчитывают двадцать два крупных божества, и их подразделение имеет большое сходство с греческим. Странное заблуждение: между языческими богами нашла место святая дева Мария, мать великого бога, и высоко почитается; Иисус же неизвестен. Я часто видел священные рощи, дубы, украшенные разноцветными лентами, под которыми жители совершают свои богослужения; туда приносятся также кушанья и напитки для богов, но настоящего богослужения я не мог заметить. Мне рассказывали, и в особенности о мусульманах, что жители стыдятся своих старых суеверий, что только старые люди втайне совершают свои [89] различные языческие обряды и колдовство, что, напротив, молодые сделались уже настоящими мусульманами, но так как они еще не научились молиться, как это подобает правоверному, то предпочитают совсем не молиться ни на старый, ни на новый лад.

На юге страны адыгов, в Убыхии, магометанство также не очень распространилось. Оно известно только некоторым потомкам черкесов и пришельцам из Лавистана. Так как Убыхия ведет издавна большую торговлю рабами с Турцией, то работоторговцы также сделались ревностными магометанами, чтобы заслужить расположение турок. В княжестве Абазии найдется лишь несколько отдельных магометанских семейств. Здесь встречается опять крест, но уже не простой латинский, как на севере, но двойной — греко-армянский. Религиозные понятия жителей и их богослужение ничем не отличаются от тех, о которых мы говорили выше; однако, русское правительство у южных абазов, сванетов и осетин построило несколько русских церквей и поставило русских попов для богослужения, но большинство этих церквей было разрушено, попы изгнаны, а сохранившиеся еще церкви никем не посещаются. Абазы видят в этих стараниях не желание русского правительства обратить их в русско-греческое христианство, но средство поработить их, и в этом они правы. О начале распространения и о современном состоянии магометанства в стране адыгов я буду подробно говорить в связи с историей последних лет абазского народа. Здесь только замечу, что если бы христиане употребили хотя бы десятую часть усилий, времени и энергии магометан, то вся страна была бы теперь христианской. [93]

ГЛАВА 4

Законы адыгов. — Коран и адыгехабзе, или обычное право. — Виды суда. — Мехкеме. — Кровная месть. — Наказания. — Языки и диалекты. — Письменность. — Магометанские школы. — Способности и стремление к знаниям молодых абазов. — Отсутствие памятников. — Сказания и сказки. — Объяснители снов. — Сказание о Прометее. — Общественное деление адыгов. — Князья. — Дворяне. — Свободные. — Старшины народа. — Духовенство и судьи. — Рабы и их положение. — Работоторговля. — Рабы, девочки и мальчики, в Константинополе. — Жилище адыгов. Их питание. — Кушанья и напитки. — Одежда мужчин и женщин.

Ко времени введения Корана он является законом для всех принявших магометанскую веру, а так как все считаются мусульманами, то должны были бы исполнять этот закон. Но это не так. Во-первых, число сведущих в Коране еще очень незначительно, особенно в гористых частях, и потому адыги не могут так легко отвыкнуть от своих старых обычаев. В основном господствует еще старое обычное право.

Коран достаточно известен; кроме того, здесь не место для трактата о магометанском законодательстве, поэтому я ограничусь беглым очерком абазских законов и существующего у этого народа судопроизводства.

Так как не существует письменности для адыгов, то нет также и писаного свода законов. Судьи судят по старинным обычаям. Если кто-нибудь хочет затеять против другого тяжбу, то отправляется к двум старшинам своего племени в юнэ-из, в котором живет. Они созываются по два старшины от каждого племени и, кроме того, одного или нескольких сведущих в Коране имамов или кадиев. Если процесс не очень серьезный, то призывают от каждого племени только по одному старшине. Так как все судьи обыкновенно неграмотны, но иногда охотно разыгрывают хороших мусульман и хотят судить по Корану, то кадий, особенно когда он хорошо владеет речью, легко справляется со своей задачей. Все эти новые законники обыкновенно умеют из каждого процесса извлечь свою пользу, откуда их изворотливость вошла в поговорку в стране. Если обыкновенный суд не может разрешить спорное дело или одна из сторон протестует против решения, то процесс откладывается до ближайшего большого народного собрания, когда на суде присутствуют самые опытные и уважаемые старшины всех восьми племен и пользующиеся большой известностью кадии.

За осужденного или обвиняемого отвечает все племя, которое в случае нужды поддерживает и защищает его. Если он присужден к уплате штрафа и его собственных средств не хватает, то он собирает их сперва у своей фамилии и, если этого недостаточно, у своего племени, переходя из дома [94] в дом. Согласие на это он получает от старшин своего племени, которые ему передают кусок бумаги с приложенным на нем знаком племени или печатью. Каждый в таком случае обязан ему помогать; если же он не получает того знака, то это означает, что он покинут своим племенем, а если не имеет собственных средств, то убивается или продается в рабство противной партией, особенно если дело идет о цене крови. Если тяжба происходит между лицами разных народностей, например, между шапсугами и абадзехами, то судьи обеих народностей собираются на границе, обсуждают дело сначала отдельно, а потом совместно, и если они не могут прийти к соглашению, то выбирают третейского судью от третьей народности. Чужестранцы (например, турецкие купцы в прибрежных местностях) также охотно, приглашаются в качестве третейских судей.

Если возникает пограничная или другого рода ссора между абазскими народностями, то образуются только два судебных лагеря — из Северной Абазии, т.е. от шапсугов и абадзехов, и из Южной, т.е. из Убыхии, княжества Абазии, сванетов и осетин. Крайне редко случается, чтобы судебный приговор не исполнялся; в таком случае возникала иногда внутренняя кровная вражда.

Единственный случай, когда суд может приговорить к смерти, — это открытая или тайная служба у врага, но и в таком случае судьи обыкновенно довольствуются высшим денежным штрафом, который точно так же, как за убийство и за смертельный удар, устанавливается в 2 000 серебряных рублей 37. Если же все племя отказывается помочь осужденному, что всегда происходит в первом случае, то, если он по тамошним понятиям человек состоятельный, он разорен, если же он не имеет средств, то продается в рабство.

Невольный смертельный удар или сознательное ранение, обнажение сабли и угроза ею влекут за собою штраф от 100 до 1 000 серебряных рублей. Случайное [95] ранение, угроза ружьем или пистолетом наказываются штрафом от 10 до 500 рублей; воровство — от 10 до 1 000 рублей и возвращением украденного имущества. Если кто без ведома владельца обрежет хвост лошади, что рассматривается, я не знаю почему, как самое большое оскорбление, то должен заплатить штраф до 500 рублей. Самый маленький штраф — один серебряный рубль, который равняется козе. Хозяин дома, с гостем которого случится какая-либо беда или в доме которого гость будет обворован, должен дать удовлетворение и возместить убытки ему или его фамилии.

Самый тяжелый случай — это кровная месть. Этот ужасный обычай всех нецивилизованных горцев стоит и здесь ежегодно жизни многим людям. Часто брат или другой родственник недоволен платой за кровь, или не согласен с приговором, или слишком нетерпелив в ожидании последнего и убивает или самого убийцу, или кого-нибудь из его племени. Из-за этого возникают бесконечные нападения и убийства; в народе убитых с 12 по 17 октября 1859 года, т.е. в течение пяти дней, было убито 42 человека из двух семейств. Все племя должно было взяться за оружие, чтобы прекратить кровопролитие. Введение мехкеме 38, помещения для арестованных и муртазиков 39 долгое время обуздывало адыгов; когда же пала сила наиба, это варварство вспыхнуло тем необузданнее, чем дольше оно сдерживалось.

Много еще можно было бы сказать о различных старинных законах адыгов, но это завело бы слишком далеко. С введением Корана создалась такая путаница, что кроме адыгских судей, которые это положение очень хорошо использовали для себя, никто в этом разобраться не [96] может. В стране адыгов есть пословица: «Каждый раз, как кади открывает Коран, у тебя в хлеве становится одной козой меньше, будь ты жалобщик или обвиняемый».

Все абазские племена говорят на одном языке, который распадается на два главных диалекта. Живущие на севере и северо-востоке, как шапсуги, абадзехи и кабардинцы, говорят на адыгском диалекте; южные абазы, как убыхи и жители княжества Абазия, сванеты и осетины, говорят на южном диалекте. Эти два главных диалекта сильно отличаются друг от друга, приблизительно как нижненемецкое наречие от верхненемецкого. Они разделяются еще на несколько подчиненных диалектов, в которых только выговор имеет незначительную разницу. В кабардинском языке примешано много грузинских и татарских слов, также много татарских слов у маленьких пограничных абадзехских племен, которые, как неоднократно было упомянуто, первоначально были черкесскими. Адыгский язык не имеет ни малейшего сходства ни с каким другим, произношение трудно из-за многих гортанных звуков, кроме того, уроженец Адыге говорит обыкновенно очень быстро и проглатывает многие слоги, так что трудно улавливать слова. Впрочем, этот язык довольно богат и более удобен для пения и для поэзии, чем турецкий. Адыги не имеют письменности, поэтому вся их история основывается только на преданиях и сказаниях. Со времени распространения магометанства арабский язык, язык Корана, сделал значительные успехи. В Абадзехии и некоторых частях равнины Шапсугии основаны духовные школы, в которых изучаются Коран и арабское письмо. Во время моего пребывания там число учащихся мальчиков во всей стране доходило почти до 1 000.

Все документы пишутся теперь по-арабски. Судьи и старшины приняли магометанский обычай вместо своей подписи прикладывать печать, на которой их имя вырезано арабскими буквами. Грамотные, которых сейчас еще очень мало, но число которых,

однако, поразительно быстро увеличивается, пытались ввести род арабской письменности для адыгского языка, но это до сих пор осталось без результата. [97]

На турецком языке говорят только торговцы рабами или те, которые долгое время жили в Константинополе; на берегах Черного моря встречаются тут и там лица, которые благодаря общению с турецкими купцами немного научились по-турецки и служат этим последним толмачами.

Среди жителей равнины у русской границы встречаются люди, имевшие по временам сношения с русскими или бывшие на военной службе или в плену у врага, которые более или менее хорошо говорят по-русски; но число их невелико.

Естественно, что европейские языки, письменность и литературные произведения незнакомы народу, который до Восточной войны имел очень ограниченное представление о существовании Европы и весь мир делил на русский и турецкий 40. [98]

Молодые адыги имеют исключительное стремление к учению и хорошие дарования; в Константинополе очень часто проданные в рабство мальчики достигают высокого звания; чтобы выучить то, что изучает турок, адыгу требуется наполовину меньше времени. Часто я видел мальчиков, которым попала в руки какая-либо старая книга, печатный или написанный лист бумаги, бегущих за солдатом с настойчивой просьбой объяснить им, что там написано. Два мальчика 13-14 лет, которые приобрели дружбу одного унтер-офицера, научились в продолжение года не только говорить по-польски, но и достаточно хорошо читать и писать. Водя карандашом по витиеватым строчкам книги, с кусочком бумаги перед собой, они были в состоянии полдня читать по слогам и писать каракули, не двигаясь с места и забывая часто о еде.

Как адыги не имеют письменности, так не имеют они и памятников. Кроме каменных и деревянных крестов, я не видел в горах ничего, что могло бы дать представление о прошлом этого народа.

Учеными людьми у них считаются толкователи снов, предсказатели и рассказчики преданий и сказок. Сны играют большую роль у этого народа. Как только несколько абазов, старых или молодых, мужчин или женщин, соберутся для серьезного дела или для удовольствия, начинают рассказывать по очереди свои сны, которые объясняются толкователем. Есть также, так сказать, официальные разъяснители снов, обыкновенно старые мужчины или женщины, которые, как и их коллеги во всех странах, неохотно занимаются этим делом даром. Слова таких толкователей снов имеют большой вес; поэтому абаз не принимает того, что ему отсоветует толкователь снов, или же делает это, но очень неохотно.

Желая очень видеть такого волшебника, я пригласил к себе самого известного толкователя снов. Я нашел, что он такой же знаток в этом деле, как его коллеги в Европе, с той разницей, что он, не зная ни книг, ни карт, предсказывал мне на горохе, по бараньим костям и ладони блестящую будущность и много желательных вещей. Я обошелся с ним [99] любезно и отпустил его с маленьким подарком. Если его пророчество и не принесло мне никакой пользы, то дружба с ним сослужила мне большую службу. Все сны, которые он с тех пор толковал абазам, приносили всегда какую-нибудь пользу мне и моему отряду; однако за это добрый пророк часто брал с меня контрибуцию, а когда я уезжал из страны, он, несмотря на его преклонный возраст, пришел, чтобы попрощаться со мной и получить от меня еще подарок, и предсказывал всем, что я скоро опять возвращусь.

Среди бесчисленных сказаний есть такие, которые могут быть только отзвуком предания о Прометее и происходят из древних времен, когда Кавказ служил местом ссылки греков. Все народы Кавказа знают это сказание и рассказывают его так или иначе; абаз рассказывает его так: «На высокой горе, где лежит вечный снег (он подразумевает Эльбрус), на высочайшей вершине находится большая, круглая, очень тяжелая каменная плита. На середине этой плиты сидит древний старик. Белоснежные волосы покрывают его голову, его борода почти достигает ног, все его тело густо заросло белыми волосами, его ногти на руках и на ногах длинны и имеют форму когтей орла, его глаза красны и сверкают, как горящие угли. Вокруг шеи, посередине тела, на руках и ногах у него надеты тяжелые бронзовые цепи, которые прикованы к каменной плите. Так сидит и страдает он много тысяч лет. Прежде он был лучшим служителем великого Тха, и за его большой ум и благочестие еще при жизни был облечен большим доверием Тха. Но ему в голову пришли плохие мысли, он захотел быть таким же могущественным и даже могущественнее, чем сам великий Тха; и так как он знал многие его тайны и думал, что все доступно его пониманию, то захотел низвергнуть Тха. Тогда началась между ними продолжительная борьба, и наконец безрассудный был побежден и в наказание прикован на высокой горе. Только немногие люди могли его видеть, потому что подъем к нему связан с тысячами опасностей. Никто, однако, не может видеть его два раза, и те, которые пробовали это сделать, назад не вернулись. Однако есть в горах старики, которые с ним разговаривали, [100] но им запрещено рассказывать все, что они видели и слышали. По их рассказам, старик становится весел и бодр, когда видит живого человека. Он спрашивает каждого о трех вещах: пришли ли в страну чужестранцы и построили ли города и деревни, обучается ли уже по всей стране молодежь в школах, дают ли много урожая дикие овощи и фруктовые деревья. Он спрашивает об этих трех вещах с большим любопытством, а когда обычно получает отрицательный ответ, то делается вне себя от печали.» Этому преданию верят все.

Есть еще много преданий и сказок о заколдованных горах, где злые духи охраняют большие клады, о крылатых конях и т.д. Есть пророчества, что когда неприятель продвинется до того или другого места, то страна будет покорена. Между Мезиб и Пшатом, в труднодоступных горах, нагромождена такая масса камней, которая очень редко встречается на земле. Особенно три камня имеют сказочную величину. Предание говорит, что под этими камнями похоронен старый король со своими сокровищами, а его дух охраняет теперь клады и не допускает врага приблизиться к могиле. Если неприятельские войска расположатся лагерем вокруг этих могил, то наступит конец свободе гор. Я спросил, не раскапывали ли до сего времени этих мнимых могил. Люди удивленно посмотрели на меня и заметили, что это невозможно из-за массы камней, которые их покрывают, и такая попытка опасна и в другом отношении. Однако смельчаки предлагали мне попытаться. Я, правда, велел взорвать на воздух один камень в надежде сделать какую-нибудь интересную находку. Но напрасно копали и искали, я потерял только время, труд и много порошу, который мог использовать с большей пользой на Кубани.

В стране абазов существуют четыре касты: князья (пши), дворяне (уорки или уздени), свободные (тфохотли) и рабы (пшитли). В Южной Абазии, которая состоит в молчаливом перемирии с русскими, в княжестве Абазии и особенно в Кабарде число пши и уорков очень велико. Они сохранили еще свои prerogatives, и их влиянию можно приписать, что южные племена прекратили борьбу. В Кабарде, как мы уже [101] заметили, — это дворянство черкесского или татарского происхождения; в других племенах — это абазы, которые в различные времена и различным образом завладели дворянским титулом. В северной части сохранилось еще много дворянских фамилий, но они потеряли не только свои права, но даже всякое значение. За исключением нескольких абазских семейств в

странах Шапсугии и Абадзехии они непременно черкесского, а в Убыхе — абазского происхождения. В стране адыгов есть только четыре княжеских фамилии: Зан-заде в Шапсуге, последним и единственным отпрыском которого является Карабатыр Ибрагим, сын умершего Сефер-паши; многочисленная семья князей Бзедох; князя Темиргоя и князя Хатохая. Кроме того, в стране рассеяно еще несколько дворов, в которых живут потомки уорков. Эти черкесы образуют еще теперь особое племя Эзден — Тлако и женятся только между собой; поэтому татарская раса сохранилась еще почти чистой среди них. Все более притесняемые и преследуемые абазами, они были принуждены, для безопасности своей личности и своего имущества, войти в абазские племена. Они все еще состоятельнее, чем абазы, т.к. имеют больше земли и много рабов; они с болью вспоминают о своем потерянном величии и держатся всегда вместе; они не очень хорошие патриоты, и многие из них служат у русских, потому что им очень бы хотелось, чтобы русская система вошла в силу в их стране. Русские, которые надеялись на содействие этих уорков, отличали их всячески и не скупились на княжеские титулы, которые они давали каждому уорку. Но, вместо того чтобы чего-нибудь достигнуть этим, они повредили только своему влиянию, так как можно быть уверенным, что не только плохой, но и хороший совет, если он исходит от пши или уорка, не будет исполнен абазами, которые исключили их из всех совещаний страны.

Однако есть между уорками, к сожалению, только немногие абазские семейства, которые никогда не вступали в переговоры с русскими и всегда держались с народом; между другими заслуживают хорошего отзыва Цациок в Джубге, Абат на Абине, Берзек и Брак в Убыхии. [102]

Благодаря этим фамилиям остатки черкесов, пши и уорки могли еще удержаться в стране адыгов; потому что абазы уже на многих своих народных собраниях серьезно обсуждали, не будет ли лучше уничтожить всю эту чужую касту или прогнать к русским, ее покровителям. Они мало занимаются земледелием, а если имеют землю, то обрабатывают ее при помощи рабов. Если не имеют земли, как, например, сын Сефер-паши и многие другие, то ездят из дома в дом по стране и живут хорошо, т.к. абазское гостеприимство требует приютить и накормить каждого. Они находят себе также всякие занятия, при которых без усилий можно что-нибудь заработать. Так, например, придумывают различные политические посольства от адыгов, о которых те ничего не знают, едут в Константинополь, обманывают там всячески турок и, когда наберут немного денег, возвращаются обратно с бумагами и письмами, которые выдают за фирманы султана, чтобы этим придать себе значение. Со времени последней Восточной войны появилась мода: письма, написанные бог знает на каком языке, передавать от иностранных посольств в Константинополе народу адыгов. Вся эта ложь выдумывается уорками, чтобы приобрести утерянное ими уважение. Многие служат теперь русским проводниками или шпионами. Жаль, что эта каста пошла по такому плохому пути, так как они храбры перед неприятелем и имеют страсть к войне. Все уорки и пши, за исключением немногих абазских семейств, фанатичные магометане. Их больше всего в Убыхии, довольно много в Абадзехии, но их только единицы в Шапсугии.

Массу народа составляют абазы (адыги), которые как раньше уже было отмечено, разделяются на племена и фамилии. Каждый адыг является тфохотлем (свободным, принадлежащим племени). Пши и уорки, когда их принимают в племя, также становятся тфохотлями и вступают в права и под защиту племени. Между тфохотлями нет различия сословий; они живут в полном равенстве между собой. Старшие из среды народа, судьи, вожди и советчики их называются тамадами. Эта должность не выборная и не [103] наследственная. Большое состояние и многочисленная семья, блестящие подвиги против врага, острый ум, красноречие, в последнее время — знание Корана, но прежде всего —

преклонный и богатый опытом возраст дают право иметь место и голос в совете старшин. Однако и решение тамад не всесильно, потому что если народ ими не доволен, то он не исполняет желания старшин и принудить его к этому невозможно.

Духовенство в стране адыгов можно разделить на два класса. К первому относится старое христианско-языческое, называемое дшиур 41, которое, как неграмотное, никогда не пользовалось большим уважением и вследствие этого не могло соперничать с магометанским, выступившим с таинственным, полным мудрости Кораном, который, как рассказывают адыгам, написал сам великий Тха. Эти старые священники совершают открыто свое богослужение и обряды только в некоторых местностях по берегу Черного моря; большею же частью они молятся тайком; новое магометанское духовенство их ненавидит и преследует. Это последнее со времени появления в стране наиба Мохамед-Эмина за последние 14 лет очень увеличилось в количестве и завоевало большое уважение.

Во многих юнэ-из построены деревянные мечети, с которых призывают в определенные часы на молитву и где происходят также и моления. Наиб, по примеру Шамиля, попытался ввести мюридов. Так как кроме частых молитв главным занятием новой религиозной общины было безделье и грабеж тех, которые не принимали Коран или не следовали его предписаниям, то вначале наиб нашел много прозелитов, однако скоро здоровый и свободный дух народа воспротивился этому фанатичному учреждению, оно потеряло его доверие. Теперь иногда встречаются оборванные бродяги, которые пользуются, где им это еще удастся, гостеприимством и суеверием народа и разыгрывают турецких святых, но они служат скорее предметом насмешки, чем благоговения. [104]

Низшую общественную ступень у адыгов составляют пшитли 42 — рабы. Рабство — татарский обычай, который черкесы ввели у абазов. Рабы — это потомки военнопленных, женщины и дети, похищенные в Южной России, в Черномории, Грузии и при различных раздорах между племенами, и адыги, ставшие рабами по приговору суда. Число рабов значительно, но не одинаково в различных частях страны. В Убыхии они составляют почти четвертую часть народонаселения, в Абадзехии — десятую, в Шапсугии — едва двадцатую.

Не следует связывать представление о положении раба со значением, придаваемым обычно этому слову. Русский крепостной был бы вправе завидовать положению абазского раба. Раб работает не больше, а часто еще меньше своего господина. Он вооружен, и его движимое имущество является его собственностью. Семья раба имеет собственное жилище, часть поля для собственного пользования, и часто рабы владеют значительным количеством лошадей, волов, овец и коз. Владелец не может обращаться с рабом по своему произволу, а этот имеет право привлекать своего господина к суду и подавать на него жалобу. Если он не может выдержать угнетения своего хозяина, то со всей семьей и движимым имуществом переходит к соседу и находит у него защиту до окончания процесса. В худшем же случае рабы могут спастись бегством из одной страны в другую, как, например, из Шапсугии в Абадзехию, и вопрос об их выдаче дает повод к длительным процессам или даже войне, поэтому те, которые имеют рабов, очень остерегаются доводить их до крайности. Однако беглый раб не получает свободы, т.к. всюду, куда бы он ни пришел, считается рабом; он имеет только право выбрать себе нового хозяина.

Рабы вступают в брак только между собой. Хозяин должен купить рабу жену, но ни в коем случае не может навязать ему женщину, которой тот не хочет. Если свободная женщина выходит замуж за раба или свободный женится на [105] рабыне, то он и их дети

являются свободными. Дети, родители которых не свободны, остаются собственностью своего господина. Ни один ребенок раба не может быть продан без согласия своих родителей, и пятая часть платы за проданного идет семье проданного. В стране продажа поодиночке не в обычае; всегда продается вся семья. Продажа поодиночке встречается только в Турции. Еще одна особенность. Рабы считаются отдельным племенем — пшитли-тлако, на суде имеют своего защитника, созывают собственные собрания и вместе защищают свои права 43.

У пши и уорков встречается наибольшее число рабов, однако редко бывает, чтобы собственник имел больше четырех-пяти семейств рабов, т.е. больше 80 — 100 человек обоого пола. Значительная торговля рабами ведется с Турцией, и большею частью работоторговцами-турками, имеющими своих компаньонов в стране; они получают от этой торговли большую выгоду. Наибольший спрос имеется на детей от 6 до 12 лет и на молодых людей, способных к военной службе, которые покупаются турками для сдачи вместо себя в армию. Взрослые, особенно красивые, девушки, тоже имеют спрос; однако они считаются неверным товаром, т.к. обычно такая девушка не может привыкнуть к новой жизни в Турции и чахнет там, несмотря на комфорт, которым она часто бывает окружена в большинстве турецких гаремов. Ей страшно в городах, в больших, пышно убранных комнатах, в которых она не может весело прыгать и шуметь, как в своих горах; тоска по родине переходит иногда в неизлечимую болезнь, и часто нет другого средства спасти бедную девушку от верной смерти, как отослать ее обратно в горы. Только отведенные в Турцию в раннем детстве привыкают к турецкой жизни, забывают даже родной язык и не тоскуют по родине. Пожилые люди продаются чрезвычайно редко. [106]

Цены бывают разные. Мальчик никогда не продается в стране дешевле 100 серебряных рублей, девушка, если она только сносно сложена, достигает 300, но не превышает почти никогда 500 рублей, раб, годный для военной службы, стоит обыкновенно 200 рублей. Торговец рабами получает прибыли почти всегда втрое, вчетверо, часто даже в десять раз больше. Красавица, которая покупается в знатный гарем или в сераль султана, оплачивается иногда от 50 до 100 тысяч пиастров (приблизительно от 2 500 до 5 000 талеров); о более высоких ценах я не слышал. Некоторые абазы привозят своих рабов сами в Константинополь на продажу и ждут часто там месяцами, пока продадут свой товар.

Многие также, особенно из Убыхии, как благородные, так и свободные, привозят собственных детей и продают их в рабство, однако это считается позором и вызывает в стране презрение. Другие привозили своих дочерей, если они очень красивы, в Константинополь, чтобы выдать их замуж за турок и получить большую цену за невесту. Турки часто предпочитают брать абазских девушек в жены для своих сыновей, так как родство с другими турецкими семействами нередко имеет свои неприятные стороны. Большинство просто покупает девочек-рабынь, которых они воспитывают в своих гаремах, в жены для своих сыновей.

Убыхи, у которых имеется самое большое количество рабов, поставляют самый значительный контингент в гаремы Константинополя и благодаря этой торговле имеют самые большие связи с турками. Последние позволяют сознательно или несознательно обманывать себя хитрым абазам. Дети рабов, из которых мужчины часто поднимаются до высоких должностей в Турции, а женщины составляют блестящую партию, уверяют турок, что они княжеского происхождения, чему те охотно верят и уверяют других. Все проданные в Турции абазы держатся вместе и помогают друг другу. Таким образом, возвысившийся раб находит в каждом приезжающем в Константинополь абазе услужливого человека, который очень охотно признает его родственником; жители

Убыхии особенно охотно принимают родство с возвысившимся рабом, и т.к. каждый житель Убыхии [107] знает, что он с титулом бей (князь) принимается лучше турками, то все они принимают этот титул. Добрые турки, не знающие, что во всем Убыхе не существует ни одной княжеской фамилии, в высшей степени довольны иметь своей женой купленную за несколько сот талеров черкесскую принцессу. Приехав в Париж, я от души смеялся, увидев в одной иллюстрированной парижской газете изображенного в фантастическом черкесском костюме одного такого абазского раба, возвысившегося в Константинополе милостями гарема до звания паши, но при этом не умевшего писать и читать. За воровство и убийство он был лишен должности и заключен в тюрьму. Обычно серьезная газета представляла беглого раба, бежавшего из тюрьмы и спасшегося во Франции, черкесским принцем, которому черкесский престол принадлежит по праву, являющимся объектом политического преследования как турок, так и русских.

Один очень почтенный и искусный писатель издал биографию этого человека и по его указаниям — очерки о Черкесии, которые я прочитал с тем большим удивлением, что я только недавно покинул Абасию. Я думал, что читаю о совершенно другой стране. Когда я позднее познакомился с автором, он мне открыто признался, что просил безграмотного раба, с которым мог объясняться только при посредничестве переводчика, дать ему сведения о его родине. Многие из первых парижских журналов сделали то же самое. Таким образом, если одному человеку удалось в Париже провести так много серьезных и одаренных людей, то нет ничего удивительного, что эти люди в Константинополе, где один поддерживает другого своей ложью, могут провести как угодно доверчивых турок. Это отречение от своего происхождения было бы еще небольшим преступлением, хуже то, что все живущие в Турции абазы не обладают ни искрой истинного патриотизма, ни бескорыстной любовью к своему отечеству, у проданных рабов это не очень удивительно, но есть также много свободных, которые среди турок в магометанском фанатизме душат прежнюю любовь к своему старому отечеству — Абазии.

Число живущих на Востоке абазов можно считать [108] приблизительно в 50 000 человек обоого пола, из которых большая часть обладает хорошим состоянием, а многие даже очень богаты. Они горды тем, что они адыги, или, как говорят в Константинополе и Европе, черкесы, они хвалятся охотно своей национальностью и выдают себя, хотя они и рабы, за родственников и братьев воинов, сражающихся за свою свободу, но неслыханное дело, чтобы хотя один из живущих постоянно в Турции адыге принес для своего отечества личную или денежную жертву. В Константинополе знают только убыхов как представителей адыгов, в то время как абадзеи и многочисленные находящиеся в вечной войне шапсуги почти неизвестны. Это объясняется тем, что девять десятых находящихся в Турции рабов привезены из Убыхии, а Адыгея так же мало известна туркам, как и европейцам. Последствия этого, как мы увидим дальше, губительны для страны; шарлатаны из Убыхии и некоторые пронырливые уорки, поддерживаемые рабами в Константинополе, обманывали Порту, так же как и посольства союзных государств, и эксплуатировали во время последней Восточной войны интерес к своей стране в своих собственных целях.

Можно сильно ошибиться, представив себе назначенного к продаже абазу несчастным, подавленным и полным отчаяния. Напротив, мысль попасть в Стамбул — золотой город, где пребывает падишах, властитель мира, преследует молодых девушек с детских лет. Часто случается между свободными, что брат и сестра входят в соглашение и последняя продается; это дает возможность брату увеличить свое хозяйство, богато украсить свое оружие, обеспечить себя запасом пороха или купить себе жену 44. Сестра же делает иногда, особенно если она красива, блестящую партию, и тогда случается, хотя и редко, что она вспоминает о далеком брате (который в Стамбуле может быть, конечно, не

меньше князя) и посылает ему в горы что-нибудь от своих излишков. Не было случая, чтобы [109] переселившийся в Турцию абаз опять когда-нибудь вернулся в свои горы.

Жилища адыгов патриархально просты. Каждый двор устраивается следующим образом. Высокий, хорошо сплетенный забор, законченный сверху терновником, заключает в себе неправильную площадь. Середина площади пуста. С одной стороны полукругом стоят сакли, с другой — загон для рогатого скота и стойла для овец и коз. В середине саклей находится юнэ-шуа 45, где живет глава семейства со своей женой и детьми, не достигшими еще 12 лет. В этой же сакле хранится самое значительное имущество семейства: постели, железная посуда для приготовления пищи, медные кувшины для воды, сундуки с одеждой, полотном, сафьяном, также запас оружия и пороха. Сакля делается или из дерева, или только из плетеных ивовых прутьев. Стены хорошо вымазаны глиной и снаружи, как и внутри, побелены; пол из хорошо утрамбованной глины, крыша, поддерживаемая поперечными балками, из досок, на которые часто положена солома; потолок обыкновенно так низок, что часто его можно задеть головой, и состоит только из бревен, так что изнутри видно крышу. Большой очаг с камином из досок или из плетня, обмазанного глиной, находится посередине; с обеих сторон (часто только с одной стороны) очага находится небольшое возвышение, которое служит кроватями. Двери из крепкого дуба и запираются только изнутри деревянным задвигающимся засовом; стеклянные окна неизвестны. Небольшое отверстие в стене, снабженное ставнем, служит для освещения комнаты, которая зимой, когда закрыты двери и ставни, освещается огнем очага. Под той же крышей, отделенная только легкой перегородкой, к каждой хижине пристроена маленькая конюшня, в которой могут стоять пять-шесть лошадей. Дверь стойла запирается изнутри сакли задвигающимся засовом.

Такая сакля составляет одну комнату, иногда большая сакля бывает разделена легкой перегородкой на две [110] половины; в одной живет семья, в другой хранится имущество. Во всем доме не увидишь ни замка, ни гвоздя. Внутренняя обстановка очень проста; она состоит только из камышовых подстилок и положенных на них маленьких подушек; столы и стулья неизвестны. Скамейки очень редки. Постельные принадлежности днем складываются и раскладываются только перед сном.

Несмотря на более чем скромный вид, эти сакли довольно уютны, т.к. содержатся очень чисто. Однако же зимой они очень холодны. Ветер наносит иногда через большую дымовую трубу хлопья снега в комнату, и, хотя дрова ничего не стоят и огонь постоянно горит, комната не нагревается; в то время как спереди можно изжариться от огня, со спины замерзаешь. Все абазские сакли совершенно одинаковы, и их внутреннее убранство одинаково. В этом же дворе, в котором живут родители, у их детей отдельные сакли. Каждый женатый сын имеет свою собственную саклю для себя и для своей семьи, также и взрослые дочери, и если семейство многочисленно, то 12-15 таких саклей стоит во дворе, все они обращены фасадом к середине площади. Приблизительно в 20 шагах от большой сакли построены амбары и кладовые, каждый на четырех крепких сваях до трех футов высоты. Эти амбары малы, но многочисленны, и у зажиточных находится часто 10 и более таких построек, сзади саклей стоят также хорошо отгороженные стога сена и соломы, плохо защищенные стойла для буйволов, овец и коз, навесы для домашней птицы и загон для рогатого скота, который летом и зимой стоит под открытым небом. Фруктовые сады и огороды, особо огороженные, примыкают к двору.

Если владелец двора имеет одну или несколько семей рабов, то дворы их построены вблизи их владельца и совершенно по тому же образцу, как было описано, так что дворы рабов и князей ничем не отличаются. Холостые рабы, которые не имеют семьи, живут во дворе владельца в собственных саклях. Вне двора возвышается на расстоянии от 50 до 100

шагов сакля для гостей (хадши-юнэ), в которой не живут и которая предназначена только для [111] гостей. Даже бедный адыг никогда не забывает построить саклю для гостей на своем дворе.

Адыг ищет для постройки двора место в лесу или вблизи его, отчасти чтобы скрыться от взоров врага, отчасти из-за нужды в дровах, чтобы иметь их под рукой. Большинство дворов построены около рек, ручьев или источников; на равнинах жители копают колодцы, которые имеют сходство с теми, которые я видел на Тейсе в Венгрии. В общем такой двор напоминает крестьянскую усадьбу в странах Восточной Европы с той только разницей, что дома в последних содержатся не так чисто.

Обычаи адыге, конечно, теперь единственные во всем мире и имеют много сходства с патриархальными обычаями наших предков. В семейном дворе отец является неограниченным господином, которому, повинуются по первому знаку. Пока он жив, все сыновья обязаны оставаться с ним. Только после его смерти могут они по своему желанию разделиться и выделить свои хозяйства, однако первенец является наследником двора и большей части движимого имущества.

Мать (многоженство редко и впервые введено магометанами) имеет в доме такой же авторитет, как отец, и почитается благоговейно всем семейством. Она руководит хозяйством, и все женщины и девушки находятся в ее распоряжении; первые не имеют права вести отдельное хозяйство или кухню. Мать разделяет одежду, заботится и наблюдает за ее изготовлением. Кушанья варятся для всех вместе по ее указаниям, и два раза в день, за час до обеда и сейчас же после захода солнца, она сама делит их между всеми.

Пища абазов лучше и обильнее, чем у крестьян большей части Европы, и ее главное достоинство — это чистота, с которой приготавливаются кушанья. Хлеба выпекается мало, и его заменяет любимая шва-паста — круто сваренная просяная каша или, за недостатком ее, каша из кукурузы.

Чтобы дать читателю представление об абазском обеде, я хочу описать один из них полностью, как его подают в среднезажиточном доме. [112]

Когда приходит время обеда, то прежде всего в комнате для гостей появляется юноша или мальчик с умывальным тазом и кувшином тепловатой воды, другой несет мыло и полотенце. Так как им известны только ложка и нож, с вилок они незнакомы и твердые кушанья едят пальцами, то необходимо вымыть себе руки. Когда это окончено, вносятся кушанья по турецкому обычаю, но употребляется только деревянная посуда 46. Маленькие столики, высотой самое большее в фут, ставятся перед гостями, каждое кушанье — на отдельном столике. К описываемому завтраку были поданы следующие кушанья: приготовленный в соусе из красного перца индюк, пироги из пресного теста с сыром, маленькие пшеничные пирожки с великолепным, только что вынутым из улья сотовым медом, пресные пироги с мясом, мелко нарезанная баранина, приготовленная в соусе из перца, опять другой формы пирожки с медом, поджаренные в масле ломтики сыра с хлебом, потом кислые сливки с просяной кашей. Обед состоял из очень хорошего, сильно приправленного перцем супа, из баранины (всегда приносится целый баран), красных бураков и кислой капусты; напоследок — пирожки с медом. При каждом кушанье, для которого требуется хлеб, его место заменяют куски просяной каши, разложенные вокруг столика. Столы один за другим приносятся и уносятся; после знатных гостей ест их прислуга; или после старших — младшие 47, потом идут случайно присутствующие и соседи, а напоследок — рабы, потому что есть обычай, что из

кушаний, которые приносятся гостям, не должно ничего уноситься обратно в кухню. После еды нужно опять хорошо вымыть руки. У богатых людей часто подается 20 — 30 кушаний, которые выглядят только иначе, но в основном сходны. [113]

Конечно, адыги только в праздники едят дома такое количество блюд, но в общем они живут хорошо. Зато они переносят с редкой выносливостью голод, когда подвергаются этому во время неприятельских набегов, падежа скота и нашествия саранчи. Эти три бича с незапамятных времен не оставляют их почти ни одного года в покое.

В стране адыгов имеется прекрасная вода, и это, так сказать, единственный напиток народа. Однако в южных частях производят крепкое вино, кое-где некоторые гонят водку. Обычно они готовят к своим праздникам швett и крепкий мед.

Одежда мужчин так же проста, как красива и удобна. Они носят доходящий ниже колен длинный кафтан из туземного серовато-белого или коричневого сукна. Богатые стараются достать заграничное сукно светлых цветов. Кафтан без подкладки, с широкими длинными рукавами, которые покрывают руки, без воротника и спереди закрывающий часть груди. Этот кафтан всегда на талии застегивается рядом маленьких пуговиц и затягивается узким кожаным ремнем. На каждой стороне груди находится помещение для 36-40 штук патронов, которые выточены из дерева или кости и воткнуты в определенные отверстия. Эти помещения для патронов, которые дают груди вид органа, у зажиточных бывают украшены серебряной вышивкой. Под длинным кафтаном носят немного более короткий кафтан из тонкого сукна, шелка или хлопчатобумажной ткани светлого цвета. Кафтан делается на подкладке со стоячим воротником, длинными рукавами и застегивается от шеи до середины тела. Под этим кафтаном находится еще второй — из белой хлопчатобумажной ткани, сделанный точно так же, но немного короче, чем первый, и служащий жилетом. Широкие, к щиколотке суживающиеся панталоны из туземного или иностранного сукна (красные панталоны предпочитают) завершают одежду. Головной убор состоит из высокой барашковой шапки на толстой подкладке, которая может выдержать сильный сабельный удар. Обувь состоит из полусапог из цветного сафьяна, которые сшиты совсем как носки, по мерке. На них надеваются еще [114] маленькие башмаки — как галоши. Одежда и обувь у зажиточных обшита узким серебряным галуном. Против холодов адыг носит зимой длинную овечью шубу. Против дождя служат бурка и башлык, капюшон которого надевается на шапку. Когда адыг садится на лошадь или уезжает из дома, то надевает, кроме того, гамаша выше колен. Одежда у всех мужчин на Кавказе совершенно одинакова, за исключением головного убора, который у татар и грузин другой, и для этой горной, поросшей лесом и кустарником страны, не имеющей ни проселочных, ни больших дорог, где можно идти только пешком или ехать верхом, очень практична. Линейные казаки на Тереке имеют такую же одежду.

Одежда женщин состоит из длинной верхней одежды, которая доходит почти до щиколотки, спереди открытая, без воротника и с длинными рукавами. Под ней находится длинный кафтан который доходит ниже колен и сверху донизу застегивается; на талии он охвачен широким поясом, часто богато вышитым золотом и серебром. Панталоны широки и очень длинны. Обувь та же, что и у мужчин. Очень красив головной убор. Он состоит из высокого чепца формы сахарной головы, как можно видеть на портретах женщин XIV века. Этот чепец очень богато расшит, и с верхушки его сзади почти до пола спускается покрывало. Замужние женщины носят более низкие чепцы. Материи для платьев большей частью пестрые, у богатых — шелк и атлас. Дома женщины ходят неряшливо, но для праздничных случаев даже самая бедная имеет приличное платье. Абазы заботятся очень мало о своей собственной одежде, но подвергают себя всяким лишениям, чтобы получить

хорошее оружие для себя и красивое платье для своих жен и дочерей. Женщины и девушки плетут свои волосы в длинные косы и показываются без покрывала.

Комментарии

18 Если я делаю разницу между выражениями «русский» и «московит», то опираюсь на утверждение многих превосходных географов, этнографов и историков, которые доказывают что московиты не принадлежат, как русские, к индогерманской, но к туранской расе. В последнее время русский ученый из Киева господин Духинский привел неопровержимые доказательства, что московиты — смесь финов и татар, хотя и приняли, и то только в последнем столетии, внешне религию и язык русских, но по их происхождению, истории, прошлому и их духу совершенно чужды как русским, так и полякам и другим славянам. Господин Духинский с большим талантом поставил расовый вопрос и убедительно доказал его значение, и т.к. он опирается только на факты, а не на предположения, то разработанная им доктрина имеет большую и блестящую будущность.

19 См. главу 1.

20 Черкесами называется племя в средней орде киргизов, которое во время своего кочевья зимой обычно располагается на восточном берегу Каспийского моря. Это племя насчитывает до 15 000 человек обоего пола.

21 Известно, что Кавказ был местом ссылки Греции — греческой Сибирью. После введения христианства среди греков, во времена римского владычества, ссылка на Кавказ больше не практиковалась.

22 Магометанство арнаутов не очень твердо, большей частью они только разыгрывают магометан, чтобы получать места в турецкой армии и администрации.

23 Можно еще до настоящего времени рассматривать арнаутов как независимых. Они не платят почти никаких податей, не поставляют рекрутов, не принимают гарнизонов и управляются по своим старинным законам. Но большое число их поступает за хорошую плату на службу в солдаты и как полицейские наводят страх на турок и райя.

24 Старшин называют тамадами (предводитель, мудрый), но вообще так называют и стариков, и отцов семейств в их дворах.

25 Есть фамильные дворы (юнэ), где число жителей превышает 100 человек. Совершенно невозможно определить число жителей страны с точностью, т.к. записей о рождении, смерти и браке не существует. Я должен был в моих статистических данных основываться только на вероятных исчислениях. Но так как в некоторых юнэ-из я предпринял точный подсчет людей, лошадей, скота и оружия и число юнэ-из мне также точно известно, то я думаю, что, считая данные в круглых цифрах, не буду далек от истины.

26 Странно то, что имя знаменитой грузинской царицы составлено из абазских слов: «Тха» — «бог», «Мара» — «Мария». Не имеет ли это имя другого значения?

27 Эти насыпные земляные курганы находятся повсюду, где проходили вереницы людей во время переселения народов. Весь юг России, Южная Польша, Молдавия, Валахия и равнины Венгрии усеяны такими курганами.

28 Намазлык — коврик (или маленькая циновка), на котором мусульманин делает намаз (читает молитву).

29 Иисус.

30 Бог.

31 Мария.

32 Шветт — это род жидкой просяной каши, смешанной с медом, отвратительный на вкус и на вид, но крепкий напиток. Другой вид шветта — это приготовленный из меда напиток, очень вкусный, прозрачный и очень крепкий.

33 «Прекрасный бог! Великий бог! Мы бедные (молимся тебе)! Иисус, сын бога) Мария, мать бога! Бог! Бог!»

34 Бесплодие считается большим несчастьем и позором.

35 См. последние годы абазской истории в главах 9 и 10.

36 Вероятно, имя Тха происходит от Теос или Деус.

37 Десять серебряных рублей обозначает одну штуку рогатого скота.

38 Мехкеме — по-арабски «судебная палата». Наиб Мохамед-Эмин ввел такие судебные палаты. На определенное количество юнэ-из был устроен двор, в котором были построены помещения для судей, начальника полиции судебного округа и его муртазиков с необходимыми конюшнями. Кроме того, в этом же дворе была выстроена мечеть и помещение для арестованных. Теперь все эти мехкеме лежат в развалинах.

39 Муртазик — полицейский, жандарм.

40 Как доказательство, как далеко турки, которые в политике были учителями адыгов, ушли вперед в своих понятиях о мировом положении, может служить следующий вполне достоверный анекдот. Один европейский офицер, который в последнюю Восточную войну служил у турок, встретил однажды под Севастополем хорошо ему знакомого турецкого Лива-пашу (бригадного генерала). После обычных приветствий толстый паша радостно воскликнул: «Ну, слава богу, война окончена!» «Как так?» — спросил удивленный офицер. «Разве ты не слыхал большую новость?» — «Какую?» — «Царь Николай умер.» — «Это я, конечно, слышал, но что общего имеет это с окончанием войны?» — «Так ты не знаешь? Ну кому будут теперь повиноваться русские?» — «Его сыну Александру.» — «Я не думаю.» — «Я знаю это наверное.» — «Но, мой дорогой, падишах не даст фирмана его сыну прежде, чем тот не покорится.» — «Что за фирман?» — «О вы, франки, франки; все-то вы знаете, а часто вам неизвестны самые простые вещи. Разве ты не знаешь, что Николай имел фирман от падишаха и так же, как и все другие короли, был провозглашен им царем? По этой причине ему удалось поднять русских на войну; но его сына, который не имеет фирмана, едва ли они будут слушаться, и поэтому он должен будет заключить мир. Понимаешь ли ты теперь?» Офицер, смеясь, ушел от него. Немного позднее встречает он своего толстого друга в Константинополе.» Ага, — было первое восклицание того, — разве я был неправ? Разве Александр не должен был заключить мир? Только теперь Магомет Киприсли-паша отвез ему в Петербург его фирман и его назначение.» Добрый паша был совершенно счастлив, что он оказался прав,

он был уже дивизионный генерал и, без сомнения, будет маршалом, а может быть, и министром.

41 В отличие от «гяур», магометанского бранного слова для иноверцев.

42 Слово «пшитли» составлено из двух слов: «пши» — князь и «тли» — «его» или «собственный» — и означает «собственность князя».

43 Убийство или ранение раба наказывается лишением права иметь рабов и тяжелым штрафом, который виновный должен уплатить племени рабов, если не хочет сделаться жертвой кровной мести. По магометанским законам каждый раб, принявший магометанство, должен получить свободу через семь лет, но этот закон не исполняется ни в Абазии, ни даже в Турции.

44 Когда адыг женится, то он должен внести семье своей жены деньги за невесту. См. следующую главу.

45 Юнэ-шуа — главное здание или большой дом.

46 Деревянная посуда, блюда, чарки и ложки сделаны адыгами с большим искусством и украшены разной пестрой росписью: блюда бывают различной величины, суповые чашки имеют часто невероятные размеры. Глиняная посуда совершенно неизвестна.

Текст воспроизведен по изданию: Теофил Лапинский. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Описание очевидца Теофила Лапинского (Теффик-бея) полковника и командира польского отряда в стране независимых горцев. Нальчик. Эль-Фа. 1995

© текст - Гарданов В. К. 1995

© сетевая версия - Thietmar. 2009

© OCR - A-U-L. www.a-u-l.narod.ru. 2009

© дизайн - Войтехович А. 2001

© Эль-Фа. 1995

ТЕОФИЛ ЛАПИНСКИЙ

(ТЕФФИК-БЕЙ)

ГОРЦЫ КАВКАЗА И ИХ ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА ПРОТИВ РУССКИХ

ГЛАВА 5

Занятия адыгов. — Обычаи. — Характер. — Пороки и добродетели. — Воровство. — Женщины и девушки. — Их занятия. — Гостеприимство. — Прием гостей. — Приют. — Барды и певцы. — Рождение. — Женитьба. — Свадьба. — Похороны. — Поминки. — Праздник вознесения на небо девы Марии.

Мужчины занимаются главным образом земледелием, а также скотоводством, коневодством и пчеловодством. Они более трудолюбивы, чем другие народы, живущие на востоке; но т.к. их работа не приносит большой выгоды, а плоды земли могут быть вывезены только в небольшом количестве, следовательно, все должно потребляться в стране, то они сделались ленивы и работают ровно столько, чтобы удовлетворить свои потребности. Адыг по натуре храбр, решителен, но не любит бесполезно проливать кровь и не жесток. Ему нравится подвижная жизнь, однако он неохотно остается долго вдали от своей родины. Он больше всего на свете любит свои леса и горы; свою личную свободу он рассматривает как высшее благо; кротостью и убеждением он позволяет собой руководить, как ребенком, и переносит даже строгость, но восстает против всякой несправедливости. Он ревниво относится к своей военной славе, но чистосердечно восхищается храбростью другого, даже своего врага. Отрезанный от общения с остальным миром, с незапамятных времен окруженный только врагами (сначала турками, потом русскими), он вначале чрезвычайно недоверчив к чужим. Легкомысленный, целый день скачущий и распеваящий, почти равнодушный, когда горит его сакля и гибнет его имущество и когда его тело разрублено и прострелено, он, однако, имеет глубокую любовь к своей семье. Его послушание родителям, его согласие в браке могли бы служить примером любому цивилизованному народу. Дети воспитываются очень разумно. Ребенка никогда не бьют и даже не ругают. Ничем не стесняемая свобода женщин и девушек, казалось, должна бы благоприятствовать распущенности нравов; несмотря на это, почти все девушки добродетельны, того же нельзя сказать про замужних женщин. Ревность не играет большой роли в быте адыгов.

Один из самых больших недостатков этого народа — ложь. Никогда нельзя верить обещаниям адыга: чем торжественнее он уверяет, тем более следует быть уверенным в его коварстве. Он говорит очень много, очень щедр на лесть и на предложение своих услуг, но когда доходит до дела, он [118] отрекается с большой наглостью. Лжецы среди своих, они еще более обманывают врагов, и кто полагается на рассказы туземцев о стране, оказывается жестоко одурачен. Этот отвратительный порок лжи отчасти является следствием печального состояния страны; принужденные русскими держать в тайне положение своей страны и даже свои мысли, обманываемые и обсчитываемые алчными лазскими купцами, единственными чужестранцами, с которыми им приходится иметь дело, адыги почти вынуждены прибегать ко лжи. Недостаточность религиозных понятий также является одной из причин развития этого порока.

Коран, который в корне осуждает обман, был введен честолобивыми мужами, не гнушавшимися никакими средствами для распространения и укрепления своего влияния и способствовавшими широкому распространению данного порока. Пожилые люди уверяли меня, что в былые времена слово значило куда больше, чем ныне, и что еще сегодня

клятве на Коране верят куда меньше, чем простому рукопожатию по старому обычаю. Если чужеземец хочет чувствовать себя в этой стране в безопасности, ему необходимо стать членом какого-нибудь рода или семьи, одновременно тем самым получив и право гражданства. С этой целью собирались старейшины рода или семьи, устраивали смотр-совет, давали друг другу слово и пожимали руки в подтверждение того, что будут общаться как родственники и братья, помогать во всем. В каждом случае необходим карар 48 — только тогда можно надеяться, что адыг выполнит свои обязательства. Неразрывный союз заключают два друга, если они после совершения карара надрезают мизинец и высасывают друг у друга несколько капель крови. Такая дружба священнее, чем самое близкое кровное родство, а его разрыв — неслыханное дело. Старые черкесские княжеские семьи и уорки, которые женились только между собой, охотно искали возможности заключения союза с абазами, ставшими более сильными, чем они. [119]

Заклучалось, это в том, что черкес отдавал своего новорожденного сына на воспитание в одну из влиятельных абазских семей, чтобы ребенок кормился с абазскими детьми молоком одной матери. Подобное молочное родство высоко ценится. Если адыг заключил карар, то он его очень редко нарушает; всеобщее презрение, а часто и кровная месть преследуют за измену.

Воровство — второй большой порок в этой стране, и примечательно, что в местностях, где мало черкесов или вообще их нет, воровство также редкость. Чаше всего воруют детей, рабов, лошадей и волов. Совершить воровство, несмотря на отсутствие полиции и замков, как правило, очень непросто. Как только во дворе или на пастбище исчезает скотина и замечается кража, пастухи стреляют из ружей и издают своеобразный пронзительный крик, который можно услышать очень далеко. Каждый житель, который слышит этот крик, повторяет его, стреляя при этом из ружья или пистолета. В мгновение всюду слышны только резкие крики и выстрелы. Все мужское население выскакивает на улицу, стреляя и крича, чтобы, заняв все пути и тропинки. Пока одни охраняют все ходы и выходы, другие с собаками обыскивают кустарники и лес. Если же вор сел на украденного коня и убегает или воров несколько, то начинается многочасовая дикая погоня-охота с ужасным шумом. При этом жители всех близлежащих мест стараются поймать воров. Последние отстреливаются, но если их поймают, обычно не сопротивляются. Очень редко вор может исполнить свое намерение, если у него нет в запасе нескольких часов или помощника из той местности, где он намерен совершить кражу. Ворованная скотина, как правило, сразу забивается, шкура с нее снимается, разрезается на куски и быстро выделывается, чтобы от кражи не осталось никакого следа. Чем дальше находятся русские, тем меньше происходит краж, чем ближе — тем больше.

Русские — лучшие покупатели краденых детей, лошадей и рогатого скота. Вор уверен, что ему удастся быстро снести свою добычу, и если его не видали, то он может опять [120] возвратиться к своим и совершить новые похищения. Пши и уорки — наиболее опасные и известные вору в стране. Пойманный на месте преступления вор, как правило, раздевается до рубашки и не отпускается на волю раньше, чем он сам или его фамилия выплатит выкуп. Но очень опасно ранить или убить вора, ибо в этом случае его фамилия требует деньги за кровь.

Попытки наибова положить предел воровству некоторое время увенчивались успехом, но начавшиеся затем ссоры имели следствием ужасающее увеличение воровства. Но если последнее, к сожалению, обычно, то грабежи и разбои — нет. Никогда не случается, чтобы вору ворвались даже в наименее охраняемый двор или чтобы одинокий путник на дороге был ограблен или даже убит. Причина этому — особенная, но крепкая организация общественного союза в этом народе, где все ответственные один за другого, каждое племя,

каждая фамилия — за принадлежащих к ним и живущие каждого юнэ-из — за преступление, совершенное на их земле.

Соседи живут между собою в согласии, которое могло бы служить примером для сельских жителей в Европе; полевые работы производятся всегда сообща несколькими соседями. Если один из дворов разорен пожаром, падежом скота или нападением врага, если русские взяли в плен кого-нибудь из фамилии и необходим выкуп, то приходят на помощь не только соседи, но и члены фамилии, живущие в отдаленнейших местах страны, и если этого недостаточно, то помочь обязано все племя. Таким образом, естественно, что в этой стране так же мало бедных, как богатых; нищие неизвестны.

Замужние женщины — несчастнейшие существа в Адыгее. Кроме того, что они должны помогать мужчинам в полевых работах, они делают сукно, полотно, одежду и обувь. Они должны натаскать в дом воды и дров, ухаживать за скотом, даже и за лошадьми, приготовить обед и вести все хозяйство. Зимой они очень страдают от холода из-за недостатка одежды; но самое тяжелое — это молоть муку. В стране только изредка встречаются маленькие водяные мельницы. Каждый двор имеет свои ручные мельницы, которые очень плохи. Заготовленной муки нигде [121] нет; женщины ежедневно мелют лишь то количество муки, которое необходимо на хозяйственные нужды. Следует отметить, что, тогда как женщины замучены работой, девушек, как у богатых, так и у бедных, очень оберегают. Они освобождены от всех тяжелых домашних и полевых работ, занимаются только шитьем и вышиванием и достигают в этом большого искусства. Чужеземцы бывают чрезвычайно удивлены, найдя под соломенной крышей абазской сакли нежных, хорошо одетых девушек с белыми руками, не носящими ни малейших следов тяжелой работы. Между девушками встречаются настоящие красавицы, но, едва выйдя замуж, они теряют быстро свою красоту, и через год замужества бедняжку едва можно узнать. Впрочем, они добродушные, услужливые, веселые создания и не такие робкие, хотя и более добродетельные, чем турчанки. Вообще же на земле не найдешь более легкомысленного и веселого народа; абаз смеется целый день, легко переходит от самого большого огорчения к бешеной радости и не в состоянии сделать и сохранить серьезное, мрачное лицо.

Лучшее качество адыгов — это гостеприимство. Путник может проехать всю страну насквозь без копейки денег, и нигде его не задержат, и в каждом дворе, куда он зайдет, он найдет кров, постель и еду для себя, стойло и корм для своей лошади. Можно, не спрашивая позволения, сойти с лошади перед саклей для гостей и войти в нее — таков обычай. Сейчас же со двора приносятся матрацы, подушки, вода и полотенца, в камине зажигается большой огонь и хозяин дома и его семья прислуживают гостю. Невежливо спрашивать, откуда он приехал, куда едет, кто он. Хозяин только приветствует гостей и не начинает разговора, пока они сами не спросят или не начнут рассказывать. Приезд чужестранца и уважаемого гостя — событие во всей местности. Из всех близлежащих дворов спешат люди, чтобы увидеть гостя, послушать от него новости и принять участие в пиршестве, которое является следствием такого посещения.

Часто сакля битком набита народом, но туземцы все же держатся вдали от гостя, чтобы его не беспокоить, и, как хозяева, так и любопытные, не смеют в присутствии гостя [122] сесть или разговаривать друг с другом; это считается высшей неучтивостью. Ни один состоятельный путешественник не может быть лучше обслужен в европейском отеле, чем гость в низенькой абазской сакле под соломенной крышей. Начиная с хозяина дома до последнего мальчика-раба, все следят за его малейшим знаком.

Неприятно обыкновение жителей, не спуская глаз, пристально смотреть на прибывшего. Часто в переполненной сакле 30-40 пар глаз, жутко блестящих из-под мохнатых меховых шапок, пристально устремлены на гостя. Их приветствие коротко. Адыг здоровается словами: «О шхашши» («Добро пожаловать»). Ему отвечают: «Каго-апши» («Добро пожаловать и тебе»). Перед очень старыми людьми и девушками встают, но шапки не снимают, даже не прикасаются к ним. Только женщины, здороваясь, прикасаются к своему головному убору, точно по-военному отдают честь. Коротко прощальное приветствие: «Отхатш» («Оставайтесь счастливы»); на это отвечают; «Отмаф» («Добрый путь»). В последнее время введены магометанские приветствия, но они не идут к гостеприимной сердечности адыгов.

Через час после прибытия гостя подается незатейливая еда, обычно пирог с медом или молоко; но основательной еды приходится долго ждать, ибо чем более уважаем гость, тем больше и дольше готовится кушанье, так что иногда не удается пойти спать до полуночи. Лошадей расседывают, кормят, поят и моют без того, чтобы гостю об этом пришлось заботиться.

Когда гость отдохнул и удобно устроился, его обычно ожидает приятное посещение. Это девушки из этого или соседнего двора (замужние не показываются). Девушки обыкновенно входят в саклю медленно и со скромным достоинством, безмолвно приветствуют, прикасаясь по-военному рукой к своему головному убору, и становятся около дверей. Долг гостя, как бы стар и знатен он ни был, подняться и пригласить девушек сесть около себя; после некоторого сопротивления девушки занимают место, и, т.к. они и без европейского воспитания очень остроумны, понятливы и чистосердечны и при этом очень скромны, [123] беседа с ними имеет свою приятность. Эти милые девушки осматривают внимательно платье гостя и берут с собой в саклю все разорванное или испорченное, чтобы привести в порядок к отъезду гостя. Приход девушек является как бы сигналом к прекращению серьезного разговора, и если гости согласны, то молодые люди начинают «хоред». Это значит, что один пляшет в середине комнаты, в то время как остальные сидят, поют и в такт бьют в ладоши; какой-нибудь старый бард играет на своей трехструнной скрипке. И скоро хижина дрожит от прыжков и выстрелов, ибо каждую минуту кто-нибудь из зрителей стреляет из пистолета в крышу или дымовую трубу, так что куски глины летят во все стороны; выстрелы заменяют наше «браво» и служат аплодисментами актерам. В таких случаях девушки не пляшут и не поют, но только поощряют наиболее ловких словами и взглядами.

По этому поводу я должен упомянуть об абазских бардах. Этих патриархальных певцов уважают и боятся. Каждый хороший или плохой поступок, храбрость и трусость, корыстолюбие и самопожертвование, гостеприимство и скупость, красота и любовь, так же как легкие нравы, находят своих панегиристов или беспощадных сатириков. Ими воспеваются старые сказания, геройские поступки и подвиги, различные чудесные истории. Я видел весной 1857 года во время сильной перестрелки на реке Адагум, как один такой бард влез на дерево, откуда он далеко раздающимся голосом воспевал храбрых и называл по именам боязливых. Адыг больше всего на свете боится быть названным трусом в национальных песнях — в этом случае он погиб: ни одна девушка не захочет быть его женой, ни один друг не подаст ему руки, он становится посмешищем в стране. Присутствие популярного барда во время битвы — лучшее побуждение для молодых людей показать свою храбрость.

Когда наступает время ужина, девушки прощаются и уходят, т.к. обычай не позволяет им есть вместе с мужчинами. Все присутствующие мужчины принимают участие по очереди в пире, по окончании которого гости [124] остаются одни и могут пойти на покой. Утром

люди из соседних дворов собираются опять в сакле для гостей; около десяти часов приносится завтрак, после которого седлаются лошади и гости приготавливаются к отъезду.

Хозяин дома обычно провожает своих гостей до ворот или до границ своих полей, а важного гостя — до следующей остановки. По желанию гостя ему дают проводников. Если путники опасаются чего-либо в той местности или в том дворе, где они ночуют, то долг хозяина дома — окружить саклю для гостей стражей и даже самому охранять дверь, а также дать прикрытие до следующей остановки. Он является ответственным за все плохое, что может случиться с его гостем, и считается высшим позором, если этот последний пожалуется на плохой, скупой прием или на какое-нибудь зло, причиненное ему лично или его имуществу. Адыг считает гостеприимство за такую священную обязанность, что откажет лучше себе в чем-либо необходимом, чтобы только удовлетворить гостя; так как такое посещение, особенно знатного гостя, который приезжает со многими спутниками, очень обременительно для хозяина дома, то считается неучтивым оставаться в одном доме больше двух ночей, хотя хозяин никому не укажет на дверь. В Адыгее много лентяев, особенно уорков, которые эксплуатируют гостеприимство хозяев и под разными предлогами переезжают из дома в дом, чтобы хорошо питаться самим и кормить своих лошадей за чужой счет.

Жилище адыга — неприкосновенное убежище. Каждый переступивший его порог оказывается под защитой хозяина дома, даже если он его личный враг. Полиции, которая вводилась в некоторых местах, было очень трудно действовать в этой стране, где народ крепко держится за свои старые обычаи; чтобы схватить преступника, надо применять особую осторожность и хитрость.

Я хочу попробовать дать небольшую картину различных важных моментов домашнего быта адыгов.

Есть обычай, чтобы жена не разрешалась от бремени в доме своего мужа; для этой цели она отправляется к своей матери или к какой-либо пожилой родственнице. [125]

Абазские женщины очень плодовиты, редко встречаются матери, которые имели бы меньше шести детей. После разрешения от бремени срок выздоровления матери продолжается редко более трех-четырёх дней, после чего она возвращается к своему мужу и бодро принимается опять за работу. Глава семьи, не всегда отец, дает имя новорожденному ребенку; крещение неизвестно, также чрезвычайно редко производится и магометанское обрезание, адыги только подчиняются против своего желания этому религиозному предписанию. В последнее время вошло в обычай присваивать себе и называть детей мусульманскими именами, например: Магомет, Мустафа, Али и т.д. Вообще же рождение ребенка не влечет за собой никаких празднеств, оно проходит, так сказать, совсем незамеченным.

Более важной считается женитьба и различные связанные с ней обычаи. Ни одну девушку не отдадут против ее желания, но она также не смеет взять себе мужа без согласия своих родителей. Жених старается, насколько возможно, узнать девушку раньше; как и повсюду, здесь также принимается во внимание состоятельность и значение родителей обеих сторон, затем — хорошее поведение, ловкость девушки в женских рукоделиях; обращают также очень большое внимание на взаимное влечение и красоту. Если жениху разрешается навещать девушку в сакле ее родителей, то это означает уже их молчаливое согласие; ему остается тогда только заслужить расположение девушки. Когда они договорились, то назначается ночь, когда жених должен увезти девушку. Увоз невесты — старый обычай, который адыги переняли у черкесов, похищавших большую частью

раньше своих жен; хотя теперь о женитьбе договариваются заранее, все-таки делается вид, что девушка похищается и что жених должен заплатить деньги за невесту как штраф за увоз.

Когда наступает назначенная ночь, жених садится на лошадь и, сопровождаемый верхом несколькими своими друзьями, приближается тихо и с большими предосторожностями ко двору, где живет его возлюбленная. Кроме невесты, которая тайком готовится маленький сверток [126] со своими лучшими платьями, в тайну посвящены только родители, которые, однако, притворяются глухими и слепыми. Девушка прислушивается. Раздается легкий свист за забором двора. Невеста незаметно выскальзывает из сакли и из двора и скоро оказывается в объятиях жениха, который вскакивает на лошадь, куда поднимает и ее, и, возвещая выстрелом из револьвера о своем триумфе, удаляется бешеным галопом. Его спутники прикрывают его с тыла, стреляют из ружей и издают особенный пронзительный крик, который означает увоз. По этой тревоге вооруженные мужчины этого двора бросаются к своим лошадям, все соседи также бегут к лошадям и начинается дикая погоня, сопровождаемая ужасными воплями. Между тем похититель имеет преимущество и молча бешено мчится к месту, где его невеста будет в безопасности. Но его спутники непрерывно кричат и стреляют и группами или в одиночку принимают различные направления, чтоб ввести в заблуждение погоню.

Горе жениху, если его настигнут! С ним обращаются тогда, как с обыкновенным вором; у него отбирают невесту, лошадь, оружие, срывают с тела одежду; кроме того, еще жестоко высмеивают и сочиняют про него насмешливые стихи; свои вещи он должен выкупить дорогими подарками и попытать счастья во второй раз; но часто случается, что девушка его больше не хочет, ей за него стыдно, она считает его неуклюжим.

Если же все сошло удачно, то он привозит невесту в дом своего близкого друга, где уже приготовлены сакли и кушанья для молодой пары, и без дальних церемоний брак заключен. В продолжение целого месяца молодая пара живет только друг другом и своей любовью. В это время муж с восходом солнца оставляет хижину и направляется к какому-либо другу по соседству, где проводит целый день, только с наступлением темноты возвращаясь в объятия своей жены. В продолжение медового месяца он не смеет показываться на глаза своим родителям и ни одному пожилому и уважаемому мужчине, и если встречает такого на дороге, то бежит, как будто совершил какое-нибудь преступление. [127]

Когда медовый месяц окончился, то невесту навещают ее мать и незамужние сестры. Она покидает двор, где провела это время, и ее ведут со многими провожатыми, с пением и ружейными выстрелами на другой двор, более близкий к дому мужа, обычно не дальше от него четверти часа пути. Здесь она живет последние восемь дней, которые проводит вне дома своего супруга, и в это время не должна его принимать. Ее мать, ее сестры и некоторые ее знакомые составляют ее общество.

Между тем жених к тридцатому дню готовится несколько голов рогатого скота, овец или коз, в зависимости от своего состояния, несколько повозок с пирогами и хлебом, несколько бочек меда и шветт, а также различные хорошо завернутые подарки, которых никто не видел, для своих родителей. Его родственники, друзья и знакомые собираются после отъезда невесты во дворе, где проходил медовый месяц, и оттуда процессия, которую ведут два его друга, направляются к дому его родителей. Он сам, однако, остается и ждет результатов переговоров.

Между тем шествие двигается вперед при непрекращающихся выстрелах из ружей и пении; оно останавливается только во дворе родителей жениха; два предводителя, которые играют роль посредников между родителями и сыном, входят в большую саклю, где их ожидают родители. Друзья жениха здороваются и передают приветствие от их сына; они в красивых словах рассказывают об их сыне, о невесте, достоинства которой превозносят до небес, говорят о счастье, которое молодая пара ожидает от брака, о многих детях, которых они произведут на свет и которые будут радостью для бабушки и бабушки, и т.д., а в конце смиренно просят разрешить молодым войти во двор и приготовить для них юнэ.

Родители разыгрывают из себя разгневанных: они ничего не хотят знать о безумствах сына, они не имеют средств платить деньги за невесту и тому подобные вещи. Но посредники не дают себя испугать и удваивают свое красноречие; шум перед большим юнэ становится все сильнее, и наконец они затрагивают слабые стороны родителей, главный порок [128] и добродетель адыгов — их жадность и их гостеприимство. Они достают подарки, предназначенные для родителей, состоящие из оружия и предметов одежды; также приглашают их осмотреть рогатый скот, овец, коз и продукты, которые им посылает сын. Отец становится все мягче, но мать не желает ничего брать и ни на что смотреть. Тогда посредники, в свою очередь, сердятся и объявляют, что это позор для всего двора — не впускать в юнэ так много хороших друзей их сына, которые совершили такой далекий путь, и отправлять их назад голодными, не послав с ними хороших вестей сыну. Тогда отец больше не может устоять, он соглашается на приезд молодых и приглашает в гости всех присутствующих. Но мать неумолима: она соглашается принять только сына, но не невесту, она ничего о ней не слышала, она не понимает, как совершился этот брак, она ни о чем не знает, должна сначала навести справки и т.д. Как только отец появляется в дверях юнэ с обоими посредниками, их встречают воплями восторга и выстрелами; двое лучших наездников садятся на коней и мчатся к тому месту, где ждет их сын, чтобы сообщить ему хорошие вести. Остальных угощают привезенными припасами и вином, скот убивают и готовят кушанья. Пир, к которому собираются все соседи, продолжается, пока не съедят и не выпьют все приготовленное. Когда все кончено, расходятся по домам. В ту же ночь молодой супруг приходит тихонько во двор, где уже определено для него и для его жены особое юнэ, заходит ненадолго к родителям, встречается ими очень сурово несколькими короткими вопросами и потом, в продолжение восьми дней, занимается своими обычными делами с непривычным усердием, чтобы показать, что он хочет наверстать потерянное время. В продолжение восьми дней он, как уже было сказано, не видит свою жену. На девятый день после возвращения мужа в отцовский дом приводится невеста, и это, собственно, и есть свадьба, в которой, однако, муж не принимает участия. Он удаляется очень рано из дома, и его не видно целый день.

Свадебное шествие и свадьба сопровождаются следующими церемониями. Скоро после восхода солнца сходятся из [129] всех ближайших, часто и из очень отдаленных дворов, длинными вереницами, женщины и девушки (среди которых находятся также и сестры невесты) в своих самых лучших платьях, в повозках, пешком или на лошадях к юнэ, где невеста со своей матерью встречает прибывающих. Все приходящие несут невесте подарки в виде хлеба, пирогов, меда и масла, а также напиток из меда и шветт, из которых часть съедается сейчас, а другая накладывается на повозки. Двое женатых и двое холостых молодых людей, так же как две женщины и две девушки, выбираются провожатыми невесты и устраивают процессию, которая выходит со двора в таком порядке: впереди едут верхом провожатые мужчины на плохих лошадях, плохо одетые и плохо вооруженные (причина будет объяснена позднее); затем следуют все мужчины верхом и пешком; верховые скачут вокруг, все поют и стреляют из ружей и кроме оружия снабжены еще длинными толстыми палками. Затем следует группа замужних женщин с

двумя женщинами-проводатыми во главе, идущими очень чинно и степенно; за ними следуют попарно молодые девушки; среди них идет невеста в лучшем платье, в последний раз в шапочке, которую носят молодые девушки, и так густо закрытая покрывалом, что ее нельзя разглядеть. Ее ведут под руки две подружки, и она идет медленно, с трудом, опираясь на них. Подружками выбираются веселые, остроумные девушки, которые импровизируют и запевают подходящие к случаю стихи, которые подхватываются хором всеми девушками. Далее следуют повозки со съестными припасами; шествие замыкают несколько пожилых мужчин верхом.

Между тем во дворе родителей собирается целая толпа родных, знакомых и соседей, но главным образом рабов; все имеют в руках длинные палки. В большой сакле сидит мать, одетая по-праздничному и окруженная несколькими пожилыми соседками. Отец находится в другой сакле, смотрит на все в оконное отверстие, но сын во дворе не показывается.

Когда свадебное шествие подходит к воротам, стоящие внутри спрашивают, чего хотят люди, собравшиеся в таком большом количестве. Им отвечают, что это их не касается, [130] т.к. жена N. N. едет в свою юнэ и пригласила в дом гостей. Идут долгие разговоры, увещания, даже просьбы; все напрасно, свадебную процессию не хотят впускать. Тогда проводатые свадебного шествия с поднятыми бичами бросаются в густую толпу, чтобы проложить себе дорогу; всадники и пешие с дикими криками следуют за ними. Завязывается притворная борьба, многие бросаются со двора, чтобы завладеть невестой, но девушки образуют вокруг нее плотное кольцо и поют хором, чтобы ободрить своих спутников, мужчины носятся и кричат, как вырвавшиеся на волю черти, бесчисленные выстрелы щелкают в воздухе, палочные удары и удары плетью сыплются на меховые шапки и плечи, и я не посоветовал бы непривычному человеку подходить близко к этой дикой суматохе.

Одному из моих солдат, которому было любопытно посмотреть вблизи, сильно досталось от обеих сторон, т.к. никто не знал, на какой стороне он был. Хуже всего приходится двум предводителям. Лошадей у них отнимают. Оружие и платье срывают с тела и отдают только за хороший выкуп; это причина, почему в такой день они появляются плохо вооруженными, плохо одетыми и на плохих лошадях.

В конце всегда побеждает наступающая сторона. Мужчины, собравшись толпой, удаляются в глубь двора, женская часть процессии входит в ворота. Замужние женщины с двумя проводатыми женщинами направляются в большую саклю, девушки с невестой посередине становятся рядами, как солдаты, и поют различные песни под руководством веселых подружек. Конечно, все песни имеют отношение к свадьбе. Невеста все еще закутана в покрывало и совсем не видит, куда она идет. Мужчины продолжают стоять спокойно против них шагах в 50-60 и наблюдают за очаровательным фронтом.

Между тем в большой сакле между матерью и двумя женщинами, сопровождавшими невесту, разыгрывается такая же комедия, как восемь дней тому назад между родителями и посланными от их сына. Мать отказывается принять новую невестку, заставляет себя долго просить, [131] однако посредницы одерживают верх при помощи своего красноречия и подарков, которые они приносят от имени невесты. Все женщины теперь входят во двор, невеста переходит из рук своих подружек, которые сначала отказываются ее выдать, в руки посредниц, и под предводительством своей матери отводится в большую саклю; женщины и девушки следуют за ними. Первые входят в саклю, последние и мужчины образуют две группы по обеим сторонам дверей и поют на два хора; мужчины восхваляют храбрость и состоятельность молодого и удачу молодой, которая нашла себе

такого мужа: девушки отвечают похвалой красоте, невинности и искусству в женских рукоделиях молодой и дают понять, что муж должен очень подтянуться, чтобы сделаться достойным молодой.

Между тем невеста представляется своей свекрови. Это происходит очень серьезно и с большим достоинством. Мать молодой женщины снимает, после обычного поклона и ответа на него, покрывало со своей дочери, затем обе матери подходят друг к другу и сердечно обнимаются, молодая женщина почтительно целует руку своей свекрови, которая видит ее в первый раз. Эта последняя внимательно рассматривает свою невестку и кончает всегда тем, что красота и хороший вид девушки далеко превысили ее ожидания, что она очень довольна выбором своего сына и надеется, что получила хорошую помощницу в хозяйстве, которая народит ей много внуков, и тому подобными любезностями. Бедная невеста не смеет сесть в присутствии своей свекрови. Она стоит у дверей, а когда приносится кушанье для ее матери и остальных пожилых женщин, выходит в сопровождении двух приведших ее женщин из сакли во двор, где ее встречают восторженные крики и пение собравшейся молодежи, и так как теперь она показывается без покрывала, то все смотрят на нее с любопытством. Ее отводят в саклю мужа, и она больше не принимает участия в свадебном веселье.

Существует обычай, что молодая подносит маленькие подарки собственной работы наиболее уважаемым гостям на память о ее свадьбе. [132]

Между тем на дворе начинается настоящее веселье. Девушки снова становятся в ряды, мужчины — против них, и начинается пляска. Музыку представляют несколько трехструнных скрипок и мужской хор под управлением опытного барда. Молодые парни выскакивают поодиночке из рядов, хлопая в ладоши и танцуя, каждый приближается к девушке, которая ему нравится. Подойдя к ней, он поет несколько строф своего сочинения и кладет ей руку на плечо, это служит сигналом для его друзей и ее поклонников к выстрелам из ружей. Чем красивее и желаннее девушка, тем больше раздается выстрелов, таким образом, частая стрельба считается за большую честь, тогда как большим стыдом для девушки считается, если на нее не обращают внимания. Потом парни и девушки берутся за руки и образуют круг, который то смыкается, то расходится; девушки двигаются медленно, зато парни прыгают и шумят, во все горло распевая, испуская военный клич и стреляя из пистолетов совсем около голов и лиц девушек, так что от порохового дыма часто даже чернеют лица. Но это совершенно не пугает храбрых девушек; наоборот, они хвастаются, возвращаясь со свадьбы с почерневшими лицами, хотя это своеобразное ухаживание на первый взгляд кажется тем опаснее, что адыг никогда не стреляет холостыми патронами, но почти никогда не бывает слышно и о несчастных случаях.

После танца начинаются скачки. Вне двора ставится доска для цели, мимо которой, стреляя, проносятся бешеным галопом всадники. Наиболее смелые подлетают к группе девушек, хватают одну из них поперек туловища, поднимают с быстротой молнии на лошадь и с этой дорогой ношей проносятся мимо доски, стреляя в цель. Кто таким образом попадет в цель, получает премию как память о невесте. Пороха на свадьбе расходуется чрезвычайно много, но это единственная роскошь адыга. Стрельба — его высшая радость.

Когда общество, наконец, устало от пляски, пения и стрельбы, приносится на бесчисленных маленьких столиках обед, ставятся бочки с медом и шветт, и все едят [133] и пьют вволю. Этим пиром оканчивается свадьба. Женщины и девушки прощаются с молодой, которая остается одна со своей матерью и сестрами до следующего дня.

Мужчины уходят домой, и все рассеиваются. К вечеру на недавно еще таком оживленном дворе тихо и пустынно. Отец выходит из своего убежища и первый раз видит свою сноху. После захода солнца приходит домой ее муж, и на следующее утро, когда все еще спят, молодая женщина, которая должна вставать первой, уже принимается за работу. Нежные, не привыкшие к работе руки бедняжки скоро покрываются мозолями, и первый месяц в доме мужа, или, вернее, в доме его родителей, очень отличается от проведенного в любви и комфорте медового месяца. Бедные молодые женщины, которые первое время под строгим взглядом свекрови должны работать больше других, чувствуют себя, вначале очень несчастными и часто плачут.

Жена приносит своему мужу только себя и никакого приданого; наоборот, он должен сам за нее платить. Цена за невесту достигает от 100 до 2 000 рублей серебром, которые выплачиваются оружием, лошадьми, скотом и товарами и должны быть внесены через месяц после свадьбы. Для этой цели однажды, по прошествии указанного времени, появляется перед саклей для гостей свекра посол от отца — пожилой родственник невестки с толпой всадников за получением денег за нее. Адыг имеет обыкновение охотно брать, но с трудом отдавать, и прежде всего — бесконечно много говорить, поэтому они много и долго торгуются. Оружие, лошади и т.д. предлагаются приехавшим по слишком высокой цене, тогда как они соглашаются их принять только по очень низкой. Часто такой отряд остается у хозяина на несколько дней, и т.к. обычай принимать гостя лучшим образом не может быть обойден, то такая масса гостей после и без того дорого стоившей свадьбы и рядом с выплатой цены за невесту оказывается очень обременительной для двора.

Когда обе стороны, наконец, приходят к согласию, чем обычно это дело кончается, то гости удаляются. Весь торг ведет отец, которому помогает молодая; мужа в это время не бывает дома. [134]

Но деньги, отданные за невесту, не пропадают для семьи даром. Когда жена чувствует приближение родов, она едет к своей матери и там получает часть платы за невесту для новорожденного. Если у нее бывает много детей, то деньги, отданные в уплату за невесту, не только возвращаются в дом, но родители отдают дочери даже больше, чем получили сами.

Если брак расторгается, что случается очень редко, то жена находит приют у своих родителей, а деньги за невесту обеспечивают ее содержание. Вообще, жена адыга не рабыня его, муж не обращается с ней по своему произволу, как у восточных и магометанских народов, ибо она всегда находится под защитой своей фамилии. Если муж оскорбит жену, или отвергнет ее легкомысленно или по злобе, или не хочет платить цену за невесту, то в последнем случае у него уведут жену хитростью или силой, а между фамилиями начинается вражда, которая часто кончается кровопролитием. В Адыгее нет врачей; только в некоторых местностях старые женщины занимаются лечением, как говорят в народе, при помощи колдовства. Если же они не могут помочь и какой-нибудь член фамилии лежит при последнем издыхании, то обитатели двора и соседи собираются вместе, кричат и поют, чтобы испугать смерть и облегчить умирающему последние минуты. Как только они убедятся, что умирающий испустил последний вздох, мужчины и женщины затягивают протяжные и пронзительные причитания, которые продолжаются почти час. По этому знаку приготавливаются все соседи, скоро начинают подходить группы мужчин и женщин, каждая процессия у ворот двора принимается плакать и рыдать и со всеми признаками дикого отчаяния медленно двигается к сакле, где лежит умерший, который между тем уже омыт, чисто одет и лежит в полном одеянии, с шапкой на голове

и оружием около него; прибывающие смотрят на него в последний раз, мусульмане читают краткую молитву. Когда скорбящие выходят из сакли, им предлагается закуска.

Притворство пошло в обычай у адыгов. Характерно, что все без различия, даже и те, которые никогда не знали [135] умершего или даже при жизни были его жесточайшими врагами, во время официального путешествия от ворот до ложа умершего страшно рыдают и высказывают свое глубокое горе. Но это не мешает им с большим аппетитом есть предложенные кушанья. Выйдя со двора, никто не думает больше о мертвеце. Этот плач и эти посещения ближних и дальних продолжаются три дня. С солнечного восхода поднимает семья свои вопли, которые продолжаются весь день. На четвертый, а у магометан уже на второй день труп относится на кладбище. Только мужчины, а если умерла женщина, то и замужние женщины, но никогда не девушки, сопровождают труп. Гробы неизвестны. Покойник лежит на широкой, покрытой черным доске и полностью одет и вооружен. Подойдя к могиле, труп кладут около разрытой ямы и один из старших в фамилии произносит обычно довольно длинную надгробную речь, в которой он отмечает добродетели, поступки и заслуги усопшего. После этого ближайшие наследники снимают оружие и стреляют из ружей и пистолетов в могилу, после чего труп опускается туда же и засыпается землей. Раньше зарывали оружие вместе с мертвецом, теперь это больше не делается. Вокруг могилы ставят деревянную изгородь, а на могилу кладется простой камень без надписи. С введением магометанства к древним обычаям присоединились многие предписанные Кораном обряды.

Через 14 дней после похорон фамилия усопшего дает похоронный обед. Приглашения рассылаются соседям, и кушанья, и особенно напитки, готовятся в большом количестве. Всякий гость в этот день желанен. На этом обеде не поют и не стреляют. Народ собирается серьезно и спокойно, каждый произносит краткую молитву за умершего, и потом хозяева угощают кушаньями и напитками; гость может также взять с собой пироги, мед и шветт. На могилу кладутся пироги и ставятся кувшины со шветтом, каждый приходящий может есть сколько хочет. Это единственный ритуал, на котором адыги много пьют. Похоронные обеды хадахус повторяются из года в год, но только по последнему умершему. [136]

Внешнее выражение горя у адыга, как говорилось раньше, гораздо значительнее, чем действительно испытываемая им печаль; обычно смерть даже ближайших родственников принимается им с большим спокойствием, почти равнодушием. Они верят в будущую лучшую и вечную жизнь (в награду, но не в наказание) после смерти и представляют ее совершенно сходной с земной, с той только разницей, что она будет лучше и приятнее и не прекратится смертью.

Праздничные и торжественные дни введены магометанами; раньше адыги знали только один-единственный национальный праздник, который даже и в настоящее время, когда Коран сделал большие успехи, считается в стране самым значительным и адыгами очень почитается и свято соблюдается. Этот праздник падает на начало июля и называется жителями днем вознесения на небо матери бога — Марии; это одно из важнейших из еще оставшихся в памяти народа воспоминаний о господствовавшем здесь когда-то христианстве. В этот единственный день в году запрещается всякая тяжелая работа, каждый надевает лучшее платье, и по всей стране раздаются пение и выстрелы.

Обряды при рождении, женитьбе и похоронах одинаковы у свободных и у рабов. За последних все издержки несет их хозяин; во всем остальном все выполняется совершенно одинаково, и нет никакой разницы между свободным и рабом. [139]

ГЛАВА 6

Вооружение адыгов. — Ружья. — Пистолеты. — Сабли. — Кинжалы. — Старое оружие. — Лук и стрелы. — Кольчуги. — Приблизительное количество вооруженных. — Пешее и конное войско. — Военные игры и упражнения. — Русские дезертиры и военнопленные. — Их печальное положение. — Адыги, попавшие в плен к русским. — Некоторые примеры осуществляемой русскими деморализации. — Обмен беглых рабов и беглых солдат.

Вооружение адыге в сравнении с современным европейским вооружением очень отстало и мало приспособлено для регулярной массовой войны, но прекрасно для борьбы в одиночку, в лесу и горах и достаточно для конницы против русских казаков. Вооружение всадника и пехотинца одинаково. Вполне вооружен тот, кто имеет ружье (скоинг), пистолет (скоинг-сик), кривую саблю (шаш-хуа), кинжал или ятаган (кама). В последнее время встречаются также кое-где револьверы, можно увидеть иногда короткие пищали, лук и стрелы, секиры и пики. Часто встречаются еще кольчуги.

Ружье — длины обыкновенного европейского пехотного ружья, без штыка; оно очень легко, с длинным, узким и слабым прикладом; затвор кремниевый, превосходной и тонкой работы, потому что медные пистоны в стране не изготавливаются: шомпол деревянный. Часто стволы и замки гравированы золотом и серебром очень красиво и искусно, приклады украшены золотом, серебром и слоновой костью. Хорошее, богато украшенное ружье оценивается более чем в 300 серебряных рублей, посредственное — в 10 серебряных рублей. Дальнобойность ружья редко достигает более 250 — 300 шагов, его точность не особенно велика; нарезные стволы редки, однако этот недостаток навёрстывается, насколько возможно, упражнением, верной рукой и острым глазом адыга, и в перестрелке они почти всегда превосходят русскую линейную пехоту. Все ружья, которые попадают им в руки, сейчас же переделываются ими на свой лад; они чувствуют почти отвращение к тяжелым мушкетам. В каждом юнэ-из имеется один или несколько оружейных мастеров, которые, правда, медленно, но искусно изготавливают новое оружие или переделывают и починяют старое. Ружья носят в непромокаемом чехле из козьей кожи шерстью наружу и на ремне за спиной. Этот способ ношения ружья превосходен как для всадника, так и для пешехода, потому что ружье не только защищено от сырости и ржавчины, но, кроме того, не утомляет солдата и может быть с такой же легкостью вытащено из чехла, как сабля из ножен. [140]

Пистолет — длины обыкновенного кавалерийского пистолета, но очень легкий. Он также имеет кремниевый затвор и устроен таким образом, чтобы можно было выстрелить легче и удобнее левой рукой, чем правой. Он прикрепляется на длинной, надетой на шею перевязи, вышитой шелковыми и серебряными нитками, и засунут позади за узкий сабельный ремень. Пистолет — самая дорогая часть вооружения. Приклад пистолета даже у бедных отделан очень красиво. Дальнобойность и верность выстрела очень посредственны. Абаз пользуется пистолетом, из которого он стреляет левой рукой, в сражении только на близком расстоянии, когда он обнажил саблю или кама.

Сабля состоит из короткого, обыкновенно в три пальца шириной, чуть изогнутого клинка и слегка изогнутой рукоятки без эфеса. Встречается очень много старых превосходных клинков с грузинскими, турецкими, арабскими и латинскими надписями; странным образом можно видеть также много венгерских клинков из времен императрицы Марии Терезии. Ножны сделаны из дерева. Обтянуты сафьяном и часто богато украшены, так же как и сабельный эфес. Она пристегивается кругом талии на кожаном ремне, остра как бритва, и в руке ловкого адыга является страшным оружием. Старые клинки часто имеют

большую ценность, рассматриваются как родовое имущество и ни за какую цену не уступаются чужим.

Ятаган (кама) состоит из прямого заостренного клинка длиной в один фут и в три пальца шириной, с прямой, в два дюйма длины, богато украшенной рукояткой. Ножны такие же, как и у сабли, но обыкновенно окованы серебром. Клинок заострен с обеих сторон и тоже острый как бритва. Кама прикрепляется спереди на сабельном ремне и является домашним оружием, которое адыг никогда не снимает.

Из всего, что абазы видели в последней Восточной войне у европейцев, их высшее удивление возбудили револьверы, и многие принесли значительные жертвы, чтобы приобрести себе это оружие.

Короткие ручные пищали, которые встречаются не очень часто, употребляются только всадниками, которые прикрепляют их к седлу. [141]

Лук и стрелы можно видеть только у очень старых людей, которые с присущей их возрасту отрицательным отношением к каждому новшеству пренебрегают употреблением огнестрельного оружия. Я встречал, к моему удивлению, очень хороших стрелков, попадающих стрелами в цель на 300 — 400 шагов.

Секиры в настоящее время сделались тоже редкостью. Изредка они встречаются у всадников, прикрепленные к седлу. Пики, или длинные, окованные железом палки, носят только бедняки и рабы, которые не имеют средств приобрести себе оружие. Всадники не употребляют и не знают копий, и те, которые представляют черкесов вооруженными копьями, не видели их или неверно осведомлены.

Адыг любит свое оружие больше всего на свете и кладет на его сохранение больше забот, чем на свою собственную персону. Его оружие всегда находится в таком блестящем состоянии, что самый лучший европейский солдат может взять с него пример. Каждый кусок золота или серебра, который попадет в его руки, сейчас же относится им к серебряных дел мастеру, чтобы тот украсил им его оружие. Он с детства привык владеть оружием. Чтобы успокоить плачущего ребенка, отец насыпает ему несколько зерен пороха на ручку или дает пару свинцовых пуль для игры. В состоятельных семействах мальчики имеют маленькие ружья, пистолеты, сабли и кама; десятилетние мальчики смело гоняют лошадей, попадают уже часто в цель и так привыкают к оружию, что позднее не могут уже жить без него. Адыги — хорошие стрелки; это происходит оттого, что они не упускают случая для упражнения в стрельбе; обыкновенно держатся маленькие пари, которые проигрывающий выполняет с большой пунктуальностью. Каждый раз, когда видишь группу всадников, слышишь непрерывно стрельбу, то кто-нибудь бросает свою шапку на землю и держит пари на несколько патронов пороха на то, чтобы поднять ее на полном скаку лошади или попасть в нее на дальнем расстоянии из ружья или пистолета; то выбирается для цели дерево, а всадники упражняются в том, чтобы попасть в него на полном скаку. Стрельба, пение, щелканье [142] бичом и бешеная езда взад и вперед — приятнейшее времяпрепровождение для всех. Даже глубокие старики, которые в этой стране сохраняют удивительную бодрость, не пренебрегают стрельбой или скачкой на пари.

В отношении вооружения адыгский народ разделяется на четыре группы, а именно: всадники, которые вооружены вполне, т.е. ружьем, пистолетом, саблей и кама; вполне вооруженные пехотинцы; не вполне вооруженные; мужское население, которое не имеет оружия. — Основываясь на переписи оружия, которую я имел возможность устроить в

некоторых местностях, я хочу привести самое меньшее и самое большее число и вывести из них среднее.

В 1858 году в одном юнэ-из на реке Богандур, в равнинах Шапсугии, и в 1859 году в одном юнэ-из на реке Ципсис, в горах Абадзехии, старшины сообщили мне следующие сведения о количестве мужчин, способных носить оружие, о количестве лошадей и обычного оружия.

В Богандуре

В Ципсисе

Среднее число на одно юнэ-из

521 юнэ-из

Мужчин, способных носить оружие

506

383

444

231 324

Верховых лошадей с седлами

142

84

113

57 873

Ружей

376

243

309

160 989

Пистолетов

409

293

351

182 871

Сабель

468

255

361

188 080

Кинжалов, кама

481

268

375

195 375

Судя по этим вычислениям, следует считать для всей независимой страны адыгов почти 150 000 хорошо вооруженных воинов, из которых 100 000 человек пехоты и 50 000 кавалеристов. Еще остается запас в 40 000 не [143] вполне вооруженных и столько же невооруженных. Как во всех моих статистических данных, я привожу не точные, но только приблизительные числа. Во всяком случае, число это не преувеличено.

На вопрос, как это было возможно, что 150 000 хорошо вооруженных воинов Адыгеи не смогли нанести большого вреда русским, можно ответить, что ведь вся гигантская мощь России не была в состоянии в течение срока целой человеческой жизни принудить этот

народ к подчинению. Кроме того, 150 000 вооруженных — еще не 150 000 солдат, которых можно по желанию перемещать и направлять. Надо принять во внимание, что не все могут идти на войну, потому что в таком случае их семьи и они сами должны были бы умереть с голоду, что концентрация больших масс в настоящее время не возможна, т.к. народ не имеет ни военной организации, ни продовольственных магазинов, ни начальника, ни запаса пороха, и даже если бы эти трудности были устранены, то незнание правил ведения войны, недостаток в артиллерии и хорошем вооружении делает для адыгов невозможным наступательное продвижение вперед против русских и сопротивление в открытом сражении. Однако как нерегулярные вспомогательные отряды они оказали бы большую пользу регулярным войскам, чем русские казаки или арабские и турецкие баши-бузуки 49. В оборонительной войне против турок и русских они сделали больше, нежели можно было от них ожидать.

Русские военнопленные и перебежчики были с незапамятных времен единственными европейцами, которые ступали на землю Адыгеи, и так как число их, особенно перебежчиков очень значительно, то мы должны на этом остановиться немного обстоятельнее.

В России издавна принято зачислять политически осужденных офицеров и солдат сомнительного поведения и т.д. в Кавказскую армию. В течение многих лет весь годовой контингент рекрутов из польских провинций также [144] направлялся туда. Если уже во всей русской армии много ненадежного элемента, который удерживается только железной дисциплиной, то на Кавказе его особенно много. Обстоятельства таковы (и правительство это знает), что осужденные принуждены носить солдатское платье и сражаться против врага, хотя бы они и желали перейти к нему.

Почему тысячи осужденных, которые рассматривают службу в Кавказской армии равносильной ссылке в Сибирь, предпочитают лучше переносить свой тяжелый жребий, чем перейти к врагу царя, известно немногим. Русский солдат, который бежит к абазам, принимается не как друг или гость. Первая мысль абазы, что перебежчик — подосланный шпион или изменник; и действительно, встречалось раньше, что солдаты или в солдатское платье переодетые офицеры посылались изучать страну. Многие проводили там много лет и вели тяжелую жизнь раба, им редко удавалось бегство; многие за свое слишком большое рвение к службе платили жизнью.

Перебежчик рассматривается тем, кто его первый встретит, как его собственность, как хорошая добыча; если он имеет лошадь, оружие и деньги, то все это у него отбирается, даже одежду на теле оставляют редко. Адыг ведет его в свой двор, там бреет ему голову, накидывает на него изодранное в куски платье, и он остается во дворе как раб так долго, пока владелец не пожелает продать его дальше. Обычно же его держат в доме, особенно если он хороший ремесленник, например, кузнец или шорник. В таком случае хозяин покупает ему необходимые инструменты, устраивает мастерскую и получает прибыль от его работы. Если он ничего не умеет, его употребляют для полевых работ, ухода за скотом и всяких хозяйственных работ.

Если семья им довольна, ему предлагают вступить в брак. Если он с этим соглашается, то владелец ищет девушку-рабыню, чтобы купить ее ему в жены. Свадьба происходит с такой же торжественностью, как и у свободных, и с этого времени беглец вступает в племя рабов (пшитль-тлако). Его дети, так же как он сам и его жена, делаются собственностью его господина. [145]

Таким образом, женившись, русский беглец становится под покровительство тех же законов, которым подчиняется каждый абаз из племени рабов. Неженатый же может быть продан и использован по произволу хозяина. Для него опасно оставаться неженатым и по другим основаниям, как мы увидим дальше.

Беглец не получает оружия и не может принимать участия ни в какой борьбе против русских, как бы сильно он этого ни желал; нужны многие годы, чтобы абаз утратил свое недоверие. В черкесских магометанских семействах беглеца принуждают принять их веру. Употребляются всевозможные обманные обещания, лесть, угрозы, чаще же — плохое обращение, чтобы заставить его отказаться от своей старой веры. Если несчастный поддается соблазну, то все-таки не получает обещанной свободы и остается рабом, с ним и обращаются как с таковым. Рабов русского происхождения держат вдали от тех местностей, которые более подвергаются нападениям русских, поэтому их немного в равнинах Шапсугии и Абадзехии; напротив, много в горах, большинство же в Убыхии, куда никогда не достигает неприятель и откуда невозможно бегство. В южных частях Абазии, в местностях, населенных абазскими племенами, осетинами и сванетами, имеется также большое количество перебежчиков, с которыми равным образом обращаются как с рабами. Многих продают турецким купцам и как контрабандный товар доставляют на анатолийский берег, откуда они отправляются дальше в глубину Малой Азии, большей частью в Курдистан. Турецкое начальство закрывает глаза на эту торговлю и не оказывает такому несчастному никакого покровительства. Только немногим удается бежать под покровительство английского или французского консульства, и в этом случае обыкновенно консулы принимают участие в несчастном и доставляют ему возможность получить личную свободу. В стране курдов в Малой Азии имеется большое число таких христианских рабов, их участь там тяжелее, чем у абазов.

Только немногие беглецы принимают магометанскую веру, и только немногие позволяют себя уговорить взять [146] жену. Большинство предпочитают терпеть свою жестокую судьбу и надеются всегда на улучшение их положения.

Лишение личной свободы есть уже преступление, которое абазы совершают по отношению к каждому русскому беглецу, но еще возмутительнее то, что большая часть последних из корыстолюбия или по другим основаниям выдавалась назад русским, где их ожидал расстрел или медленная ужасная смерть под ударом палок или розог. Часто выдача беглеца происходит для освобождения из русского плена какого-нибудь адыга. В таком случае тот, кому это поручено, обходит все дворы, где, как ему известно, находятся также рабы, и старается купить их подешевле.

Эта отвратительная торговля благоприятствует русским офицерам, которые за освобождение пленных мужчин, женщин и детей адыгов, кроме суммы, соответствующей имущественному состоянию пленного, требуют еще выдачи одного или нескольких беглецов. Часто также перебежчики продаются алчными абазами русским за деньги или за товары, и доходнее продать беглеца, чем пленного солдата, т.к. за последнего платят не более 10 серебряных рублей за голову, первые же приносят от 60 до 100 рублей. Те беглецы, которые женятся и принимают магометанскую веру, не опасаются более выдачи русским; несмотря на это, число ренегатов очень незначительно, но очень часты самоубийства. Действительно, печально положение такого бедного беглеца. Предмет недоверия, презрения и насмешек, едва прикрытый лохмотьями, большую часть года подвергающийся мучительнейшему голоду, продаваемый как скот, он имеет только один выход — покончить свое существование в этих негостеприимных для него горах или подвергнуться нечеловеческой жестокости русских законов. Число ежегодно бегущих к абазам русских солдат, как сказано, очень велико, Я считаю, приблизительно около 4 000

человек, из которых три пятых находятся в Шапсугии и Абадзехии, две пятых — в Убыхии. Едва десятая часть жената и оставила христианскую религию (в большинстве случаев это великороссы). Больше половины перебежчиков — поляки, затем малороссы. Менее многочисленны [147] великороссы и казаки. Последние поголовно негодяи, которые совершили какое-либо преступление в армии; татары также переходят часто к абазам, где они надеются найти единоверцев. Они, однако, очень ошибаются в своих расчетах, с ними обращаются так же, как и с другими. Можно считать число беглецов — татар ежегодно в среднем до 600 человек, из которых три шестых части остаются в стране как рабы, две шестых части продаются турецким купцам и одна шестая отводится к русским. Сильное дезертирство дает печальное представление о моральном состоянии русской армии; положение русского солдата в Кавказской армии должно быть действительно отчаянным, если он, хорошо зная ужасную будущность, его ожидающую, ибо постоянно видит своих несчастных товарищей, приводимых со связанными руками абазами обратно, и сам является орудием, которым с утонченной бесчеловечностью приводится в исполнение наказание, несмотря на это, оставляет свои ряды и ищет у врага сомнительного покровительства. Если бы не глупость и жадность абазов, в этом случае очень важных союзников русских, если бы была какая-нибудь организация в стране, которая дала бы возможность извлечь пользу из этой слабой стороны русской армии, то последняя была бы скоро серьезно скомпрометирована громадным бегством из войска. Нужно отнести к чести некоторых благородных и рассудительных адыгов, что они все испробовали, чтобы прекратить эту позорную и вредную торговлю. Очень мудрую и гуманную политику проводил в этом отношении наиб Мохамед-Эмин. Во время своего господства он преследовал строгими наказаниями тех, которые были виновны в позорном оскорблении обычая гостеприимства; он устроил даже в Абадзехии на реке Шавготча (вблизи истоков ее) род христианской солдатской колонии, где было собрано в то время около 800 человек, которые занимались всевозможными ремеслами и земледелием. Эта колония изо дня в день делалась все более цветущей, беглецы приобретали себе постепенно оружие. Мохамед-Эмин думал о военной организации этих людей и об образовании так необходимой [148] для страны артиллерии. Во всех мехкеме службу при помещениях для арестованных и на караулах несли русские беглецы. Разбросанно живущие в стране получали вольные грамоты от народных собраний, не продавались как рабы, не выдавались русским; беглые казаки принимали участие во всех набегеах адыгов против русских и руководили ими; хорошо зная расположение правого берега Кубани, где они родились и служили, они были для русских страшными и опасными врагами. Это положение беглецов начало серьезно беспокоить русских, хотя оно еще распространялось не на всю страну, а только на Шапсугию и Абадзехию. Жители Убыхии, для которых торговля этими людьми была очень выгодна и которые никогда не признавали вполне власти наиба, обращались с беглецами, так же, как и раньше. Однако и там их положение начало улучшаться. Такое состояние продолжалось до 1854 года.

Когда в начале Восточной войны Оттоманская Порта, введенная в обман Сефером Занок и некоторыми другими интриганами, не только не поддержала влияние наиба, но подорвала его и назначением Сефера пашой и губернатором разрушила начало внутренней организации, Шапсугия сейчас же отпала от Мохамед-Эмина. Убыхия, которая никогда не хотела подчиниться никакому порядку, стала почти во враждебные отношения к нему; только Абадзехия, несмотря на все турецкие интриги, осталась верна добровольно избранному им начальнику, хотя и там новое и еще слабое устройство было сильно скомпрометировано. Кто, однако, потерпел больше всего от турецкой интервенции — это христианские беглецы. Назначенный пашой черкес князь Сефер Занок подал плохой пример, взяв себе сейчас же дюжину рабов; все абазы охотно последовали его примеру. Колония в Абадзехии также распалась. Мохамед-Эмин, власть которого поколебалась, не был более в состоянии поддержать их; однако беглецы, хотя и рассеянные, там, где его

влияние еще имеет значение, находятся все же в более благоприятных условиях, чем там, где возвратилось к прежнему беспорядку.

Участь военнопленных ни в чем не отличается от участи перебежчиков, они только более внимательно охраняются. [149] Если в руки абазы попадает офицер, то это считается большим счастьем — за него вымогается возможно больший выкуп. Казаки, попадающие в плен к адыгам, часто тоже выкупаются своими семействами за высокую цену; напротив, военнопленный линейный солдат имеет мало надежды увидеть свой полк, потому что, как выше уже было замечено, он оценивается русскими при выкупе в 10 серебряных рублей, в то время как беглец стоил не меньше 50, а часто больше 100 рублей. Адыг поэтому предпочитает оставить такого пленного работать у себя или продать его в стране или туркам, где получит за него не менее 25 — 30 рублей. Вследствие этого пленные солдаты почти никогда не возвращаются назад, если они не происходят случайно из зажиточной семьи, которая могла бы внести выкуп. Если абаз знает, что его пленник имеет средства, чтобы освободиться, то положение этого последнего хуже, чем тех, на освобождение которых нет надежды. Пленного офицера или солдата (т.к. различия между чинами адыг не понимает) мучают самыми тяжелыми работами, голодом и ужасным содержанием, чтобы вынудить большую сумму и ускорить выкуп.

Больше всего достойны сожаления бедные женщины и дети черноморских казаков и поселенцев, которые похищаются адыгами. Здоровая женщина, которая может еще рожать детей, освобождается только за большой выкуп, и так как абазы знают, что русские женщины во многих домашних работах искуснее, а также работоспособнее, чем их собственные, то они не очень спешат с их продажей.

Я видел много таких бедных женщин у адыгов; некоторые находятся уже много лет в плену, имеют мужа и детей — конечно, также рабов, и впоследствии забывают даже свой родной язык.

Любопытнее всего показалась мне одна бедная женщина, которую я видел на реке Лабе в Абадзехии. Она была замужем за русским беглецом, настоящим москвитом, глупым и грубым, оба были, конечно, рабами у одного абазы. Она была похищена два десятка лет тому назад, имела теперь восьмерых детей, которые, т.к. отец и мать разговаривают между собой по-русски, также знали немного этот язык. Она [150] имела что-то в своей манере говорить, что позволяло заключить о ее знатном происхождении, знала несколько французских слов. Ей еще не было десяти лет, когда ее похитили. Она помнила, что ее мать умерла еще раньше, что она жила в прекрасном доме и видела своего отца в красивой форме с блестящими эполетами. Она помнит о нападении адыгов на их загородный дом в Черноморье, об ужасном сражении, о смерти отца и поджоге дома; она сама была взята на лошадь и увезена бешеным галопом одним молодым абазом, тем самым, который теперь является ее господином. С этого времени она живет в этом доме, вытерпела много нужды и позора; когда сделалась старше, ее выдали замуж за абазского раба, которого, однако, через шесть месяцев продали туркам; позднее выдали ее за русского, от которого она имеет восьмерых детей.

Я спросил ее, не желает ли она возвратиться в свою семью; я хотел сделать все возможное, чтобы помочь ей в этом отношении. «Нет, — ответила она, — мои родители умерли, родственников я не знаю, поэтому никто не хотел во мне принять участия и выкупить меня, хотя Цако (имя ее господина), особенно в первые годы, очень старался получить за меня выкуп. Я имею детей, которых мне не отдадут, муж мой дезертир, не может меня также сопровождать; я даже не умею молиться, что я буду делать в России?»

Я спросил ее, чувствовала ли она себя иногда все-таки счастливой. Она указала на своего мужа, действительно отвратительного парня, и залилась потоком слез.

Такова история почти всех похищенных христианских женщин и девушек. Вначале отчаяние, потом тупая покорность судьбе и никакого стремления возвратиться на родину. Большая часть детей таких матерей не понимает по-русски и живет, как большинство абазов, без всякой религии; похищенные дети, как правило, скоро забывают свой язык, и позднее их не отличить от абазов.

Если судьба русского пленного в горах безотраднa, то мало завидна и участь абазы, взятого в плен русскими. В открытом бою русские редко берут пленных, иногда им удается нападение на жилища или на пастухов, иногда русские [151] крейсера берут в плен адыгов, едущих на турецких сандалах к азиатскому берегу.

Хотя это, при осторожности лазских моряков, близости азиатского берега и большом протяжении свободного абазского берега, не особенно часто случается, однако бывает ежегодно несколько случаев, что такое судно перехватывается. Это большое горе для многих семей, ибо на таком сандале часто находится от 60 до 100 человек, большей частью купцов или торговцев рабами с их живым товаром. Иногда едущие при опасности предпочитают смерть плену и уничтожают себя и свое судно, прежде чем их схватит враг; иногда они защищаются, хотя, конечно, без успеха; обыкновенно же не оказывают никакого сопротивления. Захваченное судно отвозится со своим грузом в какую-нибудь русскую гавань, и пленники заключаются в тюрьму крепости. Те, за которых вносится большой выкуп, требуемый русскими, сейчас же освобождаются, что часто невозможно за редкостью звонкой монеты в стране адыгов. Деньги всегда требуются прежде всего русским военным командованием, и это вернейшее средство освобождения; если адыг не в состоянии внести указанную сумму, то требуется выдача беглецов. Военнопленные оцениваются не выше десяти рублей.

Обращение с попавшим в русский плен адыгом нельзя назвать человеческим. Его гонят со связанными на спине руками или же группами в железных ошейниках из одной крепости в другую, напоследок в Сухум-Кале, Анапе или Екатеринодаре заковывают их в тяжелые цепи и до выкупа мучают окопными и другими работами. Ни старость, ни уважение, которым пленный пользовался у своего народа, не избавляют его от грубого и плохого обращения и побоев. Его заставляют страдать от голода и холода и придумывают всевозможные духовные и физические муки, чтобы побудить к уплате возможно более значительного выкупа.

Если нет надежды, что пленный будет выкуплен, потому что его семья не может внести требуемое, то он приговаривается к поселению в Сибири, или (если он во время своего плена совершит какое-нибудь преступление против [152] дисциплины, что при таком непривычном для дикого сына гор обращении легко может случиться) ссылке в рудники Урала, или пожизненному пребыванию в одной из бесчисленных военных исправительных рот 50. Женщины, девушки и дети, если за них не получается выкуп, продаются как крепостные. Во многих русских офицерских семействах на Кавказе служат абазские девушки как крепостная прислуга, мальчики отправляются в казачьи колонии на Тереке, где и воспитываются будущими солдатами царя. Женщины и девушки иногда отправляются на Урал и даже в Сибирь и там распределяются между поселенцами. Адыги, которые всегда поддерживают известную связь в Черноморье, стараются всяческим образом освободить таких женщин и девушек 51, которые находятся между русскими. Иногда этим несчастным существам удается бегство. Их рассказы о жестокости русских дворовых, гнетущей разнице в положении в русском обществе и страданиях и позоре,

которые они терпели, усиливают ненависть и отвращение адыгов к московскому господству. Судя беспристрастно, надо признать, что обращение с военнопленными с обеих сторон варварское; но это легче простить некультурному, даже не имеющему письменности народу, чем генералам, офицерам и чиновникам большой, почти христианской страны, которая уже с давних пор указом Екатерины II сделалась европейской 52.

Очень редко случается, чтобы адыг бежал к русским; перебежчики из Абазии принадлежат большей частью к классу черкесско-татарских пши или уорков. Кроме того, [153] иногда случается, что рабы поодиночке или всем семейством бегут к русским. Причина бегства у первых часто — страх перед кровной мстью; у князей и дворян — склонность к ничегонеделанию и надежда на легкий заработок у русских, у рабов — обыкновенно жестокое обращение их господина.

Как адыги обменивают беглых русских солдат на своих военнопленных или продают их за деньги русским, точно так же встречаются случаи, когда русские возвращают беглых рабов их хозяевам в обмен на их собственных беглецов или по другим политическим основаниям. Однако они никогда не выдают пши, уорка и тфохотля, которые ищут у них покровительства. Причина не очень этичная для христиан, которые уже со времен Екатерины II сделались европейцами, но политически очень полезная. Пши, уорк и тфохотль, который ищет у русских защиты, совершил обычно какое-нибудь преступление и бежит от наказания. Он всегда оставляет свое семейство в стране, имеет всегда с ним связь; он обычно воин, который знает все дороги и тропинки, следовательно, может оказать, как изменник, шпион и проводник, хорошую услугу. Пшитль, напротив, — бедняк, до которого никому нет дела, и обмен его не дает даже одного перебежчика, которого можно было бы в предостережение прочим засечь до смерти; он не даст возможности заслужить расположения его господина, абазского мошенника, который, совершая такую торговлю, этим самым компрометирует наполовину перед своим народом себя как русского друга.

В доказательство русских приемов приведу два примера из многих других.

В 1845 году убежали из юнэ уорка Хаджи Али, Цацо-ок, живущего на реке Дшиубе в Шапсугии в полчасе ходьбы от берега моря, пятеро рабов-мужчин и укрылись в крепости в Шапсугии, лежащей также на берегу моря на расстоянии пяти часов пути, где в качестве гарнизона стоял русский батальон. Уорк, владелец этих рабов, один из храбрейших и влиятельнейших людей в горах, послал к коменданту крепости требование выдать ему этих бежавших рабов, грозя в противном случае мстить всеми силами. Из форта несколько недель тому назад скрылись трое солдат, которые [154] находились в окружающих горах у адыгов. Русский комендант, чтобы, с одной стороны, обеспечить себе покой и привлечь уорка, а с другой — получить назад своих дезертиров, сделал предложение обменяться беглецами. «Чистоплотная» торговля совершилась. Кто заслуживает здесь большего презрения — необразованный абаз или культурный штаб-офицер? Я забыл имя этого «чистоплотного» господина.

Второй случай, который произошел только два года тому назад, следующий. Из двора тфохотля Узбан-ока из племени Кобле в Шапсугии, живущего в долине реки Хапл на расстоянии шести часов пути от кубанской границы, бежала в 1860 году целая семья раба и искала защиты в русской крепости Адагум, находящейся приблизительно на расстоянии семи часов. Семья состояла из старика, его жены и их семерых детей: четырех девушек и трех юношей в возрасте от 10 до 25 лет. Во дворе того же тфохотля жил на свободе беглец-казак по имени Георгий, известный у адыгов под именем Махмуд. Этот Георгий

(Махмуд), который, вероятно, бежал к адыгам от какого-нибудь наказания (как он сам хвастался — застрелил своего капитана), был опасный бандит, похититель людей и детей и бич Черноморья. Зная хорошо местность, он врывается обычно в Черноморье в сопровождении небольшого числа абазских сорвиголов, и каждое его посещение сопровождалось кровью, разбоем и уводом нескольких пленных. Говорили также, что он имеет там даже тайных соучастников. Главное командование черноморскими казаками назначило за его голову награду в 500 серебряных рублей и было в этом отношении совершенно право. Но к нему подступиться было невозможно: адыги, из которых многие очень охотно заработали бы такую высокую цену за перебежчика, не отваживались схватить его отчасти потому, что он был очень осторожен и отчаянно бы защищался, отчасти потому, что он имел группу дерзких друзей, которые участвовали во всех его предприятиях и кровью отомстили бы за всякий нанесенный ему вред; отчасти также и потому, что он был принят в фамилию состоятельного Узбан-ока, на дворе которого [155] жил, делил с ним свою добычу и должен был жениться на его дочери. Георгий (Махмуд) был для этой страны почти богат; имел хорошую одежду, прекрасное, богато украшенное оружие и три лучших верховых лошади, а также, как многие утверждали, наличные деньги.

Узбан-ок шлет посла в русскую крепость, чтобы потребовать выдачи своих беглых рабов. Ему отвечают, что возвратят всех его рабов, но только при условии, что он выдаст русским войскам разбойника Георгия; в этом случае ему сверх того выплатят назначенные за его голову 500 рублей. Абаз долго колебался, но наконец жадность победила. Он находит предлог послать Георгия с поручением к своему другу Алиби из племени Шапте, живущего на расстоянии получаса пути от русской крепости. Всегда осторожный, казак не предчувствовал ничего плохого со стороны старого Узбан-ока. Вблизи дома Алиби он исчезает. Узбан-ок делает вид, что в совершенном отчаянии, но «бежавшие» рабы и деньги появились в его юнэ.

Через две недели выгорели начисто дворы Узбан-ока и Алиби, лучшие их лошади были украдены; через месяц неизвестной рукой был застрелен Алиби, так же как и два сына Узбан-ока.

Имя абазы, который нарушил законы гостеприимства, но и был жестоко наказан, как сказано, Узбан-ок из племени Кобле. Русского же коменданта, который возвратил в рабство девять человек, искавших у него защиты, зовут господин Бабич; он бригадный генерал черноморских казаков. Я не слышал, чтобы он был как-нибудь наказан.

Комментарии

47 Не принято, чтобы молодые люди сидели за одним столом со старшими. Отец не ест никогда за одним столом со своим сыном, старший брат — с младшим. Женщины и девушки едят отдельно и никогда не едят в присутствии мужчин.

48 Карар — то же самое, что контракт, соглашение. Слово перкско-татарского происхождения.

49 Баши-бузуками называют в Турции нерегулярные войска, которые организуются в военное время из добровольцев.

50 Конечно, ни в какой другой стране на свете нет такого количества военных арестантов, как в России. По достоверным источникам, их число достигает 10 процентов всей армии.

Они разделены на роты и употребляются для тяжелых работ. Во время осады Севастополя большое число арестантов использовалось для обслуживания крепостных орудий.

51 Бывали, хотя редко, случаи, что русские офицеры женились на таких пленных девушках, которые предназначались для гарема турецкого паши.

52 Указом от 1773 года Екатерина II объявила, что русские — европейцы. Финно-татарские москвиты сделались, таким образом, прежде русскими и потом уже — европейцами. Удивительное заблуждение!

Текст воспроизведен по изданию: Теофил Лапинский. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Описание очевидца Теофила Лапинского (Теффик-бея) полковника и командира польского отряда в стране независимых горцев. Нальчик. Эль-Фа. 1995

© текст - Гарданов В. К. 1995

© сетевая версия - Thietmar. 2009

© OCR - A-U-L. www.a-u-l.narod.ru. 2009

© дизайн - Войтехович А. 2001

© Эль-Фа. 1995

ТЕОФИЛ ЛАПИНСКИЙ

(ТЕФФИК-БЕЙ)

ГОРЦЫ КАВКАЗА И ИХ ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА ПРОТИВ РУССКИХ

ГЛАВА 7

Адыги, поступающие на службу к врагу. — Их ненадежность. — Пример этого. — Способ ведения войны. — Народные собрания и совещания. — Лагерь. — Сигналы. — Оборона и наступление. — Штурм и занятие русского форта, описанные абазским начальником. — Нельзя считать часть страны покоренной, пока другие части находятся еще в состоянии войны. — Солидарность племен.

Если бежавший раб находит так же мало безопасности у русских, как и перебежчик у абазов, то, напротив, каждый изменник, каждый бандит, который должен был бежать от мести своих соотечественников, является желанным гостем в русском лагере. К стыду немногих еще оставшихся в стране черкесских пши и уорков, следует сказать, что они поставляют наибольший, если не единственный, контингент изменников, служащих у русских. Времена, когда они могли хорошо жить за счет труда абазов, навсегда прошли; самим работать им не по вкусу, поэтому они готовы всегда за хорошую плату взяться за какую угодно службу. Они служат шпионами, проводниками для оперирующих в стране неприятельских войск, посредниками и т.д., некоторые служат также в нерегулярных полках.

Русские платят этим людям самое меньшее по серебряному рублю ежедневно; кроме того, они имеют еще часть добычи, которая по их указанию была награблена. Полностью доверять им русские однако не могут, т.к. они пользуются каждым случаем для удовлетворения своей жадности и еще охотнее предадут и продадут русского, чем адыга. Эти потомки черкесов — настоящий бич адыгской страны. Беглецы, которые указывают дорогу русским, — сплошь уорки; ложные депутации, которые от имени народа с фальшивыми документами отправляются в Константинополь, чтобы там обманывать турок и европейцев и вымогать себе подарки, всегда состоят из уорков; те, которые приносят лживые и фальшивые сведения из Константинополя, чтобы придать себе значение, и которым раньше часто удавалось злоупотреблять легковерием народа во вред ему, но всегда к их собственной выгоде, — это тоже уорки; короче говоря, большую часть плохого нужно приписать этой татарской расе. Не пользуясь в стране влиянием и уважением, за небольшим исключением, недопускаемые на народные совещания, в которых даже рабы могут принимать участие, эти потомки старинных грабителей с большой дороги устремились за пределы страны для эксплуатации своих соотечественников, чтобы только не быть вынужденными [160] работать честным образом. Упомянутые причины и расовая ненависть, которая господствует между черкесами и абазами, заставляют опасаться наступления катастрофы, могущей окончиться уничтожением и совершенным истреблением первых.

Как сказано, русские также не могут похвалиться преданностью и службой этих перебежчиков. Примером может служить следующая вполне правдивая история.

Я уже раньше упоминал, и должен буду еще часто к этому возвращаться, о черкесской княжеской фамилии Зан-заде, которая в половине прошлого столетия поселилась у Анапы. Князь Занок Сефер после передачи Анапы русским был послан Натухаем по его просьбе как уполномоченный в Константинополь. Он был уже не молод, много пережил и

состоял то на турецкой, то на русской службе. В Константинополе его приезд возбудил известное внимание, русское посольство считало его опасным и потребовало от Порты его удаления. Отношения были таковы, что османское правительство должно было исполнить требование посольства. Занок был интернирован в Адрианополь с ежемесячным содержанием в 2 500 пиастров 53. Он чувствовал себя там так хорошо, что и думать забыл о своей стране, и был очень недоволен, когда Восточная война призвала его к деятельности. Он имел двоих сыновей; одного он воспитал в Турции для службы султану, другого — у адыгов для службы царю. Этот последний, по имени Ибрагим Карабатыр, вырос в горах, как дикое дерево без ухода. Воспитанный в юнэ одного ему родственного уорка, прославленного вора лошадей и рогатого скота и русского агента, окруженный толпой молодых уорков, которые смотрели на него как на предводителя, смелый, ловкий и сильный, он был грозой страны; был он неудобен и для русских, которые часто предлагали ему поступить к ним на службу. Наконец угрожаемый и преследуемый абазами, которые условились его убить, он бежал со своей бандой в Суджук и отдался в распоряжение русского коменданта. [161]

С этого времени начались бесчисленные разбойничьи нападения под управлением Карабатыра, собравшего вокруг себя около 40 молодых разбойников, на дворы и стада адыгов. Часто, однако, и русские становились жертвою жадности своего друга. Вот самый оригинальный случай.

Однажды Карабатыр уезжает со своей бандой из города и крепости Суджук, известив коменданта контр-адмирала Серебрякова 54, что хочет предпринять карательную экспедицию против адыгов. К вечеру он прибывает к занятой русскими крепости на реке Абин, где и располагается в засаде вблизи рощи. Когда утром русские, не ожидавшие ничего плохого, гнали скот на пастбище, он со своей бандой с диким криком напал на испуганных пастухов, подумавших, что это враждебные абазы, и в паническом страхе бежавших к крепости, и угнал целый табун более чем в 400 голов. В крепости было мало конницы, которая и не рисковала его преследовать; пехота же не имела надежды его догнать.

Что же делает он дальше? Через два дня появляется со всем стадом в Суджуке, выдает его за отобранную добычу у адыгов и продает великодушно за 1 000 серебряных рублей гарнизону. Генерал поздравляет его и делает донесение с отъезжающим курьером о новом деле молодого, храброго, неутомимого на царской службе князя Занок. Этот рапорт имел следствием посылку бриллиантового кольца и высшую похвалу Его величества императора Николая. Императорский бриллиант был сейчас же продан за бесценок одному армянину, а золото с кольца употреблено на украшение сабельной рукоятки. Все указания коменданта на то, что это есть неуважение к царскому подарку, не оказали никакого впечатления на молодого татарина. Но что за шум поднялся, когда русским раскрылась та невинная шутка, благодаря которой Карабатыр получил все эти отличия. Хотя он, поддерживаемый своей бандой, клялся всем, что есть [162] святого, что они отбили стадо у адыгов, которое те, по всей вероятности, украли, но русские уже имели верные сведения. Но что было делать? Комендант Суджука слишком поторопился со своим донесением, восстановление истины очень бы скомпрометировало его, поэтому он должен был удовольствоваться только строгим выговором черкесскому князю и прекратить это дело. Но было ясно, что этот уорк не будет последним.

Когда началась Восточная война, еще до франко-английского вмешательства Карабатыр получил тайно письмо от своего отца, в котором ему было сказано, что теперь, кажется, лучше держаться на стороне султана, чем на стороне царя, и чтобы вследствие этого он стремился уйти из рук русских. Как послушный сын, Карабатыр решил повиноваться

указанию своего отца, однако хотел оставить русским память о себе, и в особенности захватить с собой хороший подарок на память.

Чтобы устранить всякое подозрение, он удвоил свое служебное рвение, разграбил и сжег много дворов адыгов и обручился для виду с одной татарской девушкой, живущей в Анапе. Он награбил много добычи за последнее время и хотел отпраздновать свою помолвку торжественно и возможно более на европейский лад; он пригласил всех офицеров гарнизона и всех почетных лиц города Суджука на праздник. Так как он, естественно, не имел собственной столовой посуды, то она была собрана во всем городе 55 у штатских и военных лиц; единственная существовавшая тогда в Суджукe гостиница доставила кушанья и напитки. Когда русское общество вечером после многих возлияний развеселилось и пришло в хорошее настроение и пило за здоровье черкесского принца, спутники Карабатыра оседлали в полной тишине лошадей, упаковали серебряную посуду и все ценные вещи, которые они могли захватить, и по данному знаку 40 молодцов вскочили на лошадей и с [163] заряженными ружьями, окружив своего начальника, через городские ворота ускакали в горы. По дороге они не пренебрегли захватить форпост из восьми солдат, которые стояли на расстоянии пушечного выстрела от Суджука, и утащили их в горы для продажи. Подобные случаи вероломства очень многочисленны между черкесами, поступающими на службу к русским 56.

Очень трудно собрать в Абазии большое число воинов в одном пункте; причины этого читатель узнает из нижеследующих сведений о способе ведения войны адыгами. Если в какой-либо местности, как, например, во всех пограничных областях страны, опасаются набега со стороны русских, то старшины восьми племен народности лежащих в этой местности юнэ-из собираются вместе и держат совет. Если опасения реальны, то все имущество, слабые старики, женщины и дети отсылаются в глубь страны к друзьям и родственникам; во дворах остаются только мужчины, способные сражаться.

Организуются посты и патрули пешие и конные, дороги и тропинки уничтожаются и баррикадируются срубленными деревьями, окрестные местности уведомляются о грозящей опасности, и все, наблюдая за каждым движением врага, ожидают его продвижение вперед. Вдоль Кубанской линии и берега Черного моря, где всегда можно ожидать нападения русских со стороны суши и моря, сделалось обычаем, что по 10 человек из каждого юнэ-из по очереди образуют ежедневно и еженочно пограничную стражу.

Если враг нападает, когда его не ожидают, то стража дает протяжным и пронзительным криком и выстрелами из ружей знак о военной тревоге. Почти невероятно и возможно только при содействии предавших изменников, чтобы враг мог обмануть бдительность форпостов и незаметно напасть на ближайшие дворы. Военная тревога подхватывается всеми, кто ее слышит, и, так как адыги, вечно угрожаемые внешними и внутренними врагами, имеют чуткий сон, в одно мгновение [164] вся местность оказывается на ногах. Никакая населенная солдатами казарма, внезапно встревоженная, не может скорее быть готова к защите или отступлению, чем абазский двор. Мужчины со всех ног бросаются пешком или на лошадях к дороге, по которой враг может проникнуть в их дворы, стремясь достигнуть ее как можно скорее. В такой момент, когда нужно защитить жену и ребенка, адыг, обыкновенно очень осторожный, не считается с числом врагов и даст себя убить, чем покинет свое семейство.

Между тем стража собралась и защищает каждое дерево, каждый куст, каждый ров и покинутые дворы с чрезвычайным упорством, боевой клич раздается непрерывно и служит сигналом собираться и выбирать правильную дорогу. Русские солдаты, посевшие на войне с горцами, рассказывали мне, что этот ужасный крик, повторяемый

тысячным эхо в лесу и горах, вблизи и вдали, раздающийся со всех сторон, спереди и сзади, справа и слева, пронизывает до мозга костей и производит на войска впечатление более неприятное, чем свист пуль.

В то время как мужчины бросаются навстречу врагу, женщины укладывают свои небольшие пожитки на телегу, лошадей или себе на спину; дети гонят стада в лес, и все это происходит так скоро, что в четверть часа двор покидается и делается необитаемым и пустым. Только неспособный к войне старик или маленький мальчик поддерживает большой огонь в одной из хижин; он прислушивается жадно к сражению и боевому кличу, и если неприятель уже близко, то бросает приготовленные головни на соломенные крыши хлебных амбаров и хижин и исчезает в лесу.

Если же, что случается редко, нападение на двор и окружение его производится ночью и так внезапно, что бегство невозможно, то происходит обыкновенно кровавая драма. Мужчины, женщины и дети бросаются с неистовыми криками из домов и стараются воспрепятствовать врагу проникнуть во двор. О сдаче и покорности не может быть и речи. Смысл этого слова адыг даже не понимает, и каждый, без различия пола, защищается до тех пор, пока он может еще двигать хотя бы одним членом. Русская пехота стреляет [165] среди этого смятения и старается пробить забор и выломать ворота. Если враг ворвался во двор, то в домах и вокруг них начинается неистовый бой. Жители защищаются отчаянно и почти всегда взятие приступом нескольких мазанок стоит русским значительных жертв. Очень редко бывают взяты пленные, потому что озлобленный солдат не дает пощады даже женщинам и детям, и легче схватить голыми руками дикую лесную кошку, чем десятилетнего абазского ребенка. Иногда, однако, появляется помощь и спасение, ибо на неистовый шум к месту боя сбегаются все соседи и нападают на врага со всех сторон.

Удивительно, что, когда раздаются первые выстрелы и боевой клич, лошадей, рогатый скот, овец и коз не нужно даже выгонять. Все животные бросаются, как будто они понимают, в чем дело, со всех ног в ближайший лес; нужно только им отворить ворота; даже домашняя птица, как куры, гуси и утки, спасается в ближайшую рощу; почти всегда враг находит только дымящиеся развалины.

Сейчас же после наступления врага собираются вооруженные жители угрожаемой местности на определенный сборный пункт. Старики держат совет. Если это лишь набег и враг отступил, то он преследуется только собравшимися воинами, которые стремятся отобрать у него добычу, если он ее захватил, и причинить ему также наибольший вред. Если же неприятельский отряд силен и намеревается укрепиться или продвинуться вперед, что легко можно узнать, потому что в таких случаях поспешно разбивается укрепленный лагерь, то отправляют верхом гонцов в отдаленные местности с просьбой о помощи. Между тем воюющее население ближайших 10 или 20 юнэ-из собирается в лежащем близко к врагу месте. Двое старшин (тамады) являются вождями каждого юнэ-из, из которых предполагается послать половину всех боеспособных мужчин на сборный пункт; каждые 10 дворов имеют, кроме того, еще предводителя, своего тамаду. Все эти тамады образуют малый и расширенный военные советы 57; к первому допускаются только [166] представители каждых 100 дворов, к последнему — также и тамады от каждых 10 дворов. Расширенный военный совет выбирает главного предводителя, причем принимается во внимание не возраст, но военный опыт и храбрость. Этот главный вождь назначает еще двух низших начальников: одного — для пехоты, другого — для кавалерии. Их приказания исполняются довольно пунктуально, кто отказывается их исполнять, наказывается конфискацией своего оружия, также наказывается и тот, который после призыва не явится на сборный пункт.

Собрать значительные военные силы, как уже сказано, очень трудно, потому что не существует никакого правительства в стране и все зависит от доброго желания каждого; по этой причине обыкновенно только угрожаемая и захватываемая часть страны готова к сражению; остальные мало заботятся об исходе борьбы и тогда только выступают на поле сражения, когда им самим угрожает опасность; и когда они наконец решаются прийти на помощь своим братьям, то это из-за многих формальностей приводится в исполнение только с большой медлительностью.

Когда посланные уведомят о вторжении русских в их местность и передадут просьбу о помощи, то собираются старшины племен и совещаются, своевременно ли и необходимо ли дать требуемую помощь, сколько воинов должно быть послано. Смотря по величине опасности, назначают от 10 до 50 воинов из каждого юнэ-из. Если старейшины придут к решению оказать помощь их братьям и определяют число воинов, то последние обязаны немедленно выступить в поход. Воины собираются под начальством своего старшины и направляются группами, которые образуются из многих юнэ-из, лежащих по одной реке, на сборный пункт в угрожаемой местности. Зажиточные помогают бедным военным снаряжением: как каждый всадник, так и каждый пехотинец должен взять продовольствие для себя на 20 дней. Если собирается большой отряд, то везут на лошадях котел и гонят немного скота для убоя. Так как адыг крайне умерен в еде и с редкой выносливостью переносит голод, то можно сказать с достоверностью, что продовольствия, которое он [167] берет с собой на 20 дней, хватит русскому солдату едва на 5-6 дней.

На определенном сборном пункте располагается лагерь, где воинам разных местностей указываются их места. Когда большая часть ожидаемых воинов сошлась, то на большом месте собирается весь корпус и держится большой военный совет. Эти военные советы имеют много сходства со старыми польскими сеймами.

В середине сидят широким кругом тамады, кадии и имамы, большей частью красивые старцы с серебряными белыми бородами; в центре их — выбранный вождь, обыкновенно мужчина средних лет. Ум, храбрость, много смелых и удачных воинских подвигов, всеобщее доверие, а также большое красноречие и громкий голос, дающий возможность перекричать всех и разбранить нерадивых, необходимы для достижения этого звания, которым, впрочем, он облечен, пока ополчение не разошлось, и которое доставляет ему много трудов, опасностей и ответственности, но, кроме большого уважения, не приносит никакой выгоды.

Вокруг совета старших стоят сплоченным кругом пешие воины, а сзади них — всадники. Старшины в кругу совещаются, а все слушают внимательно речи, которые произносятся. Обсуждают силы и намерения врага; из рядов позади выступают отдельные люди, которые наблюдали близко врага и возможно точно считали его отряды и орудия, хорошо узнали его расположение. Тамады берут один за другим слово; никогда не перебивают говорящего, каждый высказывает свое мнение о намерениях врага, о роде нападения или сопротивления. Собственные военные силы также подсчитываются, и с довольно большой точностью, так как каждый тамада знает, сколько пришло с ним человек; те юнэ-из, которые не поставили своего контингента, отмечаются, и к ним еще раз отправляются послы с настойчивым требованием; иногда им угрожают мстью народа.

Военный совет решает, следует ли предпринять наступление на врага или занять оборонительную позицию, чтобы задержать его дальнейшее продвижение. Наступление может быть двоякого рода: или думают заставить врага развитием [168] большой военной силы, нападением на его посты и продовольственные транспорты и непрерывным беспокойством его оставить свои позиции и отступить; в этом случае военным отрядам

предоставляется право действовать на свой риск, подвергать себя опасности или быть осторожными; или же решают во что бы то ни стало отбросить врага и непосредственно наступать на него. Это последнее решение бывает чрезвычайно редко, никогда не принимается легкомысленно, но после больших размышлений и таких основательных вычислений, что почти с достоверностью можно рассчитывать на удачу предприятия. Самый опытный европейский офицер с большим интересом присутствовал бы на таком абазском военном совете.

Когда старшины приняли решение, то в середину круга приводят оседланного коня. Один из тамад вскакивает на него, чтобы его могли лучше видеть и слышать, и передает воинам в длинной речи заключение совета, которое он мотивирует на все лады и старается сделать его приемлемым. Эти речи, которые толпа принимает с одобрением или протестом, часто произносятся с большим красноречием и благородным жаром. Если решение старшин встречает протест со стороны воинов, то выступают обыкновенно некоторые из них и говорят против принятого решения; показателем того, что народ не согласен, является также безмолвная холодность, с которой принимается речь. В таком случае решение откладывается, и на другой раз или в этот же день обсуждается в кругу старшин другое предложение. Если на речь тамады отвечает общий восторженный крик, который заглушает единичные протесты, то решение считается принятым и приступают к его выполнению.

Если предполагается серьезное нападение на неприятеля и принято решение во что бы то ни стало ворваться в крепость или лагерь и с обнаженным оружием идти на врага, то военный совет не полагается исключительно на общую храбрость, но еще приносится самая священная и значительная присяга Цава-капар (военная или боевая клятва). Церемония присяги такова: старший тамада, в последнее время магометанский имам, вскакивает [169] в середине круга на лошадь и произносит краткую молитву, в которой просит благословения бога на успех предприятия. Все собрание заканчивает молитву продолжительным «аминь» 58. После этого тамады становятся по двое от каждого племени в ряд и вызывают воинов исполнить Цава-капар; эти приближаются по порядку к старшинам, и каждый ударяет по рукам, что означает, что священное обещание ни в каком случае нельзя взять назад. По окончании этой важной церемонии, которая происходит чрезвычайно редко, так как военный совет только в отчаянных случаях прибегает к этому средству, совет старшин распускается и вступает в силу командование избранного вождя.

Этот последний выбирает себе столько помощников, сколько он признает необходимым, причем он все время стремится, чтобы между ними были представлены все племена, при этом он обращает меньше внимания на возраст, чем на военные способности, хитрость и храбрость своих помощников. Последние не должны удаляться от него и обязаны приводить в исполнение его приказания.

Приготовления к приступу крепости или к нападению на русский лагерь производятся ночью. Пехота разделяется на много отрядов, и каждому дается предводитель. Всадники оставляют своих лошадей под надзором мальчиков, большое количество которых всегда прибывает на поле сражения со своими отцами и старшими братьями. Многие мальчики даже принимают участие в сражении и приучаются таким образом с ранних лет к военному делу. Лошадей помещают в тылу корпуса на безопасном пастбище или в нескольких дворах; только небольшая часть всадников образует патрули и следует за корпусом как для того, чтобы при возможном отступлении прикрыть его, так и для того, чтобы увозить мертвых и раненых. В равнинах, где есть удобные для езды дороги, для перевозки раненых собираются из ближайших дворов повозки, запряженные волами.

После полуночи весь корпус приходит в движение. [170] Авангард образуют небольшие отряды пехоты, которые ведут хитрейшие и наиболее знающие страну люди. Между авангардом и главными силами находятся небольшие посты, которые поддерживают связь. Фланги охраняются многочисленными патрулями. Ничто не может сравниться с осторожностью и тишиной, с которой движется такой корпус, состоящий часто из многих тысяч человек. Их легкая походка и легкая обувь, темная одежда, оружие в чехлах — все благоприятствует ночному походу. Когда они приблизились к врагу, от авангарда отделяются несколько лиц и ползком, на четвереньках стараются подкрасться к крепости или окруженному окопами лагерю, выведать расположение ночного поста и подслушать, не заметно ли у врага какого-нибудь необычного движения. Различные сигналы бывают заранее условлены между ними и предводителем войска. Крику совы, диких уток или гуся, завыванию волка, лисы или шакала они подражают мастерски, и это служит предводителю, смотря по условию, хорошим или плохим знаком.

Если русские узнали уже об экспедиции и приняли меры или стража заметила что-нибудь подозрительное и дала тревогу, то русские орудия стреляют часто часами во все стороны, бросают ракеты и светящиеся ядра, крепость или лагерь защищается часто целую ночь против мнимого врага. Когда адыги видят, что враг бодрствует и имеется мало надежды на удачное нападение, то к крепости или лагерю приближаются только отдельные смельчаки, которые стреляют из ружей в часовых или куда-либо наугад и быстро убегают назад. Стоящие же вне сферы действия огня войска поднимают громкий боевой клич, стоят еще некоторое время и потом возвращаются в свой лагерь. Русские поддерживают между тем с валов непрерывный пушечный и ружейный огонь и прекращают его только тогда, когда наступает день и обнаруживается отсутствие врага.

На другой день адыги держат опять военный совет, и теперь все зависит от обстоятельств и от таланта вождя. Хотя враг и окружен абазской стражей, но случается чрезвычайно редко, чтобы русские не были осведомлены о собрании и решении горцев, потому что всегда находятся [171] изменники даже среди самой стражи, а шпионы служат обыкновенно обеим сторонам. Собственно говоря, настоящей военной организации нет, все военные планы, как мы видели, обсуждаются открыто, и каждый знает, что должно произойти. Предводитель должен почти всех поставить в известность о своих намерениях и дать исчерпывающие ответы на все вопросы, если он хочет, чтобы ему повиновались. Такое положение вещей необычайно облегчает русским ведение войны.

При нападении на форт Чепсин на берегу Черного моря в 1842 году горцы употребили очень хорошо удавшуюся хитрость. Крепость была только недавно построена и занята двумя батальонами пехоты, одним небольшим отрядом казаков и тридцатью орудиями. Валы и рвы были готовы; в последние была проведена небольшая река Чепсин. Часть строений была уже возвращена, а половина войска жила под кровлей, другие же — в палатках. Крепость была расположена в узкой горной долине; на расстоянии половины пушечного выстрела от нее поднимались уже высокие горы, поросшие лесом. Войска прилежно работали над окончанием укрепления и возведением необходимых строений и совершали экспедиции в ближайшие леса для рубки дров, а также чтобы держать в почтении абазов. Каждая такая экспедиция стоит обыкновенно много убитых и раненых без того, чтобы можно было даже увидеть врага. Местность казалась вымершей. Но горцы караулили и совещались. На расстоянии двух часов от русской крепости, прикрытой горами и густым лесом, собралось до 10 000 воинов. Они требовали принесения ужасной клятвы Цава-кара, что и было исполнено. Приведение в порядок войска продолжалось две недели.

Между тем русский гарнизон получил сведения о сборе и о намерениях враждебных воюющих народов. Но комендант, видевший, что при каждой экспедиции, предпринимавшейся в окрестностях, абазы отступают, и уже несколько раз получавший подобные известия, которые позднее оказывались ложными, принял это сообщение довольно равнодушно. Однако он был настороже.

Я заставил адыга, который был одним из вождей во время [172] штурма, рассказать мне о нем и повторю его рассказ почти дословно, за пропуском малоинтересного. Его зовут Юсуф Таузо-ок из племени Вайя, и в настоящее время он живет на реке Негепсук в Шапсутии.

«Мы выступили, — сказал он, — от Кубата 59 после захода солнца. Оба брата, Цаци Али и Магомет, были выбраны военным советом предводителями. Они честные, ловкие и храбрые люди, и, хотя принадлежали к уоркам, народ имел к ним доверие. Все лошади остались под надзором нескольких очень старых тамад и мальчиков. Переходя с горы на гору через кустарники, мы употребили из-за большого количества людей пять часов, чтобы пройти путь, который обыкновенно проходят в два часа. Несколько сот самых храбрых молодцов под предводительством Цако из племени Шалте были в авангарде и выслали небольшое число воинов, чтобы осмотреть вблизи крепость. Ночь благоприятствовала нам, потому что, хотя луна и ярко светила, после полуночи спустился такой густой туман, что едва можно было видеть на несколько шагов перед собой. Мы собрались все в полной тишине за маленькой рощей, приблизительно в четверти часа от врага; лазутчики нашего передового отряда давали знаки, что в крепости, кроме стражи, все, кажется, спят.

Мы приготовились теперь к наступлению во имя божие, каждый прочитал еще по-своему короткую молитву, затем каждый военачальник взял назначенную ему группу, которая во что бы то ни стало должна была следовать за ним, потому что мы принесли присягу Цава-карар и каждый знал, что это значит победить или умереть. Нам стало уже трудно добывать себе пропитание из-за постройки многих крепостей вдоль берега Черного моря; купцы из Турции почти не приезжали к нам больше; мы не имели соли, серы и полотна, наши женщины и девушки ходили полунагими.

Мы разделились на восемь групп, из которых две должны были приближаться к крепости с юга, одна — с востока и две — с севера. Три группы должны были следовать за [173] ними сзади и помогать тем, которые окажутся в самом тяжелом положении. Со мной было более тысячи прекрасных молодцов; я уже раньше учил их не рассчитывать на ружье, но, выстрелив только один раз, быстро всунуть его в чехол и положиться всецело на пистолет и саблю и последней рубить вокруг себя.

Мы только что двинулись, все шло тихо, как вдруг сзади нас на горе раздался выстрел и на этот сигнал блеснули все пушки крепости сразу. Один или несколько изменников известили русских о нашем намерении, и этот выстрел был условным знаком, уведомлявшим о нашем прибытии. Неприятель поддерживал такой ужасный орудийный и ружейный огонь во все стороны, что было ясно, что он принял все меры к нашему приему, о приступе в настоящий момент нечего было и думать. Было еще хорошо, что наши отряды не подошли на расстояние выстрела, иначе мы имели бы много несчастья. Из авангарда многие были ранены, было невозможно удержать гнев некоторых наших людей.

Многие бросались на крепость, но возвращались с окровавленными головами или нагруженные трупами своих братьев. Другие укоряли нас, старшин, и особенно двух наших предводителей, в измене и хотели нас изрубить в куски; оба Цаци-ока особенно

были в опасности, так как они, как уорки, возбуждали более недоверия; другие бросались осматривать горы и леса, чтобы отыскать изменника, который дал сигнал. Семь человек, о которых знали, что они часто ходили к русским, были убиты в этом смятении; их не было жаль, но были ли они в этом случае виновны, никто не знает.

Начинало рассветать, неприятель стал стрелять тише; мы имели 32 убитых и много раненых, не навредив врагу даже незначительно, и печально возвращались на Кубат. Там совещались целый день, шумели и ссорились. В предводителей два раза выстрелили из круга, свыше 1 000 воинов ни о чем не хотели больше слушать и ушли домой.

Однако, благодаря красноречию вождей и тамад и стараниям родственников павших, на обязанности которых лежало отомстить за кровь, удалось склонить народ не расходиться. [174]

Большинство было только шесть или восемь дней вместе, каждый имел, когда он выступал, продовольствия на 20 дней, близлежащие юнэ-из подарили для лагеря еще штук 60 рогатого скота; мы могли, таким образом, выдержать еще некоторое время.

Предводители сказали на военном совете, что необходимо еще три ночи беспокоить врага, чтобы затем попробовать штурм. Если же нападение не удастся, то не останется ничего другого, как с большим числом собравшихся воинов, вместо крепости Чепсин, которая была настороже, обратиться против крепости, лежащей в 10 часах южнее на реке Ту, где нас не ожидали. После многих возражений воины согласились на это предложение; мы отправились снова против крепости.

Три ночи, одна за другой, старались мы приблизиться незаметно к неприятелю, но он был постоянно наготове и под ружьем, стрелял все ночи напролет; и хотя мы были осторожны и не теряли бесполезно людей, увидели, что не можем выполнить свое намерение. Наши люди были очень недовольны, бранили нас, роптали и угрожали; мы сами не знали, что будет с нами, и начали подозревать, что оба уорка издеваются над нами и играют на руку врагу. Так мы, отказавшись от наступления, в плохом настроении вернулись на Кубат. Опять собрались тамады, и военный совет решил на другой день идти против Ту; кто желал идти туда, тот должен был находиться на другой день в обеденное время в военном кругу; кто этого не желает, может не кричать и не браниться, но должен еще сегодня отправиться домой. Более 2 000 человек еще до вечера оставили лагерь.

На другой день, в обед, мы собрались и после молитвы тамады заняли свои места, воины образовали круг и начали совещание о походе. Цаци-ок Магомет сидел молча в кругу; когда же захотели выслушать и его мнение, он потребовал, чтобы привели его лошадь, вскочил на нее и начал говорить. Мы едва могли поверить своим ушам, когда он заговорил. Он сказал, что даже и не думает идти против Ту, прежде чем не будет взят Чепсин, что священный карар обязывает нас взять приступом эту крепость, что наши жены не пустят нас в юнэ, если мы возвратимся с пустыми руками и [175] клятвопреступниками; что если до сих пор нам не удавалось нападение, то причина этого кроется в том, что русские хорошо осведомлены о каждом нашем движении и были к нему подготовлены; что теперь, когда малодушные люди и, как он думает, шпионы ушли домой, мы остались слабее в количестве, но много сильнее духом и все еще в четыре раза сильнее русских. Без всякого сомнения, шпионы осведомили врагов, что мы идем по направлению к Ту. Русские, которые в течение восьми дней непрерывно были на ногах, должны быть очень утомлены, и так как они нас больше не ожидают, без сомнения, будут теперь отдыхать; мы можем, таким образом, быть уверены, что наше внезапное нападение ночью удастся; если мы сегодня не возьмем крепость, когда она не вполне готова, то тем более это не удастся нам через три месяца; тогда конец нашему спокойствию. Раньше

редко приезжали купцы, чтобы привезти нам товары, с тех пор же, как враг построился на этом месте, больше уже не приезжает никто, и скоро соль будет в стране так же редка, как деньги. Он, Цаци-ок Магомет, и его фамилия твердо решили рискнуть на нападение, хотя бы даже никто не остался в живых из его фамилии; и если адыги так глубоко пали, что не почитают более священный Цава-кара, то он один со своими его выполнит. Он говорил долго, с большой мудростью и красноречием; но вначале, однако, поднялся сильный шум и большинство было против его предложения.

Я горжусь, что я был одним из первых, которые перешли на его сторону; затем его поддержали те, которые должны были отомстить за смерть своих родственников; потом число его сторонников становилось все больше и больше, напоследок его предложение было принято со всеобщим восторгом, Цава-кара возобновлен и дана была клятва взять неприятельскую крепость или умереть.

Мы выбрали сейчас же лучших и надежнейших людей и окружили лагерь стражей; кто желал войти в лагерь, был впущен, назад же никто не выпускался, чтобы не могли дать неприятелю никаких сведений. Один уорк, Магомет Али из Темиргоя, который со своими рабами хотел незаметно прокрасться из лагеря, был застрелен стражей. [176]

Вечером мы двинулись в том же порядке, как и первый раз, только не послали вперед лазутчиков и отряды отчасти потому, что думали, что враг нас не ожидает, отчасти потому, что на этот раз твердо решили взять крепость штурмом. На расстоянии получаса ходьбы до крепости наши люди, которые шли впереди, увидели человека, шедшего навстречу. Он хотел бежать, но был настигнут, пойман и приведен к вождю. Раб одного уорка из Пшада, он сказал, что ищет своего господина, который был у нас, но два дня назад удался. Это было очень неправдоподобно. Мы обыскали его и нашли 10 серебряных рублей; тогда начали его сильно бить, пока он не сказал, что был действительно у русских и известил их о нашем выступлении на Ту, но русские это уже знали; его не пустили в крепость, но говорили с ним перед воротами; он не знает поэтому, что происходит внутри. Сколько его ни били, он не мог ничего больше показать. Его связали и передали страже до дальнейшего суда.

Этот случай задержал нас более чем на полчаса. Приблизительно за два часа до рассвета мы построились; это было на расстоянии четверти часа от крепости; мы были скрыты кустарником и холмом; ярко светила луна, можно было далеко видеть. Предводитель спросил, подражая крику шакала, все ли в порядке и готовы ли мы; каждый из нас, который вел один из восьми отрядов, отозвался на крик. Через четверть часа, когда все стояли уже готовые к тому, чтобы ринуться вперед, прозвучал со стороны предводителя крик совы — условный знак к движению вперед. 8 000 человек моментально двинулись.

В полнейшей тишине, быстрыми шагами, но не бегом, с оружием наготове двигаясь к крепости, я со своей группой сделал, может быть, половину дороги, когда раздался оружейный выстрел караула на валу, а потом прозвучало несколько выстрелов, забил барабан и сейчас же после этого загрели один за другим пушечные выстрелы. Теперь бросились бегом, как только было возможно быстрее с громким криком к валу. Пушечные ядра и ружейные пули стреляли маленькими ядрами и так часто, как будто на стену [177] бросают горох 60. Но мы были уже слишком близко, чтобы бежать обратно; в одно мгновение были мы во рву и на валу. Большинство бросило свои ружья и кидалось только с шашкой в руках на русских. Внутри начался страшный бой. Русские защищались хорошо, тех, которые были в палатках, однако скоро изрубили, но и многие из наших воинов были убиты. Я потерял свой левый глаз и был ранен в колено, но мог, однако, сражаться до конца.

Труднее всего нам было у казарм, куда спаслось большинство русских; они имели там пушки и стреляли в нас из всех отверстий. С поджогом шло плохо, огонь не загорался, и много наших людей падало. Но никто не думал о том, чтобы бежать, мы взломали ворота кирками и мотыгами, которые нашли в палатках; к окнам и крыше подставили лестницы; кто падал — погибал сейчас же, другие немедленно занимали его место; стар и млад — как бешеные. Если раньше сражались яростно, то это было ничто в сравнении с тем, что происходило в коридорах и комнатах казармы. Там не было выстрелов, слышались только крики и удары; русские отчаянно защищались ружьями, мотыгами, ножами, кулаками и зубами; мы хотели только крови за кровь многих наших людей, которые пали в этот день. Был уже светлый день, когда крепость оказалась в наших руках. Едва 40 русских осталось в живых и большинство из них были ранены. Но также и мы потеряли много людей — около 1500 человек; всех лошадей, которых мы оставили на Кубате, едва хватило, чтобы перевезти убитых и раненых домой».

На этом закончился рассказ старого абазы. Валы и рвы Чепсина все еще существуют. Адыг гордо указал на разрушенную крепость. Я нашел там еще семь тяжелых железных пушечных стволов, которые жители не могли увезти.

Такие нападения редки, потому что они стоят слишком много крови и редко приносят хорошие результаты. Однако адыг не отступает и перед этим, когда он доведен до крайности, и хотя он избегает открытой битвы и неохотно [178] встречается с русскими в открытом поле, где выгода обыкновенно не на его стороне, но в случае, когда народ принял решение сражаться не на жизнь, а на смерть, он идет на врага с решительностью и храбростью старого солдата.

Если русские пробуют продвинуться дальше в глубь страны, как было уже упомянуто, разрушаются все дороги и тропинки, и когда одна часть воинов препятствует продвижению неприятеля вперед, другая угрожает его флангам и тылу.

Русские, которые знают способ ведения войны своих врагов, остаются обыкновенно спокойными в своем лагере, пока не получают известие через шпионов о том, что горцы разошлись. Собрание воинов продолжается не дольше, чем хватит принесенного с собой продовольствия. В это время составляются сотни проектов, пробуются маленькие нападения и совет старшин проводит много времени в разбирательстве дел. Если нападение на неприятельскую позицию признается невозможным, то решают предоставить судьбе угрожаемую местность. В таком случае жители, находящиеся близко от лагеря или крепости, уходят в глубь страны; однако редко дальше, чем на один, самое большее — два часа пути. Дворы, лежащие близко к неприятелю, оставляются стариками, женщинами и детьми; способные же к войне мужчины защищают двор до тех пор, пока не проникнут в него русские. Земля всегда, насколько возможно, обрабатывается, и русские видят, как адыги на расстоянии двух пушечных выстрелов от крепости косят сено; на расстоянии полчаса — сеют и жнут. Конечно, против сеятелей и жнецов непрерывно предпринимаются экспедиции; но так как гарнизоны в крепости обыкновенно бывают слабы и, кроме того, они также не знают наперед, не находится ли сзади работающих в поле большое число абазов в засаде, то такие нападения с небольшими отрядами очень опасны и должны предприниматься с большой осторожностью. Даже в благоприятных случаях потери часто бывают больше, чем достигнутые результаты, ибо за четверик зернового хлеба или два воза сена, которые они уничтожат у абазов, русские теряют всегда нескольких людей. [179]

Часто случается, что часть населения местности, в которой русские построили крепости, для виду подчинятся им и дадут клятву ничего не предпринимать против русских. Но и сами жители ставят условие, чтобы их не беспокоили при полевых работах и на пастбищах, а особенно же они противятся тому, чтобы русские войска вступили на их территорию. Вообще же на такое перемирие не надеются, обе стороны держатся настороже, и каждая пользуется первой возможностью, чтобы повредить другой. «Я мирный б1, но мое оружие не мирное», — говорит со смехом абаз. Настоящее покорение невозможно и потому, что нет ни какой-либо власти, ни начальника. Тех, которые живут в безопасных горах, куда еще враг никогда не вступал, мало беспокоят жалобы жителей равнин, которые одни подвергаются нападениям врага, и они не хотят слушать ни о каком подчинении.

На большом народном совете один из старейших тамад сказал жителям Натухая, которые жаловались, что они больше не могут оказывать сопротивление русской мощи и что они должны поэтому покориться и подчиниться врагу: «Делайте что хотите, но если хотя бы десять человек из вашей местности пойдут к русским против нас, если вы свое оружие сложите или если в благоприятный момент вы не будете тотчас готовы действовать с нами заодно, то мы вас убьем, ваших жен и детей сделаем рабами, имущество ваше разграбим и ваши дворы сожжем. Обманывайте русских как можете; никакой карар вас не может связать; но если вы желаете им служить, то оставьте нашу землю и идите в их страну; если вы не хотите этого и не можете выдержать, то идите в наши горы; места здесь есть для всех нас, лесу достаточно, чтобы построить дома, и полей довольно для обработки; нам будет немного тесно и не так удобно, как в ваших богатых равнинах, но зато мы будем свободны от чужеземного рабства, потому что никогда пшитли русского царя не покорят нас здесь». [180]

Так как весь народ разделен на племена и фамилии, то каждый беглец находит у своих родственников кров и помощь.

Когда одна из трех адыгских народностей желает получить от другой военную помощь, то посылаются от большого совета военные послы к тамадам соседней народности, и там же на народном собрании решают, нужно ли отвечать на просьбу и как именно. Если помощь предоставляется, то войска собираются в установленном количестве на границе и идут под начальством старшин и избранного предводителя на общий сборный пункт. Там выбранные военные вожди и тамады трех народностей держат сообща военный совет

Большие собрания всех народностей Адыгеи происходят также тогда, когда вся страна хочет сговориться относительно какого-нибудь важного случая или когда между народностями возникает ссора. При большой национальной ссоре, которая грозит окончиться междоусобной войной, или в исключительно важных случаях собираются только две группы представителей, а именно; из северных адыге — из племен шапсугов и абадзехов и из южных, т.е. из племени убыхов, жителей княжества Абазии, сванет и осетин.

Такие собрания чрезвычайно редки, и их постановление в отношении какого-либо случая является законом для всех абазов, как для тех, которые находятся в войне с русскими — северных, так и для тех, которые живут в некотором роде перемирия, как южные абазы. [183]

ГЛАВА 8

Малая война. — Экспедиция абреков на русскую территорию. — Охрана границ. — Пример экспедиции потерпевшей несчастье. — Вторжение в Мингрелию. — Ведение войны русскими. — Положение русских солдат на Кавказе.

Кроме больших сражений, в которых принимает участие или вся страна адыгов, или часть ее, значительную роль играют еще небольшие стычки, которые продолжаются беспрерывно. Можно с полной уверенностью утверждать, что в течение года не проходит часа, в которой враждующие стороны не обменялись бы десятью ружейными выстрелами, и ни одного дня, в котором не раздалось бы с русской стороны десяти пушечных выстрелов. Такой день и такой час можно назвать всеобщим миром.

Русские крепости, которые уже построены на территории адыгов, беспрерывно окружаются группами абреков; страсть к добыче и желание взять пленных, которых потом можно выгодно продать, кровная месть (потому что абаз считает себя обесчещенным, если он не отомстит русскому за смерть родственника, и не имеет до этого ни отдыха, ни покоя), а также любовь к приключениям и рыцарским подвигам соединяют вместе всегда большее или меньшее количество добровольцев. Имеется также много бродяг которые не любят работать и получают главную наживу от таких экспедиций. Эти последние — очень докучливые враги русских, хотя патриотизм у них играет, так сказать, второстепенную роль. Они образуют свое общество в стране, имеют свои сборные места и своих предводителей, знают каждый шаг врага и собираются по требованию своего вождя или своих товарищей. Они лежат часто днями в засаде, перенося с удивительным терпением и выносливостью голод, холод и скуку. В лесу, сидя на деревьях, скрытые густой листвой, в камышах, стоя часто часами по горло в воде, они бросаются как коршуны, как только показывается вблизи слабый транспорт, и прежде чем подоспеет из крепости помощь, они исчезают.

Вся линия правого берега Кубани защищена многочисленными крепостями, между которыми стоят еще небольшие казачьи посты и беспрерывные патрули для охраны пограничной реки и поддержания связи. Каждый пост помещается в крепком деревянном блокаузе, состоит из одного небольшого отряда пехоты от 25 до 100 человек [184] и одного казачьего пикета от 10 до 25 всадников. Многие из этих блокаузов имеют еще и орудие. На каждом доме устроен высокий деревянный помост, с которого часовой может смотреть далеко в степь. Кроме того, там находятся несколько сигнальных шестов, покрытых смолою. Русская сторона заселена только на расстоянии 5-6 часов пути за этой линией.

Абреки стараются захватить патрули, напасть на стражу или обмануть бдительность последней и прокрасться через линию, чтобы сделать нападение на населенную местность. Такой набег имеет много трудностей, потому что сначала нужно перейти реку, потом — военную линию, пройти довольно длинное расстояние, которое тянется до населенного места, неожиданно напасть на русских поселенцев и потом с добычей или пленными совершить тот же самый путь обратно. Таким образом, выполнение таких нападений очень различно в зависимости от того, когда они происходят — летом или зимой, когда Кубань обыкновенно замерзает и бдительность и число пограничных постов удваивается. Летом такие нападения могут производиться и производятся, особенно же абреками из Шапсугии, только с большим риском, вследствие ширины и глубины реки Кубани. Обыкновенно собираются лишь 10-15, никогда не больше 20 дерзких и решительных молодцов. Они запасаются на некоторое время продовольствием, размер которого зависит от того, как долго они полагают быть в экспедиции, и на бурдюках, сделанных из козьих шкур, плывут на другой берег. Такие бурдюки легко поддерживают человека на поверхности воды и облегчают плавание даже лошади.

На другом берегу они осторожно двигаются в высоком камыше, который часто в плоской местности тянется часами. Если же им попадается в руки патруль, то они довольствуются тем, что уводят лошадей и всадников на другой берег; если они узнают от пленных, что вблизи находится слабо защищенный пост и чувствуют себя достаточно сильными, то пробуют произвести нападение, но быстро спасаются на другой берег, как только поднимается тревога, так как в таком случае враг скоро получает подкрепление. [185]

Если экспедиция предпринимается в глубь страны, то абреки стараются ночью перейти Кубань и, крадучись в камышах, в высокой траве и кукурузных полях, приблизиться к какому-нибудь хутору 62, чтобы еще до полуночи совершить нападение и потом иметь еще часть ночи для обратного пути. Такие далекие экспедиции очень опасны, потому что патрули осматривают каждое утро очень внимательно все следы, а когда они подозревают, что прокрались абазы, то быстро идут по следам; если они убеждаются в присутствии банды на правом берегу, то моментально дается тревожный сигнал, и через четверть часа гремят вдоль границы пушечные выстрелы и зажженные сигнальные шесты пылают в небе. Из станиц скачут казачьи отряды и обыскивают местности во всех направлениях; пограничный кордон усиливается, число патрулей увеличивается, чтобы отрезать отступление абазам. Когда последние видят, что они обнаружены, ищут защиты в камышах или кукурузных полях, что им, впрочем, редко удается, потому что казаки внимательно осматривают все следы и безостановочно преследуют их. Когда они наконец открыты, то стараются добраться до какого-нибудь дома, если такой случайно имеется вблизи, и сражаются там на жизнь или смерть. Чрезвычайно редко случается, чтобы такая группа абреков сдалась без сопротивления; они защищаются обыкновенно до последнего и в этот последний момент думают только о том, чтобы продать дороже свою жизнь и насколько возможно больше убить русских. Часто поджигают дом, в котором они скрылись, чтобы вынудить их к выходу.

В 1857 году погибла таким образом, за исключением одного, целая группа, принадлежавшая к одной фамилии. Старик Пшикуи-Бор-ок из племени Вайа с реки Убин в Шапсугии в своей жизни более сотни раз переходил кордон, нанося свои страшные визиты стране черноморских казаков, и всегда отделялся более или менее счастливо. Он жил уже [186] много лет спокойно в своем юнэ, когда ему году на 70-м вздумалось опять жениться. Но случилось так, что он, переплативший так много денег за жен своих сыновей и внуков, не был в состоянии за свою собственную невесту внести плату, которая, имея в виду его возраст, была довольно высока. Опечаленный, он собрал однажды своих сыновей и взрослых внуков на семейный совет и предложил им предпринять под его предводительством набег в Черноморье. Он знал один хутор, приблизительно на расстоянии пяти часов от Кубани, который лет 20 назад был им разграблен и сожжен. Он узнал, что на этом месте построен теперь другой прекрасный хутор, в котором живет сотник 63 со своим семейством.

Опытность старого отца была порукой молодым людям в почти верной удаче. Весело было приведено в порядок оружие, приготовлено продовольствие, и в тот же день после обеда вся группа отправилась в путь на Кубань. Она состояла из старика, который бодро, как молодой, шел впереди, шести его сыновей, четырех внуков и двух дальних родственников — в целом из 13 человек. Подойдя к пограничной реке, они после наступления вечера перебрались на другой берег и пошли дальше вперед. Все шло благополучно, банда не встретила никаких патрулей; старик, который знал каждую тропинку, шел в течение часа непрерывно вперед, часто по колено в воде, через камыши; все следовали за ним и не оставляли никаких следов. Еще час шли они в камышах, потом вступили на кукурузные поля и двигались так быстро, что еще задолго до наступления дня

подошли близко к назначенному хутору. Здесь они остановились для отдыха и решили спокойно переждать день, а потом через два часа после наступления темноты, как только не видно будет никакого движения на хуторе, напасть на него.

Медленно тянулся жаркий летний день, особенно потому, что все должны были лежать в полной тишине. Старик выполз один раз немного вперед, чтобы осмотреть поближе хутор и поискать воды, но, услышав человеческие голоса [187] и лай собак, поспешно вернулся обратно. Когда стало совершенно темно, по знаку старика поднялась вся банда и, быстро осмотрев свое оружие, скорым шагом двинулась в путь. Подойдя к внешнему забору хутора, разбойники, к их ужасу, увидели, что все окна освещены, много народу входит и выходит, слышатся звуки веселой музыки. Как ни охотно обычно абазы слушают музыку, но теперь она произвела на них отвратительное впечатление. Под высоким забором, согнувшись, они совещались, как поступить; некоторые хотели напасть наудачу, но старик решил, что нужно тихо возвращаться обратно под прежнее прикрытие и ожидать следующей ночи.

Плохой обычай много разговаривать оказался для них роковым. Одна из дворовых собак почуяла чужих и начала громко лаять, к ней подоспели другие, и, наконец, целая стая собак напала на грабителей. Несчастье никогда не приходит одно: нужно было еще, чтобы из ворот хутора выехал верховой казак, который, думая, что собаки напали на дикую свинью или другого хищного зверя, подскочил на бешеный лай и вдруг, пораженный, оказался среди группы абазов. Один из молодых разбойников необдуманно выстрелил в него; казак с ужасным криком упал с лошади, и абазы, преследуемые собаками, наконец обратились в бегство.

Причина большого движения на хуторе была сходна с той, которая послужила поводом для старого Пшикуи к его последней экспедиции. Сын сотника привез свою невесту в отцовский дом, и праздновалась их свадьба. Более сотни казачьих офицеров, их семейства и прислуга собрались на хуторе. Когда раздался неистовый собачий лай, выстрел и громкий болезненный крик, со двора выскочило много людей и около забора нашли казака, плавающего в своей крови. Он был тяжело ранен; но рассказал, что вблизи хутора находится большая банда черкесов.

После этого страшного известия русские забаррикадировали, насколько было возможно наспех, двор и послали четырех казаков с требованием помощи в ближайшую станицу. Через час уже гремели пушечные выстрелы из станицы, горели тревожные сигналы, и скоро по всей местности и вдоль [188] кордонной линии были видны и слышны сигналы об опасности. Через два часа на хутор прискакали во весь опор несколько сот казаков.

Между тем абазы, которые искали защиты в кукурузных полях, опять долго совещались, что делать дальше. Бежать через границу, находящуюся на расстоянии пяти часов, было немыслимо: вероятно, тревога об их прибытии за реку дана на границу и стража усилена. Остаться вблизи хутора не представлялось также возможным; тогда старик предложил в продолжение нескольких часов идти в глубь страны; бесконечные кукурузные поля предоставляли им некоторую защиту, продовольствие они еще имели, кроме того, кукуруза наполовину созрела, в случае надобности они могли ею утолить свой голод. В надежде, что враг их там не ожидает, но будет искать по направлению к Кубани, они двинулись в дорогу. Но казаки знают уже такие военные хитрости; в то время как одна часть действительно обыскивала поля по дороге к реке, другая с помощью собак обыскивала местность в противоположной стороне — в глубину страны. Абазы были открыты. «Обратно, к хутору», — закричал старик. Разбойники подняли свой дикий пронзительный боевой крик, по которому невозможно понять, происходит ли он из горла

13 или 100 человек. Казаки, от которых численность врага была скрыта высокой кукурузой и темнотой, пораженные, отскочили назад, и вся банда бешеным бегом двинулась по направлению к хутору, который находился теперь на расстоянии более часа ходьбы. Под непрерывным ружейным огнем с обеих сторон продолжалась бешеная погоня через поля. Казаки не решались броситься на бегущих, только один из последних был легко ранен в руку. Приблизившись к хутору, абреки нашли ворота закрытыми и были встречены сильным ружейным огнем из-за забора, пули преследователей делали их положение еще более критическими: один из них пал, второй был тяжело ранен.

Когда старик скомандовал: «Назад, к хутору!» — и избрал это направление, то такое отчаянное отступление было единственным, что оставалось абазам. Старый грабитель молниеносно составил план; он был убежден, что все [189] мужчины, способные носить оружие, обыскивают поля, а в хуторе остались только женщины и дети. Если бы иметь преимущество только в 100 шагов и успеть овладеть некоторыми из них и запереться в доме, думал он, то, имея их заложниками и угрожая их жизни, можно бы выговорить себе безопасное отступление.

Расчет был смелый, и все-таки он чуть-чуть не удался. Действительно, в первом пылу преследования почти все мужчины покинули хутор. И это было совершенной случайностью, что как раз в это время отряд в 50 казаков из отдаленной станицы проезжал мимо хутора. Слышны были уже ружейные выстрелы абазов и казаков, которые все более приближались к хутору. Казачий офицер остался с большей частью своего отряда для защиты испуганных женщин и детей и послал меньшую часть к месту сражения. Когда грабители стали приближаться и уже не было сомнений, что они хотят проникнуть в хутор, казаки завалили наскоро ворота и разместились за высоким забором, откуда встретили грабителей сильным огнем.

Положение абазов было отчаянным; последняя надежда рухнула; не оставалось поэтому ничего иного, как только возможно дороже продать свою жизнь. Снаружи ограды хутора, около 100 шагов от ворот, стоял одинокий сарай, который употреблялся для разных хозяйственных целей. Не теряя ни одного мгновения, преследуемые скрылись в сарае, втащив за собой трупы своих товарищей, и заперлись в нем. Начался непрерывный ружейный огонь между казаками и грабителями, которые быстро просверлили своими кама в тонкой глиняной стене отверстия для стрельбы.

Начало рассветать. Абазы имели одного убитого и троих раненых. Потери казаков неизвестны. Они разместились за заборами и крышами строений. Их выстрелы делались все реже. Абазы также берегли заряды, из которых они уже половину истратили, и стреляли только наверняка.

Вдруг им закричали на адыгском языке, чтобы они не стреляли, так как с ними хотят говорить.. Они обещали не стрелять. Из ворот вышел казачий офицер с одним уорком, состоявшим на службе у русских, и начал говорить. Черкес [190] переводил: «Если вы отдадите свое оружие и сдадитесь, то с вами ничего плохого не случится и, хотя вы пришли в нашу страну как разбойники, вам будет оставлена жизнь. Вы видите, что вы не можете больше защищаться, и если вы, несмотря на это, будете сопротивляться, то мы подожжем крышу над вашими головами и всех вас перебьем».

Старый Пшикуи ответил твердым голосом: «Если мы пришли в вашу страну как грабители, то также правда, что вы грабителями приходите в нашу. Только вы приходите с большим войском и пушками, десять против одного, в то время как мы выходим один против ваших десяти. Чтобы мы отдали наше оружие и сделались вашими пленниками,

как маленькие дети, этого, как вы знаете, быть не может; мы не можем опозорить на вечные времена нашу фамилию и наше племя; наше оружие берут только с наших трупов, но не тогда, когда мы живы. Мы знаем хорошо, что великий Тха нас отдал в ваши руки и что вы нас всех можете убить; вас более тысячи против нашей кучки, и я вижу, как все еще приходят новые воины. Но какая польза вам, если вы убьете нас? И из вас ведь, конечно, также умрут люди, и племя Вайа будет мстить за нашу смерть. Отпустите поэтому нас лучше с миром и поставьте ваши условия для выкупа. Я, правда, не богат, но мое племя мне поможет, и как заложника я оставлю вам моего младшего мальчика».

Эти двое ушли, но спустя немного пришли опять и переводчик сказал: «Напрасно, Бор-ок, ты защищаешься, русские не могут согласиться на твоё желание. Ты слишком зло хозяйничал в Черноморье, старый волк, чтобы тебя теперь опять отпустить, когда тебя держат крепко. Будь благоразумен и сдайся, иначе ты будешь поджарен, как дикая свинья». Эта язвительная угроза едва вырвалась из уст переводчика, как пуля старика раздробила ему правое бедро. «Проклятие тебе, скверная собачонка, изменник, — кричал он, — язык которого оскорбил седую бороду твоего соотечественника. Я мог бы тебя убить, но ты не достоин смерти; живи, но теперь ты не сможешь зарабатывать эти гнусные деньги». Офицер поспешно убежал, черкес уполз на четвереньках так скоро, как он мог, стона и обливаясь кровью. [191]

Вновь был открыт сильный огонь против сарая; адыги отвечали редкими, но хорошо направленными выстрелами, но так как град пуль сыпался на сарай и тонкая стена уже не вполне защищала запертых, то через час трое из банды были убиты и семеро ранены; между последними также и старый отец, который от отчаяния рвал волосы из своей бороды, не столько огорченный своим близким концом, как гибелью своей фамилии, которую он сам привел. «Отец, — сказал неожиданно старший сын по имени Цекери, один из трех, которые еще не были ранены, — я вижу спасение». «Говори», — сказал старик. «Отец, ты должен быть свободен, тогда мы все спасены. В таком состоянии, как мы находимся, мы не можем сдаться, иначе мы будем покрыты позором, что мы, десять человек, имеющих в запасе около сотни выстрелов, позволили связать себе на спине руки; никто не захочет нас выкупить, потому что все будут думать, что мы покинули тебя и что мы, но не ты, захотели сдать оружие; старого Бор-ока знают, позор падет не на него, а на нас; но мы все можем остаться заложниками, только ты возвращайся; ты найдешь деньги для выкупа у племени и народа, адыгский народ знает старого Бор-ока; это не твоя вина — это несчастье; так хотел Тха.» Старик задумчиво покачал головой. «Я не думаю, — сказал он, — чтобы русские меня выпустили, мне они особенно мстят, а теперь, когда я выстрелил в изменника, они не захотят больше с нами разговаривать.» — «Я пойду к ним и буду говорить, я понимаю немного по-русски.» — «Ты? Прежде чем ты произнесешь одно слово, они убьют тебя.» — «Это может быть, но если я не пойду, то они все равно меня застрелят.» — «Тогда иди, мой мальчик, и да поможет тебе великий Тха!»

Старик прекратил совсем стрельбу. С русской стороны продолжали беспрерывно стрелять, потом слабее, наконец, когда увидели, что абазы совсем не отвечают на огонь, стали падать только изредка тут и там пули. Тогда Цекери кричал по-русски через замочную скважину, чтобы кто-нибудь подошел, так как он хочет говорить. Ему ответили, чтобы он вышел сам, потому что им не верят. Цекери вышел из сарая с ружьем через плечо и подошел к забору хутора. Он просил, [192] чтобы позволили уйти отцу с младшим сыном, чтобы он мог собрать деньги для выкупа; как только отец будет в безопасности на другом берегу Кубани, а сын возвратится и принесет им это известие, они все сдадут оружие; если же нет, то они все решили умереть.

Старый русский офицер, которому, как казалось, все другие повинуются, согласился с этим предложением. Цекери возвратился к сараю и вызвал отца. Этот и еще один из не раненых, вложили свои ружья в чехлы и подошли к воротам. Они были на расстоянии меньше, чем 20 шагов от ворот, как сверкнули около 30 выстрелов из-за забора двора. Оба упали, молодой вскочил и старался оттащить отца в сарай. Старик был мертв. Быстро и яростно, как дикие кошки, выскочили восемь остальных из сарая, забыв о своих ранах. Толпа казаков бросилась из ворот хутора. Началась неистовая борьба из-за трупа. Пять адыгов утащили старика в сарай, четыре остались мертвыми на месте. Несмотря на большое количество, русские, чтобы не жертвовать бесполезно людьми, ушли опять за здания и ограду хутора. Пули начали снова сыпаться градом на стены сарая. Адыги прикрывались внутри трупами своих братьев. Последние пять воинов были все ранены, один каждую минуту терял сознание, однако зарядил еще несколько раз свое ружье и выстрелил.

Наступило уже почти обеденное время. Около 40 часов не было ни капли воды на губах грабителей; сильная жажда была еще мучительнее от усталости и потери крови, но горячее желание отомстить за свою кровь смертью хотя бы нескольких врагов поддерживало их слабеющую энергию. Оставшиеся в живых подняли над трупом своего отца обычный в их стране траурный вопль, который русские слушали с удивлением и ужасом.

Огонь наконец со стороны русских совсем прекратился. Абазы не понимали, что это должно означать, как вдруг были оглушены двойным ужасным взрывом, от которого содрогнулась земля и почти опрокинулся сарай. Когда они пришли в себя, то половина стены сарая была взорвана и только Цекери и его младший сын, мальчик лет 17, были еще живы. [193]

Русские, чтобы окончить борьбу скорее и без дальнейших потерь с их стороны, доставили из ближайшей станицы два орудия и открыли пальбу по сараю. Цекери и его сын перебросились последним долгим взглядом; с пистолетом в левой и шашкой в правой руке бросились они с воплем в открытые ворота хутора, где стояли пушки. Град пуль встретил их. Цекери упал, едва сделав несколько шагов. Его сын умер у русских пушек. В теле Цекери еще теплилась жизнь. Стараниями русских врачей удалось почти вполне его вылечить. Его привезли в Екатеринодар, и при содействии абазы, находящегося на службе у русских, ему удалось бежать. Он принес известие о борьбе и смерти Бор-ока и его фамилии в горы, где народные барды воспевают героический конец старого льва; само собой понятно, что они благодаря этому случаю убили тысячи русских.

Я слышал всю эту историю сам, только более обстоятельно, из уст последнего оставшегося в живых, и она показалась мне довольно интересной, чтобы ее здесь привести; она дает также верное представление о разбойничьих вылазках, которые, впрочем, редко кончаются так трагически.

Зимой такие экспедиции легче, потому что переход замерзшей Кубани и отступление представляют меньше трудностей; но зато когда абреки выходят из камышей, не находят никакого прикрытия в голой плоской местности, потому что нигде в Черноморье не видно ни дерева, ни куста, кроме немногих фруктовых садов казаков. Кроме того, зимой бывает усилена стража вдоль границы и в станицах расквартирована линейная пехота. Набеги больших конных отрядов сделали бы скоро Черноморье необитаемым, но племена, которые живут на Малой Кубани и на Лабее, где переход через реку во всякое время года легок, от постоянных пограничных войн или весьма ослаблены, или совершенно уничтожены. Главная же причина, почему такие экспедиции из страны, где собрать 25 000

всадников очень легко, не совершаются в русские провинции, — это полное отсутствие военной организации и объединенных действий против врага. Как только соберется большая группа воинов, то всегда находятся изменники, которые за хорошие деньги [194] извещают врага, и только чрезвычайно редко удается большой набег. Поэтому почти всегда адыги устраивают маленькие набеги.

В 1858 году отряд из 480 всадников из Абадзехии попал в засаду и был оттеснен русскими к Кубани к такому месту, где берег был вышиной почти в 30 футов. Около 100 человек и почти все лошади разбились о лед. Таким образом, между абреками установилось обыкновение, что только очень близкие друзья, которые, безусловно, доверяют друг другу, небольшими группами в 5, 10 и редко больше 20 человек отправляются на правый берег Кубани, чтобы попытаться там свое счастье.

Жители Убыхии делают также часто набеги против своих соседей и соплеменников — южных абазов под предлогом наказать их за дружбу с русскими, но в основном, чтобы захватить добычу. Впрочем, они не причиняют им большого вреда. Зато часто делают совместно с абазами или сванетами более серьезные нападения на Грузию и Мингрелию. Абазы и сванеты сваливают обыкновенно всю вину на воинов Убыхии, которые будто бы грабят и их, и, чтобы не подвергнуться мести русских, они совершают даже мнимые экспедиции против Убыхии. Русские очень хорошо знают истинные обстоятельства дела, но предпочитают смотреть на это сквозь пальцы, чем вызвать опасное восстание этого племени.

Против независимого народа Адыге уже лет 30 со стороны русского правительства употреблялись все средства для их покорения. Достигнутые результаты сравнительно очень незначительны. Едва пятая часть равнин находится в настоящее время во власти русских, но обладание ими ежеминутно оспаривается. Кажущаяся покорность их в некоторых особенно угрожаемых местностях продолжается только очень короткое время, и жители пользуются каждым случаем, чтобы снова начать борьбу.

До Восточной войны русские думали, что они могут покорить страну при помощи системы отдельных крепостей. Около 50 малых и больших крепостей окружали страну с суши и моря и делали всякую связь с чужими краями [195] чрезвычайно трудной, а иногда и невозможной. Войска, действовавшие против Адыгеи, состояли обыкновенно из трех бригад линейной пехоты Черного моря, корпуса черноморских казаков и одной дивизии линейной пехоты Кавказского корпуса. Таким образом, против абазов всегда было выдвинуто 60-70 тысяч человек. Эти военные силы часто, когда того требовали обстоятельства, еще усиливались. Эта часть Кавказской армии образует ее правое крыло и имела свою главную квартиру, так же как и теперь, в Ставрополе.

Система крепостей, недостаточная для покорения страны, была, однако, чрезвычайно тягостна для адыгов. Обыкновенно жители должны были покидать свои жилища в окрестности вновь сооруженной крепости и уходить дальше в страну. Если местность гориста или сильно поросла лесом, то адыги могут еще держаться в своих юнэ на расстоянии пол часа ходьбы от крепости; напротив, в плоских и безлесных частях местность на расстоянии многих часов ходьбы необитаема и пустынна, как, например, на Малой Кубани. Хлеба и сенокосы убираются только с большим трудом, пастбища находятся всегда под угрозой, и коневодство и скотоводство адыгов от потери богатых лугов по Малой Кубани и по Лабе очень понизилось.

Чем энергичнее комендант крепости, тем тяжелее положение окружающих жителей. Совсем другое дело — иметь определенное количество хороших солдат в безопасной,

хорошо защищенной крепости, каждое мгновение готовых к походу, чем в глиняной сакле вечно ожидать нападения врага. Адыг не только солдат, он прежде всего земледелец. Бесперывные караулы, сражения, военные походы отлучают его часто от полевых работ и имеют вредное влияние на материальное существование его семейства. У русского солдата нет другого дела, как нести военную службу; адыг же одновременно и солдат, и крестьянин.

Как гарнизон крепости никогда не уверен в том, что не будет совершено нападение, так и близлежащие к крепости дворы всегда могут ждать наступления со стороны русских. Находятся, как уже часто упоминалось, негодяи и [196] изменники, которые не совестятся за хорошее вознаграждение давать коменданту сведения о расположении ближайшего юнэ и сами, переодетые в русскую форму, служат наступающими проводниками. Такие экспедиции предпринимаются русскими всегда ночью; они нападают на один или на несколько юнэ и потом быстро отступают к крепости. Если адыги подготовлены к такому нападению, то горе русским. Если колонна слаба, то можно сказать наверняка, что она больше не возвратится в крепость. Поэтому коменданты обыкновенно очень осторожны и не решаются легкомысленно на такие экспедиции.

Русские занимают обычно в апреле место, на котором должна быть сооружена крепость. Восемь — десять тысяч человек располагаются лагерем, который укрепляется рвами и валом, и работают в продолжение всего лета над постройкой крепости и разрежением близлежащих лесов и рощ, которые вырубаются и сжигаются, и над устройством широких дорог между этой и окружающими крепостями; при этом прежде всего обращают внимание на то, чтобы вблизи большого военного тракта, по меньшей мере на расстоянии ружейного выстрела, все деревья и кусты, которые могут служить врагу засадой, были срублены и сожжены. Со стороны адыгов постройка, из-за недостатка средств нападения, встречает очень мало препятствий. Они должны довольствоваться тем, что, насколько это возможно, затрудняют русским порубку своих лесов и доставку продовольствия и боевых припасов.

Осенью, когда крепость готова и внутренние постройки воздвигнуты, когда гарнизон привел в порядок боевые запасы и продовольственные магазины, когда поля и леса поредели, листья с деревьев опали, неприятельский корпус предпринимает набеги на страну, чтобы очистить район крепости от живущих в нем адыгов. Ближайшие дворы и жатвы, которыми можно было завладеть, сжигаются. Адыги уже очень хорошо знают способ ведения войны русскими и всегда вовремя увозят все свое имущество в безопасное место. Если горцы собираются в большом количестве, то русские возвращаются в свой укрепленный лагерь. Когда они узнают [197] от шпионов, что собрание разошлось, которое, как известно, не может продолжаться дольше 20 дней, потому что никто не может взять с собой продовольствия на более продолжительное время, то они снова выступают, чтобы выполнить свою задачу. Очень редко случается, чтобы неприятельский корпус всю зиму оставался в своем лагере. Это бывает только в том случае, когда крепость недостаточно готова, чтобы могла оказать самостоятельное сопротивление. Обыкновенно около половины ноября лагерь сносится и войска уходят через границу на зимние квартиры. Пехота батальонами или ротами размещается в станицах казаков.

Русское начальство часто пробовало, особенно в первое время Кавказской войны, устраивать большие экспедиции в глубь страны, но они не приносили ни малейшей пользы и стоили многих жертв. Летом такие экспедиции очень тяжелы; местность, особенно на равнинах, почти повсюду заросла густым лесом без тропинок и дорог, и чем дальше проникаешь в страну, тем затруднительнее становятся способы сообщения, тем гуще лес, тем выше горы, а что хуже всего — тем многочисленнее неприятель. Каждый

юнэ-из, которому угрожает враг, как пчелиный улей, высылают всех своих воинов. Враг становится тем ожесточеннее, чем дальше проникает в страну; русские видят себя окруженными спереди, сзади, со всех сторон неприятелем, которого трудно видеть и никогда нельзя захватить, который постоянно отступает и беспрерывно снова наступает.

Зимой, когда леса реже, особенно при сильном сухом морозе, наступательные действия легче и русские поставлены против адыгов в более благоприятные условия. Последним зимой еще труднее собраться в большом количестве, к тому же они недостаточно защищены от холода, в то время как русские войска могут быть сконцентрированы в любом количестве, хорошо обуты и тепло одеты.

Нужно принять во внимание еще одно важное обстоятельство, которое заставляет русских генералов быть весьма осторожными при направлении экспедиции внутрь страны. Русские должны также мало доверять в Абазии погоде, как обещаниям и словам ее жителей. Если внезапно прекратится [198] мороз, что случается очень часто, и наступает оттепель и дожди, то можно потерять всякую связь со своей базой и со своими частями. В равнинах дороги становятся совершенно непроходимыми, грязь делается так глубока, что артиллерия (страх абазов) не может двинуться ни вперед ни назад; самые маленькие ручьи вздуваются в быстрые реки; нигде нет ни города, ни деревни, ни дома, ни приюта, и адыг, который знает каждый брод, каждую тропу, использует при таких обстоятельствах беспомощность врага на все лады и хватает его неумолимо и неутомимо за горло. Такая экспедиция, особенно если она сильно отдалится от своей базы и продовольствие, которое солдат несет с собой, все выйдет (так как брать с собой продовольственный транспорт — значит затруднить еще более движение корпуса или сделать его даже иногда совсем невозможным), может поставить на карту само существование всего армейского корпуса, и русские уже достаточно умудрены опытом, чтобы согласиться на такое ведение войны, которое, кроме того, не приносит им никакой пользы.

В Дагестане, где в одном ауле живет часто несколько сотен семей, такие экспедиции еще достигают своей цели; уничтожение аула — всегда тяжелый удар для горцев, так как они в таких аулах складывают свое продовольствие и их дома часто построены из камня. Напротив, в Абазии, где один юнэ-из разбросан часто на двух-четырех квадратных милях, нужно долго искать, пока найдешь раскиданные по лесу дворы, и когда наконец придешь к одному из них, то он уже необитаем и пуст, хлеб зарыт где-нибудь вблизи, жители в безопасности в горах и лесах, и приходится всегда терять несколько солдат для того, чтобы сжечь с дюжину мазанок, которые адыг вновь построит в несколько дней.

Положение русского солдата на Кавказе лучше, чем в России, но только там, где они стоят в больших гарнизонах, на глазах у высших генералов. В пограничных крепостях, однако, его положение чрезвычайно печальное и тяжелое. Он не может осмелиться отойти на десять шагов от ворот крепости, не боясь, что его застрелят; часовые на валах никогда не могут быть уверены в своей жизни; часто солдат [199] месяцами ни днем ни ночью не снимает патронташа. При этом его плохо кормят, а офицеры, которые почти не подвергаются никакому контролю, пользуются этим обстоятельством, чтобы хорошо жить за счет содержания солдат, и часто приобретают целые состояния. Война на Кавказе стоила русскому правительству так дорого, что на это можно было бы, конечно, купить всю Турцию и Персию.

Коменданты отрядов и крепостей умеют извлекать из своего положения всевозможные выгоды. Из самой незначительной перестрелки они раздувают большое дело и составляют баснословные рапорты, в которых часто, кроме названия места и числа, нет ни одного

правдивого слова. Если абазы убьют у них значительное число людей, то они представляют их умершими от лихорадки или какой-нибудь другой болезни; они теряют редко более одного убитого, но зато не скупятся на количество адыгов, которых они, в своих донесениях, уничтожают. Если подсчитать лет за 30 всех официально убитых врагов, то придешь к результату, что на всем Кавказе, кроме русской царской армии, не осталось в живых ни одного человека.

Офицеры, которые долгое время служили на Кавказе, уверяли меня, что каждые семь лет эта армия вновь реформируется. Это значит, что в течение семи лет состоящая из 120 000 людей регулярная армия от болезней, лишений и войны полностью уничтожается и всегда должна пополняться свежими войсками. Потери нерегулярного войска, казаков и милиции здесь не принимаются совсем во внимание. Это сильное кровопускание для России, которая по этому расчету, со времен царицы Екатерины II похоронила в горах Кавказа более полутора миллионов солдат! [203]

ГЛАВА 9

Краткий обзор новейшей истории абазов. — Турки, татары и черкесы. — Соппротивление абазов магометанскому господству. — Христианство. — Уход осман с Кавказа. — Притязания русских. — Начало войны и дальнейший ход ее. — Моральное влияние имама Дагестана шейха Шамиля. — Он посылает своих наибов к абазам. — Смерть первого наиба. — Прибытие Мохамеда-Эмина. — Его первоначальные действия. — Уничтожение дворянства. — Изменение рабства. — Успехи магометанства. — Утверждение господства наиба в Абадзехии. — Военный поход против шапсугов. — Стычки с шапсугами. — Их подчинение. — Повышение авторитета наиба. — Гражданская и военная организация страны.

Абазы имеют двойное несчастье быть отрезанными в одинаковой мере как Россией, так и Турцией от всякой связи с цивилизованным миром. Они находятся, так сказать, между чумой и холерой, потому что с незапамятных времен турки были так же вредны и враждебны свободному развитию этой страны, как теперь русские. Я хочу только бросить беглый взгляд на историю Абазии с начала этого столетия. Политическое и военное положение турок в отношении абазов было тогда почти таким же, как в настоящее время положение русских. Вдоль берега Черного моря — в Анапе, Суджукке и Сухум-Кале в фортах находились турецкие гарнизоны, которые, однако, не могли выйти на расстояние получаса ходьбы за пределы крепости без того, чтобы не быть задержанными абазам. На правом берегу реки Лабы и у истоков Кубани жило несколько татарских разбойничьих орд — черкесов магометанского вероисповедания, которые только номинально признавали верховную власть султана и с христианскими абазам находились в непрерывной борьбе. Турецкие паши часто пытались вторгнуться в страну и принудить абазов к покорности и уплате податей, но они постоянно должны были отступать, разбитые наголову. Никогда ни один турецкий солдат не ступал на землю шапсугов, абадзехов или убыхов, а тем более — в южную часть Кавказа. Хотя туркам удалось в окрестностях Сухум-Кале привлечь к себе несколько фамилий и даже склонить их к принятию магометанской веры, а одна из этих фамилий получила наследственный княжеский титул и была признана Портой сувереном той части страны, которая в настоящее время называется княжеством Абазией; но влияние этих перебежчиков не было достаточно значительным для того, чтобы упрочить их и султана господство в стране. Турка, так же как теперь русского, всегда рассматривали как врага, и когда он выходил из своих береговых укреплений, его встречали ружейными выстрелами.

Жители держались своих старых христианских религиозных обрядов и питали отвращение к магометанству, так же как теперь — к русскому христианству. Однако и это не [204] помешало тому, что Абазия под именем Черкесии представлялась на всех картах принадлежащей Турции, так же как теперь она обозначается принадлежащей России. Не помешало это и тому, что по заключенному в Адрианополе миру Оттоманская Порта уступила никогда ей не принадлежавшие суверенные права России. Уже ранее значительная полоса земли по Кубани и по Лабе таким же образом была передана Портой России. На протест абазского народа не обращали внимания; царь объявил Абазию русской провинцией, флот получил приказ блокировать берег, а войска — занять страну. С этого времени и начинается действительная война между Россией и абазами. Последние скоро почувствовали разницу между турками и русскими.

В Южной Абазии вышеупомянутая княжеская фамилия была первой, которая присягнула на верность новому господину; в награду она была утверждена в своем суверенитете и предоставленных Портой правах, однако при условии принятия христианской веры. Добрые князья рассматривали это как незначительное препятствие, и Гамид-Бей, глава многочисленной фамилии, назвался князем Александром и сделался православным христианином, не отказавшись, однако, от многоженства.

Большая часть южных абазов, так же как и сванеты, приняли православное крещение тем охотнее, что это сопровождалось подарком на крестины от царя. Он состоял для беднейшего класса и для рабов только из одной рубашки и серебряного крестика, и крещение так понравилось горцам, что многие из них не довольствовались совершением этого акта один раз. Это им, однако, не мешало объявить, что они не будут предпринимать ничего враждебного против русских и охотно будут торговать с ними в Сухум-Кале, но не допустят никакого проникновения попов, чиновников и путешественников в свои горы, а при вступлении войск будут оказывать им сопротивление. Русские скоро увидели, что не так-то легко будет справиться с хитрыми и недоверчивыми абазами; и так как северная часть ни в какие переговоры вступать не хотела и начала открытую войну, то они довольствовались пока кажущейся покорностью юга. Они [205] построили только вдоль берега Черного моря и реки Ингур на границе с Имеретией крепости Сугдид, Анаклию, Гори, Архангела, Дранди, Сухум, Псирста, Анакопия и Бамбори и пытались при помощи торговли постепенно приручить абазов.

Сванеты, несмотря на перемирие, продолжали свои разбойничьи набеги в Мингрелию. Их покорение, которое стоило бы многих усилий и жертв и к тому же могло бы еще подстрекнуть к войне южных абазов и осетин, пришлось отложить. Осетины с давних времен жили с русскими в состоянии, близком к перемирию, благодаря чему русским был обеспечен безопасный проход через Дарьяльское ущелье.

Жители Большой и Малой Кабарды оказывали вначале сильное сопротивление вторжению русских, но должны были впоследствии покориться. Причина, почему они не могли продолжать свое сопротивление с тем же успехом, как адыги, живущие на северо-западе, коренилась прежде всего в характере их большей частью равнинной, мало приспособленной к защите страны, потом также в природе их смешанной с черкесами и лезгинами расы, в которой абазы составляли, правда, большинство, а адыгский язык являлся господствующим; черкесы же составляли довольно многочисленное племя узденей (дворян); кроме того, здесь, в Кабарде, имелось еще много татарских ханов и князей. Эти так называемые князья и дворяне были всегда первыми, которые покорялись врагу, чтобы укрепить и расширить свои личные привилегии. Впрочем, русские хорошо обращались с народной массой, оружие не отбиралось, не ставилось никакой русской администрации, только была введена незначительная, скорее номинальная, подать.

Состоящий на русской службе корпус, известный под названием кабардинский полк, собран из добровольцев со всего Кавказа. Абазский элемент представлен там очень слабо. Большое количество абазских фамилий ушло из Кабарды от русских в независимую страну адыгов.

Чтобы держать в повиновении Кабарду, русские воздвигли крепости: Терек, Урван, Нальчик, Баксан, Чегем, Моздок [206] и другие. Еще один раз кабардинцы имели случай восстать против русских. Во время нападения чеченцев под предводительством Шамиля в 1846 году 12 000 всадников ворвались в Кабарду, уничтожили много русских станиц и двинулись по направлению к Кубани. Многие жители Кабарды вначале присоединились к отрядам Шамиля в надежде освободиться от русского владычества, но так как эти последние не могли выдержать открытой борьбы с русскими и к тому же адыги, которые не хотели пускать чеченские орды в свою страну, не двигались и на все требования Шамиля оставались глухими, то последний вынужден был вскоре двинуться обратно, а несколько сотен сильно скомпрометированных кабардинцев должны были спастись от мести русских в Дагестане. Маленькие черкесские племена, которые жили на Малой Кубани, Лабе и Урупе, были слишком слабы для того, чтобы с успехом защищаться; одна часть их после непродолжительной борьбы покорилась, другие же или совсем были истреблены русскими, или ничтожные остатки их направились на левый берег Лабы, где они присоединились к сильному племени абадзехов и почти совсем слились с ним. Однако есть еще несколько сот дворов на границе Абадзехии, в которых преобладает кровь черкесов.

Татары Эльбруса, живущие на Кубани, татарское племя Науруз и другие без сопротивления покорились русским.

Мы подошли теперь к северной части Абазской страны, к адыгам, и сделаем краткий обзор истории их войны за последние 30 лет.

Южная часть страны, граничащая с так называемым княжеством Абхазией, никогда не подвергалась нападению со стороны суши, потому что высокие горы делали чрезвычайно затруднительной всякую военную операцию, но особенно еще потому, что русские должны были сначала привести к некоторой покорности большую часть непокоренных племен, которых они имели в тылу. Это им еще до сих пор не удалось; южные абазы, сванеты и осетины находятся в настоящее время в тех же самых отношениях к русскому правительству, как 30 лет назад, и не позволяют русским войскам проходить через их горы. [207]

На восточную и северную часть Адыгской страны с суши и на западную часть с береговой стороны русскими предпринимались регулярные нападения.

Операционной базой против Восточной Абазии служили город и крепость Ставрополь, где также находилось главное командование действующего в этом районе корпуса, известного под названием правый фланг Кавказской армии. Русские начали со своей любимой системы — возведение маленьких фортов (крепостей), и, не углубляясь в страну, что всегда было опасно и бесполезно, они заняли только всю линию реки Лабы до впадения Чаминка и возвели на небольшом расстоянии друг от друга 12 крепостей на Лабе и 2 — на Чаминке. Эти 14 крепостей 64 были предназначены для того, чтобы сдерживать нападения абадзехов и защищать на обоих берегах Малой Кубани покоренных черкесов и татарские племена, так же как и вновь сооруженные станицы. Они служили в то же время опорными пунктами для операций русских войск против абадзехов.

Корпус, который оперировал на этой линии и составлял гарнизоны этих крепостей, обычно состоял из одной дивизии линейной пехоты, нескольких грузинских линейных батальонов, некоторого количества казачьих полков с Дона и из необходимой крепостной и полевой артиллерии, в общем приблизительно из 20 000 человек, которые, смотря по обстоятельствам, усиливались регулярными войсками и милицией из Грузии. Хотя равнины абадзехов и были очень подвержены нападениям русских и много от них терпели, эта часть страны сохраняла, однако, беспрерывно свою независимость и в течение 30 лет задерживала продвижение русских по Лабе.

Северный операционный фронт русских тянулся от Усть-Лабинска вдоль Кубани до ее впадения в Черное море. Операционной базой его можно считать Екатеринодар — [208] главную квартиру черноморских казаков. На правом берегу Кубани была сооружена цепь малых и больших крепостей, чтобы препятствовать нападению шапсугов. В равнинах Шапсуга были заложены только две крепости на реке Абин, из них одна в 1854 году была оставлена, другая уже в 1842 году была разрушена адыгами, а гарнизон ее изрублен. В общем, русские в равнинах шапсугов не сделали почти никаких успехов. Против этой равнины оперировал корпус черноморских казаков, часто подкрепляемый другими линейными войсками.

Третий операционный фронт русских тянулся вдоль берега Черного моря, от устья реки Бзыбь до устья Кубани. Неприятель построил вдоль берега 15 крепостей 65 и расположил свою главную квартиру в Суджукке, который, так же как и Анапа, скоро вырос в маленький городок. Между Анапой и Суджуком была построена дорога, которая охранялась двумя новыми крепостями — Раевской и Николаевской. Между Суджуком и Абином, так же как и между Добай и Абином, русские войска проложили удобопроходимые дороги, которыми, однако, очень редко пользовались, т.к. каждый проход по этим дорогам стоил им много людей. Узкая полоса земли — Натухай, находящаяся между устьем Кубани и Черным морем, жители которой не могли защищаться с надеждой на успех, заключила перемирие с русскими, но на участке от Доба до Пицунды сражение никогда не прекращалось. Крепости по берегу были построены гораздо основательнее, чем на границе; расходы, которые русское правительство употребило для их сооружения, были огромны. Строительный материал был привезен морем из Крыма, и можно считать, что каждый камень стоил правительству 50 копеек серебром. Между этими многочисленными крепостями не было сообщения сушей. Русские должны были отказаться от попыток, которые они делали к устройству дороги через горы, из-за больших потерь [209] и энергичного сопротивления горцев; они должны были довольствоваться связью, которую поддерживали при помощи кораблей и баркасов. Корпус, который составлял гарнизоны упомянутых 17 крепостей, состоял из линейных бригад черноморской пехоты, небольшого числа донских казаков и необходимой артиллерии (около 400 орудий различных калибров). Этот корпус можно считать приблизительно в 15 000 человек пехоты, 1 000 всадников и 4 000 человек артиллерии, инженерного и административного войска — итого, следовательно, 20 000 человек, сила которых еще могла быть подкреплена войсками Черноморского флота и самим флотом.

После ухода турок абазы некоторое время предавались надежде, что теперь их свобода не будет стеснена. Русские, которые заняли прежние турецкие места в Анапе и Суджукке, не хотели с самого начала вступать в открытую войну с абазами и не скупались на разного рода обещания, что они не посягнут на свободу абазов. Между тем русские воспользовались этим временем, чтобы основать крепости и наладить связь.

Когда же абазы стали сопротивляться продвижению русских в страну и отправили депутацию с жалобой на нарушение их границ, то со стороны русских им наконец было

объявлено, что их страна по мирному договору в Адрианополе передана султаном России и что теперь они подданные царя. Адыги не могли понять, как султан мог передать их страну, которой он никогда не владел, кому-либо. На народном совете они решили: с одной стороны, сопротивляться до последних сил дальнейшему проникновению русских, с другой — отправить депутацию в Константинополь, чтобы требовать от Порты отмены незаконной передачи их страны.

Во главе этой депутации был поставлен черкесский князь Зан-оглы Сефер-бей, хорошо знающий турецкий язык: адыги избрали его потому, что он родился в турецком городе Анапе, был известен как друг и слуга турок, а также потому, что считали его влиятельным в Константинополе. Конечно, депутация была принята Портой неофициально. Но так как [210] Порта была убеждена, что русские нелегко сделаются господами в стране, то в Константинополе не было недостатка в поощрении к сопротивлению и во всевозможных обещаниях. Депутатов, не знакомых с искусством дипломатии, убедили, что уступка их страны явилась наказанием за их непослушание и их упорство в неверии: если же теперь они будут стойко сражаться, сделаются хорошими мусульманами и признают падишаха господином, то он примет их милостиво, ибо повелителю верующих безразлично, если неверный мятежный народ, как адыги, попадет в руки неверных московитов, между тем как он не допустит того, чтобы хорошие мусульмане, которые просили его о помощи, подпали бы под власть гяуров 66.

Чтобы придать еще больше бодрости депутатам, им были сделаны подарки и один паша взял на себя отправку орудий, боевых припасов и артиллеристов в Абазию. Депутаты возвратились в страну и дали отчет народному собранию о своей миссии. Адыгам все это очень понравилось, за исключением верховенства султана и принятия Корана; но так как они мало боялись господства турок, а мощь русских внушала им больше страха, то они не отклонили это предложение прямо и открыли пропаганде магометанства так долго закрытые двери. Таким образом, русские против своего желания сделались орудием распространения мусульманской веры среди абазского народа. Зан-оглы Сефер-бей, который играет роль и в дальнейшей истории Абазской страны, после отъезда депутатов остался в Константинополе. Так как, однако, его присутствие показалось русскому правительству опасным, то оно потребовало его выдачи, но потом удовольствовалось его водворением на жительство в Адринополь.

В конце 1830 года прибыли в Абазию обещанные артиллерия и транспорт с боевыми припасами. Он состоял из 15 орудий и приблизительно 300 бочек пороху. Четверо турецких артиллерийских унтер-офицеров были отправлены [211] с ними, чтобы научить горские народы обращению с пушками. Подарок был чисто турецкий: орудия старые, тяжелые, совершенно непригодные к Абазии, у которых не хватало принадлежностей, а пороховые бочки оказались наполовину пустыми (порох был расхищен, частью еще в Константинополе, частью в пути). Унтер-офицеры, которым в Константинополе все было представлено в неверном свете и которые были присланы без малейших средств, чувствовали себя беспомощными и через несколько недель возвратились в Турцию. Порох жители разделили между собой, орудия были переданы некоторым уважаемым фамилиям. Вскоре у пушек было сорвано железо с лафетов и колес и остались только металлические стволы. Эти 15 пушек не сделали ни одного выстрела по русским.

В то время как Порта давала невыполнимые обещания адыгам и при этом в первую очередь ставила религиозный вопрос, один имам в горных местностях Дагестана на Каспийском море достиг никогда еще не бывалого в тех местах влияния. Шейх Шамиль, мечтавший о господстве на Кавказе, пытался распространить свое влияние также и на страну абазов. Для этой цели он послал в 1842 году в Абазию одного из самых

решиительных наибов Хаджи-Магомета. Наиб появился в Абазии от имени тогда уже знаменитого на Кавказе шейха, которого он представил абазам как могущественного воина и пророка божьего, и заверял их в его помощи, если они примут магометанскую веру и будут повиноваться его приказаниям. Абазы видели, что все предъявляют им одни и те же условия, и так как они считали принятие магометанства единственным средством спасения против покорения их русскими, то нашлись многие, которые приняли новую веру. Наиб энергично принялся за дело, ставил имамов, основывал мечети и проповедовал священную войну против неверных русских, которых абазы начали называть гяурами.

Хаджи-Магомет умер в 1844 году; многие уверяют, что от яда, который ему дали приверженцы турок и черкесские уорки.

В 1844 году шейх Шамиль послал второго наиба по имени [212] Хаджи-Сулейман, который был смелее, энергичнее и решительнее, чем его предшественник. Он поселился в Абадзехии, где магометанство сделало наибольшие успехи, организовал род монахов по образцу мюридов Шамиля и сделал из них своих телохранителей: он судил по законам Корана, устраивал мехкеме и набирал муртазиков, проповедовал священную войну и преследовал как тех, которые вступали в общение с русскими, так и тех, которые не принимали веру Магомета или же недостаточно усердно исполняли его предписания. После того как он стал твердой ногой в Абадзехии, принялся распространять свое господство также и на другие части страны. Но в Шапсугии его нововведения встретили сильнейшее сопротивление и после нескольких кровавых сражений, которые произошли между его приверженцами и шапсугами, он должен был отсрочить свои намерения.

В 1846 году прибыл в Абадзехию молодой человек из Дагестана — Мохамед-Эмин. Он был долгое время первым писарем, или секретарем, у шейха Шамиля, считался его самым близким доверенным и слыл также после Шамиля самым ученым и набожным имамом. Вскоре после прибытия Мохамеда-Эмина исчез внезапно Хаджи-Сулейман; некоторые уверяют, что он был предательски убит (и это самое правдоподобное), другие — что он возвратился в Дагестан, но русские говорили, что он перешел к ним, и действительно показывали воззвания, написанные Сулейманом, в которых он возбуждал горские народы против учения шейха из Дагестана. Вероятно, однако, это был обман со стороны русских, потому что никто не видел Хаджи-Сулеймана со дня его исчезновения.

Вскоре после смерти наиба молодой Мохамед-Эмин предъявил свои полномочия и свое назначение в качестве наиба в Абазии от шейха Шамиля. Однако, казалось, он вовсе не хотел вмешиваться в дела страны, жил очень уединенно и был непрерывно углублен в молитвы и чтение Корана. Таким образом и прошел целый год, но во время этой кажущейся бездеятельности Мохамед-Эмин изучил самым точным образом характер абазов. Он заметил, что черкесы, [213] т.е. князья и дворяне, по примеру кабардинцев присвоили себе очень много привилегий у абазов и что народ их ненавидел: он видел много абазских рабов, которыми незаконно владели черкесы и которые свое рабство переносили с недовольством. Он взвесил силы одной и другой части и нашел, что черкесы составляют едва сотую часть населения. Самым большим препятствием казалось ему то обстоятельство, что все черкесы издавна были магометанами, в то время как большая часть абазского народа отвергала еще новую веру. Взять сторону неверующих против мусульман было для благочестивого имама и доверенного Шамиля трудно, но он сумел найти выход.

На одном большом народном собрании на реке Пшаха в Абадзехии в октябре 1848 года Мохамед-Эмин выступил в первый раз как наиб и заместитель Шамиля. Это выступление произошло с таким сознанием своего достоинства и такой энергией, что князья и дворяне,

которые утратили свое первоначальное недоверие, были застигнуты врасплох и как громом поражены. Молодой наиб, окруженный несколькими тысячами приверженцев, которых он завербовал себе в тиши, объявил на этом достопамятном народном собрании приблизительно следующее: позору адыгского народа должен быть положен конец, т.к. народ, принимая веру пророка, также вступает и в права мусульман; мусульманский закон не позволяет, чтобы один мусульманин был подвластен другому; привилегии, захваченные князьями и дворянами, должны быть с этого времени отменены; между мусульманами не должно господствовать различие сословий, не должно быть поэтому больше и речи о князьях и дворянах; Коран ставит рабству известные границы, вследствие этого рабство должно быть упорядочено и те, которые имеют по закону право на освобождение, должны быть освобождены.

Татарское дворянство схватилось за оружие, но было уже поздно: Мохамед-Эмин был к этому подготовлен и не находил уже более нужным шадить эту буйную касту. Многие были убиты, многие бежали из страны и искали защиты у русских; их дворы были сожжены, рабы их освобождены, имущество их было разделено между бедными; остатки [214] должны были покориться воле наиба, который довел дело до того, что черкесы с этих пор рассматривались в Абазии до некоторой степени как враги и были исключены из совета старшин. Эти нововведения наиба были встречены в Абазии всем народом с чрезвычайной радостью; хитрый и энергичный имам достиг этим того, чего не удавалось его предшественникам, — окончательного введения магометанства, которое в Абадзехии было принято почти повсеместно. Покровительство бедного народа позволило ему применять строгие меры против тех, которые не переходили в мусульманство.

Мохамед-Эмин сделался в Абадзехии почти всемогущим. Он привлек к себе народ многими путями: сначала религией, потом уничтожением черкесов и освобождением жителей от различных повинностей; наконец, освобождением большого количества семейств рабов, которые вступили в обладание конфискованными черкесскими имениями и судьба которых с этих пор была тесно связана с наибом. Он думал теперь о распространении своей власти на непринадлежащие еще ему части Адыгеи — Убыхию и Шапсугию. В Убыхии встретил он, с одной стороны, такое систематическое и энергичное сопротивление испугавшегося дворянства, которое там было, впрочем, более абазское и христианское, чем магометанское и черкесское; с другой стороны, наполовину христианское население было настолько против введения новой веры, что он принужден был отсрочить устройство этой части страны и распространение в ней магометанства. Однако ему удалось привлечь к себе некоторое количество молодых людей из Убыхии и использовать их для своих будущих целей.

Он обратил теперь свое внимание и свои старания на шапсугов, самую многочисленную и могущественную национальность абазского народа. Слава о его энергии и справедливости, о его ненависти к русским и его искренней дружбе с Шамилем предшествовала ему, но предшествовала ему и молва о его религиозном фанатизме и насилиях, которые он не боялся совершать, чтобы способствовать своей пропаганде, распространению и утверждению своего господства. В Шапсугии наibu недоставало, кроме того, одного из [215] важнейших рычагов, которыми он пользовался с таким большим успехом в Абадзехии: сословия дворян почти совсем не существовало в Шапсугии, только кое-где поселилось несколько фамилий уорков, которые не пользовались ни властью, ни уважением; рабы были также не многочисленны. Мнения в Шапсугии разделились; магометане, особенно духовенство, сделали все, чтобы подготовить народ к хорошей встрече наиба; местности по Абино и Натухаю, которые больше всего были под угрозой русских, ожидая помощи от наиба, пригласили его также к себе; но жители гор и равнин, особенно население пограничных рек Шапсуг и Афипс,

протестовали против его прибытия и приготовились к вооруженному сопротивлению. Но наиб сумел ловко использовать разноречивые мнения среди шапсугов.

В апреле 1849 года Мохамед-Эмин расположился лагерем на реке Псекупс вблизи границ Шапсугии и стал созывать всех добрых магометан, чтобы предпринять поход против шапсугов, Абадзехи последовали его призыву: 15 апреля было собрано около 20 000 пеших и конных воинов только из абадзехов, из Шапсугии также вышли навстречу наибу приблизительно 1 000 всадников, чтобы образовать его авангард. Он послал гонцов к племенам шапсугов и велел им сказать, что он пришел от имени могущественного имама из Дагестана — шейха Шамиля, заместителем и послом которого он являлся, что он не требует от шапсугов ничего другого, как хорошего приема для себя и своего войска, так как его поход направлен не против их страны, а против русских, которых он желает прогнать из крепостей. Этим он ловко вызвал новое замешательство среди шапсугов, и число последних, собравшихся вокруг него, достигло к 24 апреля 3 000 человек. Между тем в Шапсугии поднялись поголовно только жители пограничных рек Шепш и Афипс, которые собрались в количестве приблизительно 6 000 человек. На реке Догай произошел первый бой. Несмотря на свое превосходство, наиб должен был 25 апреля отступить. Утром 26 числа он, во главе вышедших ему навстречу шапсугов, сделал новое нападение и одержал полную победу. Около [216] 500 человек было убито с обеих сторон, но жители покорились и сделались магометанами 67.

На реках Убин, Афипс, Иль, Хаплъ, Антхыр и Богондур произошли кровавые бои, в которых наиб остался также победителем. На каждой реке он делал восьмидневную остановку; жители принуждены были один за другим повторять в его присутствии формулу Корана, после чего их записывали; они должны были присягнуть наибу в покорности, и когда он отправлялся далее, то население страны должно было следовать за его войском. Когда наиб прибыл на реку Абин, то стал господином равнин Шапсугии и стоял во главе войска более чем в 25 000 человек.

Его энергия, воздержание и ряд справедливых приговоров, которые он всегда делал в пользу бедных и угнетенных, наполняли не привыкших к покорности шапсугов и страхом, и восхищением.

От Абина наиб отправился в провинцию Натухай, которую русские теснили больше всего и которая вступила с ними в перемирие. Жители приняли его с распростертыми объятиями. Все соглашения с русскими были объявлены недействительными. Многие жители, известные как приверженцы последних, были жестоко наказаны, и народ решил, что только весь адыгский народ в целом, с согласия найба, может вести переговоры с врагом; всякие переговоры с русскими отдельных лиц, фамилий или частей страны рассматривались теперь как измена и наказывались.

Русские, после нападения найба на Натухай, заперлись в своих крепостях и приняли оборонительное положение. Несмотря на свои большие силы, наиб напрасно штурмовал крепости Анапу и Суджук, — скоро он понял, что без регулярного войска и без орудий не может ничем повредить русским. Он должен был удовольствоваться тем, что старался как можно лучше организовать защиту страны и затруднить русским сношения между собой. В Натухае он основал мехкеме, установил и взыскивал подати, организовал пешую [217] и конную жандармерию (муртазики) и назначил своего доверенного и лучшего военачальника по имени Ханок-зик начальником мехкеме в Натухае.

В равнинах Шапсугии, которые победоносно прошел, он учредил три мехкеме на реках Абин, Антхыр, и Убин. В Абадзехии было пять мехкеме: в Псекупсе, Пшише, Пшахе,

Шавготче и Бжедуге. Начальника каждого мехкеме назначал наиб, два кадия избирались тамадами. Совет мехкеме состоял из двух старшин, избираемых от каждого из восьми племен, в общем — из 16 тамад, которые заседали в суде, взыскивали подати и наблюдали за защитой страны. Начальник мехкеме имел исполнительную власть и командовал войском. Он имел в своем распоряжении отряд муртазиков, которые набирались следующим образом: каждый юнэ-из ставил одного вполне вооруженного всадника и одного пехотинца. Эти люди должны были жить в мечети, охранять арестантов, исполнять приказы наиба, начальника мехкеме и совета, собирать народ на совещания и на войну. За это конный муртазик получал в месяц 15 сапеток, пеший — 10 сапеток зернового хлеба; кроме того, он получал еще часть денежного штрафа (тапир), который должны были платить осужденные. Вооружаться, кормиться, одеваться он должен был сам. Если он терял свою лошадь на службе, то получал 100 сапеток зерна из магазина мехкеме.

После того как Мохамед-Эмин заставил признать и затем укрепил свою власть и свое влияние в Абадзехии, в равнинах Шапсугии и Натухае, ему осталось покорить еще важную часть Адыгской страны — горную Шапсугию и страну Убыхию. На горной цепи по берегу Черного моря от Суджука до Убыхии жила та часть шапсугов, которая более всех противилась введению магометанства. Наиб поступил очень мудро: он только в конце решился идти на эту часть шапсугов. Несмотря на то, что большое количество вновь обращенных в равнинах Шапсугии приверженцев наиба все лето подготавливало население, стараясь склонить обещаниями и угрозами своих соплеменников к принятию Мохамед-Эмина, он, однако, во время своего похода через горы, который был им начат в сентябре и окончен в ноябре, был [218] повсюду встречен хотя и без сопротивления, но с недружелюбной холодностью. Большинство горцев отказывалось повторять формулы Корана и присягать наибу в покорности, однако они не препятствовали постройке нескольких мечетей и организации трех мехкеме в Пшат-Мезибе, Шапсуге и Туапсе. Наиб шел к своей цели, как всегда, с большим терпением и сдержанностью, зная хорошо, что население гор не так скоро, как население равнин, меняет свои законы и обычаи.

Зиму 1849/50 года Мохамед-Эмин употребил на постройку одного мехкеме в Убыхии; там он нашел такую же холодную встречу, как и в горах Шапсугии, но так как в Убыхии видели, что вся Адыгская страна признала господство наиба, то они не думали ни о каком сопротивлении. Однако и здесь также Коран не получил широкого распространения.

Благодаря исключительной энергии и ловкости, Мохамед-Эмину удалось добиться того, что не удавалось ни его предшественникам, ни туркам, ни тем более русским, — разделить (впервые с тех пор, как ведется предание абазов), Адыгскую страну на настоящие административные округа. Эту трудную задачу разрешил молодой, едва достигший тридцатилетнего возраста, человек, один, без поддержки, в чужой стране, язык которой не был ему знаком, едва три года тому назад пришедший из Дагестана. Страна была разделена на 13 мехкеме, важнейшие административные посты были заняты послушными и преданными ему людьми, и более 1 000 конных и пеших муртазиков повиновались первому знаку наиба и приводили в исполнение его приказы.

Комментарии

53 Приблизительно 130 — 135 талеров.

54 Адмирал Серебряков — по рождению кавказский армянин, который раньше служил у турок в Анапе переводчиком. После передачи Анапы русским он поступил на службу к последним, где знакомство с абазами и знание страны сделали ему блестящую карьеру. Он стал адмиралом, не служив никогда на море.

55 Суджук уже перед последней Восточной войной вырос в город, в котором было несколько красивых улиц и много хороших строений. Штатское население было уже значительно и с каждым днем увеличивалось.

56 Я различаю всегда черкесов, на которых в Абазии смотрят как на непрошенных гостей, и абазов и адыгов, которые являются владельцами страны и образуют основную массу населения.

57 Цава-цауч, в отличие от мирных совещаний народа, называемых чилле-цауч.

58 По-арабски — «да будет так». У магометан значит то же, что у христиан «аминь».

59 Маленький ручей надалеко от Чепсина.

60 Рассказчик имел в виду картечь.

61 Мирными называют покоренных, подданных или только не действующих активно горцев.

62 Хутором называется в Черноморье изолированный загородный дом или ферма.

63 Сотник — капитан, который командует сотней казаков.

64 Крепости по Лабе назывались Аметлинская, Шалоховская, Подольская, Зассовская, Новодонская, Вознесенская, Житомирская, Махошевская, Лабинская, Родниковская, Курганская и Темиргоевская. На Чаминке находились крепости Егенскаевская и Каратюбинская.

65 Пицунда, Гагры, Адлер, Мамай, Головинская, Лазаревская, Туапсе (Вельяминовская), Ту (Тенгинская), Шапсуг (Михайловская), Чепсин (Новотроицкая), Пшад, Геленджик, Доба, Суджук и Анапа.

66 Я много беседовал с находящимися еще в живых членами депутации; все жаловались на недостаток искренности у турок.

67 Чтобы сделаться магометанами, достаточно повторить арабскую молитву: «Да илла, ла хак Магомет рессул илла» («Нет бога, кроме бога, и Магомет пророк его»).

Текст воспроизведен по изданию: Теофил Лапинский. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Описание очевидца Теофила Лапинского (Теффик-бея) полковника и командира польского отряда в стране независимых горцев. Нальчик. Эль-Фа. 1995

© текст - Гарданов В. К. 1995

© сетевая версия - Thietmar. 2009

© OCR - A-U-L. www.a-u-l.narod.ru. 2009

© дизайн - Войтехович А. 2001

© Эль-Фа. 1995

ТЕОФИЛ ЛАПИНСКИЙ

(ТЕФФИК-БЕЙ)

ГОРЦЫ КАВКАЗА И ИХ ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА ПРОТИВ РУССКИХ

ГЛАВА 10

Дальнейшая деятельность наиба. — Введение мюридов. — Недовольство абазов. — Политика русских. — Начало Восточной войны в 1853 году. — Интриги турок против наиба. — Назначение татарского князя Зан-оглы-Сефер-бея пашой и правителем Абазии. — Отступление русских из Абазии. — Прибытие турецких войск и офицеров. — Пассивное сопротивление наиба. — Политика турок. — Тяжелое положение русских на Кавказе. — Состав выставленной против Абазии, Дагестана, Мингрелии и Анатолии русской армии.

Труды наиба в первое время увенчались почти чудесным успехом. Энергичный молодой человек не оставлял ни на один миг свою работу; день и ночь на лошади неутомимо разъезжал он во всех направлениях по стране, сопровождаемый преданным отрядом, возбуждал к сопротивлению против русских, наказывая со строгостью, а часто и с жестокостью, изменников и перебежчиков, и особенно стремился сделать обряды новой религии, апостолом которой он стал, общенародными и для всех обязательными. Для поддержания этой пропаганды он ввел по примеру Шамиля монашеский орден мюридов и образовал из них отряд, в котором стремился вызвать фанатизм к новой вере.

Это было большой ошибкой. Не говоря уже о том, что Мохамед-Эмин не мог образовать из импровизированных абазских мюридов фанатиков, потому что дух этой расы противился вообще всякому религиозному фанатизму, настойчивое проведение магометанства возмутило большую часть адыгского народа. Новая вера была и без того противна народу, и понадобились ранее описанные обстоятельства, чтобы она укоренилась в стране. Мусульманский фанатизм, который, естественно, влечет за собой тиранию, должен был, однако, натолкнуться на упорное сопротивление народа, который привык рассматривать личную свободу как высшее благо. Наиб очень хорошо знал характер народа, во главе которого встал, и остерегался поступать с населением слишком деспотически, но его помощники, импровизированные мюриды, позволяли себе часто от его имени самовольные поступки, которые имели очень дурные последствия. Часто случалось, что стоило только наибу покинуть мехкеме, как жители уже восставали и прогоняли начальника мехкеме, кадиев и муртазиков; нередко сжигались общественные строения и мечети. Это особенно часто случалось в Убыхии и в горах Шапсугии. В Абадзехии, где поселился Мохамед-Эмин и, так сказать, имел свой двор, где народ, освобожденный от гнета черкесов, из благодарности и своих собственных интересов был больше привязан к его личности, введенная им административная система действовала довольно правильно. [222]

Русские с 1850 года отказались, по-видимому, от всякой серьезной войны. Они довольствовались тем, что держали свои крепости на осадном положении и все более и более затрудняли всякую связь с турками и начали придерживаться своего рода примирительной системы. Командовавший берегом Черного моря адмирал Серебряков был ревностным представителем этой системы. Он знал адыгский язык и поддерживал многочисленные связи с некоторыми влиятельными фамилиями в Натухае. Однако впоследствии оказалось, что адмирал, хотя и был лучше всех русских офицеров знаком с обстоятельствами дела в Абазии, но значительно заблуждался в характере адыгов,

которые были столь же недоверчивы к русской политике, сколь вооружены против русской армии.

Опасность быть покоренными русскими и энергия наиба Мохамед-Эмина привели адыгский народ к неизвестному еще дотоле единению и, по крайней мере, к видимому принятию магометанства. Необходимо было еще только немного времени, чтобы укрепить это вновь возведенное здание. Наиб начал серьезно думать о том, чтобы распространить свое господство на южные племена, которые находились в перемирии с русскими.

В таком положении застала Абазию, которую, заметим между прочим, Порта никогда не выпускала из вида, в 1853 году война, вспыхнувшая между Турцией и Россией. Успехи магометанской веры в Константинополе очень одобрялись и поощрялись. Ведь это было единственное средство сделать влияние Турции значительным. То, что не удавалось ей в продолжение многих столетий, когда она владела частью Кавказа, сделалось теперь само собой: русские стали, опять без их ведома и желания, орудием пропаганды Корана и авторитета повелителя правоверных.

Пока в начале войны на Черном море господствовал русский флот, турки не могли и думать о том, чтобы серьезно заботиться об абазлах: но как только, благодаря вступлению в Черное море англо-французского флота, русские силы были ослаблены и сношение с абазским берегом сделалось свободным, Порта решила взять руководство делами на Кавказе и абазским народом в свои руки. [223]

По турецким понятиям, каждая страна, населенная магометанами, принадлежит по праву султану. Абазы были мусульманами, турецкие государственные люди не находили поэтому нужным спрашивать их, кому они желают подчиняться — мусульманин не имеет национальности. Но одно обстоятельство наполнило Порту беспокойством и недоверием. Наиб, сделавшийся таким могущественным, был в Абазии заместителем имама Дагестана; он всегда выступал от имени Шамиля и никогда не упоминал имя султана; поэтому в Константинополе опасались, что наиб не очень будет склонен, обойдя Шамиля, перейти под непосредственное начальство султана, но даже и в этом случае сам он казался Порте слишком сильным и самостоятельным, так что они предпочли бы поставить во главе абазов менее независимого и более надежного человека.

Выступить открыто против Мохамед-Эмина и объявить его лишенным своего положения было бы неполитично, во-первых, потому что наиб мог бы и не послушаться приказа султана, а он стоял слишком крепко, чтобы его можно было принудить к этому силой; во-вторых, потому что пришлось бы вступить в открытую ссору с шейхом Шамилем. Наконец, потому что старо-турецкая фанатично магометанская партия, которая очень сильна в Константинополе и которая шейха Шамиля и его наиба Мохамед-Эмина считала святыми и высокочтимыми людьми, настороженно отнеслась бы к открытому выступлению правительства против них. Поэтому Порта придумала средства, которые могли бы подорвать могущество наиба без большого шума и искала людей, которых можно было бы использовать для этой цели.

В Константинополе не имели верного представления о стране и людях Абазии и турецкие сановники слишком легко верили обманам, которые им преподносили различные хитрые и корыстолюбивые лица. Читатель, наверное, помнит о выданном по требованию русского посольства в Адрианополь князе Зан-оглы Сефер-бее. Находясь в приятном заточении, этот добрый человек решительно отклонял всякие предложения к бегству в Абазию, которые ему часто делались высокими лицами. Он хорошо знал, что в Абазии, [224] где

он был чужой, ничего не сможет достигнуть без поддержки Порты; с татарской хитростью он рассчитал, что ему будет гораздо выгоднее сделаться значительным человеком у турок, получать хорошую пенсию и издали представлять из себя для абазов важную личность, страдающую за них и настолько опасную для русских, что эти последние потребовали его интернирования, чем возвращаться в Абазию, куда ему во время его более двадцатилетнего пребывания в Адрианополе была открыта дорога сотни раз. Он стал очень стар, толст и тяжел на подъем, его духовные способности, от природы более чем посредственные, при двадцатипятилетнем бездействии не могли развиваться; в молодости он был смелым наездником, одним из лучших стрелков и прославленным в степях Кубани конокрадом. Взятый в плен русскими, он был определен в мусульманский добровольческий полк, участвовал в авангарде Платова в походах 1813 — 1815 годов и при этом увидел Париж. Освобожденный русскими, он поступил на частную службу пашой в Анапу и, после заключения мира в Адрианополе, приехал, как уже сообщалось выше, с депутацией адыгов в Константинополь. Этот старый человек видел, следовательно, много, но никогда не нес ни одной серьезной службы и не занимал какого-либо важного места. Порта решила послать его каймаком 68 в Абазию. Его татарское происхождение, ложный взгляд, что он пользуется значительным влиянием в народе, особенно же протекция шурина султана, Мохамед-Али-паши, военного министра в то время, хорошо рекомендовали его турецкому правительству. После его прибытия в Константинополь в диване 69 обсуждался вопрос об экспедиции в Черкесию 70. Сефер-бей, хотя ежеминутно и уверял, что страна с нетерпением ожидает его прибытия, требовал, однако, не менее целого армейского корпуса, чтобы изгнать наиба и завладеть [225] страной, В самом диване мнения разделились: Мохамед-Али-паша поддерживал со всей энергией кандидатуру Сефер-бея; Рашид-паша, хотя и не был знаком с положением в Абазии, заметил, что старый Сефер-бей, кажется, более обещает, чем может сделать, и предложил дать ему помощника в лице Безед-паши. Этот Безед-паша был молодой абазский раб, которого Рашид-паша воспитал в Париже и потом сделал своим секретарем и пашой: так как он в умственном отношении намного превосходил старого Сефера и еще имел то преимущество, что хоть он был и раб, но все-таки урожденный абаз, то предложение Рашид-паши было принято во внимание. Только один министр дивана, Фети-Ахмед-паша — шурина султана и мушир Тофанэ 71, был дальновиднее, чем все остальные, и был поэтому совершенно противоположного мнения. Он предложил назначить наиба министром и каймаком, доставить ему фирман султана, послать ему отряд регулярного войска, артиллерии и денег и положиться на его лояльность. Но об этом большинство членов дивана не хотело и слышать.

Из этих противоположных мнений самых влиятельных министров, естественно, должно было выйти что-нибудь непрактичное, и так как хотели угодить каждому из трех министров, то была взята средняя линия, чем все было испорчено и было парализовано участие абазов в войне.

Было решено назначить князя Зан-оглы Сефер-бея мирмираном 72 и генерал-губернатором Черкесии. Каждая из четырех народностей Абазии должна была, кроме того, получить еще заместителя генерал-губернатора, также с чином мирмирана. Губернатором Шапсугии был назначен живущий там богатый турецкий купец Хаджи-Измаил, который много лет жил в стране, был очень уважаем и находился в кровном родстве со многими абазскими фамилиями. [226] Абадзехия была предоставлена наибу Мохамед-Эмину, от которого нельзя было избавиться, как губернатору. В Убыхию был назначен губернатором любимец Рашид-паши Безед-паша; в Южной Абазии был утвержден в своей должности князь Александр. Всем губернаторам были заготовлены фирманы на титул паши и о назначении в мирмираны.

Эта политика не удовлетворяла никого, кроме Сефер-бея. Назначение Сефера, который был в Абазии представителем старочеркесской дворянской партии, влияние которой народ только что уничтожил, было, так сказать, недружелюбным шагом Порты против адыгской массы; назначение турка Хаджи-Измаила было принято равнодушно; зато назначение Безед-паши, ими проданного раба, сильно возмутило дворян и свободных в Убыхии. Они не могли понять, какие заслуги мог иметь этот молодой раб (ему было 24 года), чтобы его послали в качестве их начальника, и когда они узнали об этих заслугах, то Безед-паше нечего было делать более в Убыхии. Князь Александр не нуждался в назначении пашой и был бы очень рад освободиться от протекции России, но не с тем, чтобы попасть под господство Турции. Мохамед-Эмин был чрезвычайно оскорблен тем, что у него отняли две третьих подчиненной ему территории, даже не спросив его об этом.

Прокламация султана была передана новому генералу-губернатору эйлат (провинции) Черкесии — Сефер-паше, который должен был объявить ее верноподданным падишаха. Эта прокламация должна была уверить население в великом счастье и милости неба, которое давало им возможность возвратиться под владычество султана.

Можно было бы только бы смеяться над всей этой печальной комедией, если бы ее последствия не были так грустны для находившегося и без того в тяжелом положении адыгского народа, не так вредны для самой Турции и одновременно так полезны для России. Порта позволила насмеяться над собой дюжине черкесских лунов и абазских рабов и потеряла единственный случай, когда Абазия могла бы быть освобождена от российского владычества. Если бы Порта признала наиба начальником страны и, вместо того чтобы подкапываться под него, укрепила бы его положение, [227] послав ему пять-шесть тысяч человек регулярного войска с одной хорошей полевой батареей для подкрепления, то не подлежит никакому сомнению, что наиб и шейх Шамиль признали бы господство султана и с 70-80 тысячами человек двинулись бы против русских. Одна такая диверсия причинила бы с защитой Грузии и Тифлиса так много беспокойства русской Кавказской армии, что она <не> смогла бы выделить, как это случилось позднее, один армейский корпус против Карса, другой — в Крым.

Мохамед-Эмин был единственным человеком в Абазии, который мог бы привести народ к признанию Порты и к окончательному принятию магометанской веры, и даже в том случае, если бы Абазия не сделалась турецкой провинцией, а просто осталась независимым союзником Турции, даже и тогда это было бы чрезвычайно выгодно для безопасности малоазиатских владений. Оттоманское правительство и не могло иметь законных притязаний на эту страну, так как она никогда не была в ее фактическом владении, а абазы в неисчислимых протестах оспаривали право Порты уступать их независимую страну русским; точно так же казалось бы естественным, что Турция без согласия ее союзников не должна была думать ни о каких приобретениях новых стран. Было бы поэтому лучше довольствоваться тем, чтобы упрочить естественный барьер между Россией и Азией и предоставить времени и обстоятельствам, которые в дальнейшем, может быть, были бы благоприятны, присоединение Абазии как провинции к Оттоманскому государству, чем внезапно посредством нескольких фирманов пытаться завладеть страной, которой турецкие войска не могли овладеть в продолжение многих столетий.

Но несколько жадных черкесов, специально прибывших в Константинополь, чтобы искать помощи против наиба и добиться возвращения своих потерянных привилегий, эксплуатируя при этом доверие и неосведомленность Порты, дабы лучше обмануть турецкое правительство, заключили союз с кучкой стуречившихся абазских рабов, которые старались казаться имеющими значение в глазах своих господ и были горды тем,

что черкесские дворяне признают [228] их своими родственниками; обман этот удался им настолько, что даже самый умный и сведущий из турецких сановников Рашид-паша дал ввести себя в заблуждение. Я не могу за это ручаться, но я слышал позднее очень часто как в Константинополе, так и в Абазии, что русские агенты весьма старались восстановить турецких сановников против наиба и помешать использовать его услуги.

Когда наконец была решена и установлена линия поведения в черкесском вопросе и у нового генерал-губернатора Сефер-паши спросили, что он думает делать, где он хочет основаться и какую материальную помощь может выставить на Кавказе в войне против русских, то Сефер-паша, который наконец убедился, что Порты не в состоянии дать ему целый армейский корпус, а едва сможет отрядить 2 000 человек, все-таки пообещал большие дела. Он говорил, что на Кавказе все, от мала до велика, знают его и по его призыву не только Абазия, но также Дагестан, Грузия и все другие страны восстанут против русских. Когда старик был в хорошем расположении духа, то он обещал туркам в течение одного месяца собрать вокруг себя 100 000 человек и взять Тифлис. Когда же дошло до дела, то оказалось, что Сефер-паша даже не рискует высадиться на берег независимой Абазии. Он предпочел укрепиться в оставленной русскими крепости Сухум-Кале под защитой турецких войск; турки рассчитывали на него, а он, в сущности, рассчитывал единственно только на турок и думал, что его титул паши и магическое имя падишаха, заместителем которого он является, будут импонировать горцам. Он сам очень плохо знал внутреннее положение страны и жестоко ошибался в своих расчетах. Сефер-паша просил в Константинополе вооружения для регулярного корпуса в 4 000 черкесов. Он обещал сейчас же после того, как высадится на берег, сформировать такой корпус.

Для высшего руководства военными операциями был назначен мушир турецкого корпуса, стоявшего у Батума, Мустафа-паша. Следуя приказу Порты, он послал в Сухум-Кале все, что было необходимо для формирования корпуса из 4 000 человек. Когда Сефер-паша получил оружие, [229] снаряжение и все необходимое, он не знал, что ему с этим предпринять. Он не мог найти не только 4 000, но и четырех абазов, которые захотели бы быть его солдатами. Он выпутывался как только мог. Я помню, что он часто жаловался мне несколько лет спустя на свое положение в Сухум-Кале. «Дали мне, — говорил он часто в дружеской беседе, — 12 пушек, 4 000 ружей, много пороха и множество вещей, но никаких денег, и хотели, чтобы я набрал солдат; два миллиона пиастров получил мушир Мустафа-паша, но он не дал мне ни одного пара 73, а прикарманил их себе».

Я думаю, что если бы Сефер-паша получил два миллиона, то из этого получилось бы то же самое, с той только разницей, что вместо мушира он сам прикарманил бы себе эти два миллиона.

Между тем русские, угрожаемые флотом союзников, спешно покинули все крепости вдоль абазского берега, чтобы не оказаться запертыми между неприятельскими судами и абазами и не попасть в плен. Материальный убыток, который понесло от этого отступления русское правительство, был неизмерим. Двадцать две крепости, из которых многие были окружены стенами и внутри хорошо отстроены, должны были быть оставлены с большой поспешностью и без малейшего сопротивления. На северном берегу продержались еще недолгое время лишь две крепости — Суджук и Анапа, откуда гарнизон всегда мог отступить на материк. Гарнизоны крепостей были усилены и ожидали наступления союзников. Кроме того, один корпус из 20 000 человек был размещен между Суджуком и Анапой. Две крепости — форт Раевский и форт Николаевский, лежащие между этими крепостями на военной дороге, также держались до оставления первых. Остались в руках русских все крепости, лежащие вдоль Кубани и Лабы, и форт на реке Абин; гарнизоны в них были даже усилены. Русские приготoвились к тому, что со

стороны союзников будет произведено энергичное наступление на их владения на Кавказе. Но как только высадка в Крыму переубедила их в этом, они [230] переменили, как мы увидим, расположение своих войск на Кавказе.

Можно представить себе удивление и ликование абазов, когда они увидели страшного и неуловимого врага бегущим без сопротивления. Они нападали на оставленные крепости. Поспешность, с которой русские должны были садиться на суда, вынудили их оставить много необходимых предметов, которые они не имели даже времени уничтожить. Большая часть тяжелых железных крепостных орудий не могла быть погружена на суда, поэтому орудия были всевозможным образом приведены в негодность, а лафеты сожжены. Нужно полагать, что абазы начисто разграбили крепости. Они не пренебрегли ни одним куском обработанного дерева, ни одним гвоздем в стене. В скором времени оставленные крепости превратились в кучу развалин: но заполнять рвы и сносить валы было для адыгов слишком тяжелой работой: поэтому враг нашел после войны опять повсюду готовые позиции.

Между тем новый генерал-губернатор Черкесии в сопровождении Безед-паши, со штабом, составленным из турок, черкесов и венгерских ренегатов, высадился в Сухум-Кале. Отряд турецких войск содействовал высадке и занял оставленные русскими город и крепость. Что хотел делать Сефер-паша в Сухум-Кале, он сам хорошо не знал. Впрочем, он был очень доволен своей персоной. Он сделался пашой, получал большое жалованье, имел солдат для своей охраны и слуг для набивания трубок; пока он имел, следовательно, все, о чем мог только мечтать, о дальнейшем же предоставлял заботиться господа богу.

По идее турецкого военного министра, Сухум-Кале должен был служить базой для диверсии против Тифлиса. Мохамед-Али-паша был одним из тех, которые упорно верили в общее восстание Кавказа в пользу султана. Он смотрел поэтому на выступление могущественного Зан-оглы Сефер-паши с 100 000 человек против Тифлиса, как на решенное дело. Предоставим, однако, старому Сеферу в Сухум-Кале думать об использовании обещаний, данных им Порте, и посмотрим, что произошло между тем в Адыгской стране с начала войны. [231]

Как только форты по абазскому побережью были оставлены русскими и открылось сообщение с Турцией, появились различные турецкие и арабские прокламации, доставлявшиеся большей частью черкесскими уорками из Константинополя, в которых объявлялось о вступлении султана во владение Абазией, а народ призывался к повиновению и верности. Уорки привезли, кроме того, множество писем с призывами к адыгам воздержаться от повиновения и вообще от каких-нибудь проявлений дружеских или зависимых отношений к Мохамед-Эмину, потому что он враг падишаха, в противном случае могущественный султан, который повелел изгнать русских, опять даст им позволение идти войной против страны абазов. В Шапсугии и Убыхии, жителей которых всегда раздражало рвение наиба в деле обращения их в магометанство, этого было достаточно для того, чтобы совершенно подорвать его еще слабый авторитет.

В несколько дней была опрокинута с таким трудом введенная административная система, мехкеме были сожжены, начальники изгнаны, кадии и муртазики должны были разойтись по домам. Но на этом горцы не остановились. Так как русские теперь отступили, то оказался не нужен более и пророк Магомет. Во многих местностях, особенно в горах, жители сожгли поэтому мечети и восстановили опять старые кресты.

В Абадзехии остатки черкесских дворян, лишенных наибом их привилегий, старались возмутить народ против него, прилагая все усилия к тому, чтобы народ считал его врагом

властителя правоверных. Но узы, которые в Абадзехии связывали народ с наибом, были слишком сильны и многообразны, чтобы это могло удасться. Почти весь народ объявил, что не согласится в угоду султану или кому-нибудь другому покинуть наиба.

Безед-паша отправился на свой пост в Убыхию. Бедный молодой человек, который в блестящем турецком рабстве забыл язык своего отечества, не знал даже, с чего ему начать. Он не имел ни денег, ни войска, а только несколько офицеров и слуг для сопровождения. В первое время, пока он имел еще некоторые средства, он был принят довольно хорошо; но [232] когда ему нечего было больше давать и он начал разговаривать тоном паши, то абазы начали смеяться ему в лицо и объявили ему, что хотя его султан так могуществен, что может из рабов делать пашей, однако он не достаточно силен для того, чтобы отдать их под начальство их бывшего раба: ему привели также в насмешку двух мальчиков-рабов, в которых он узнал своих братьев, и предложили их выкупить. Безед-паша скоро утратил свои иллюзии; он заметил, что и Сефер-паша, который очень неохотно терпел вблизи себя любимца великого визиря, также интриговал против него. Когда он убедился, что ничего не в состоянии сделать в стране, то сел однажды на корабль и возвратился в Константинополь, куда привез известия Порте, что абазы — никуда не годный народ, из которого ничего нельзя сделать и который не заслуживает того, чтобы правительство заботилось о нем.

Хаджи-Исмаил-паша — турецкий купец, который был назначен губернатором Шапсугии, знал страну очень хорошо и обладал слишком большим тактом, чтобы бесполезно компрометировать себя и серьезно отнестись к своему положению. Он держался поэтому в стороне, выжидая дальнейших шагов оттоманского правительства.

Интервенция Порты в Абазии имела, следовательно, только те последствия, что порядок в Абадзехии был поколеблен, а в Убыхии и Шапсугии — совершенно уничтожен.

Сефер-паша после своего прибытия в Сухум-Кале послал приглашение наибу, князю Александру и тамадам всех абазских племен на общий народный совет. Против всех ожиданий наиб Мохамед-Эмин был одним из первых, кто прибыл и приветствовал заместителя султана. Но одаренный молодой человек скоро обнаружил всю комедию, которую играл старый Сефер, понял также совершенное бессилие Порты против России и злые намерения против него. После короткого пребывания в Сухуме он возвратился, не дав ни малейших обязательств, обратно в Абадзехию. Князь Александр из Южной Абазии, который Портой был назначен пашой, находился также в Сухум-Кале, но не хотел брать на себя какие-либо обязательства, отговариваясь тем, что [233] подвластная ему часть страны христианская и очень не расположена к туркам. Из всех других частей страны также прибыли депутаты: но отчасти тон, который Сефер-паша принял по отношению к ним от имени султана, был им неприятен, отчасти же они не могли понять, чего же, собственно, он от них хочет; и это было действительно нелегко, так как старый князь не знал этого обычно и сам. Таким образом, все эти депутаты возвратились обратно недовольные и ничего не сделав.

В Сухум-Кале сделалось опять пустынно и глухо; Сефер-паша со своим гарнизоном был как бы блокирован с суши, потому что живущие кругом абазы не выпускали никого из крепости; отдельные же турецкие солдаты, удалявшиеся далеко от крепости, захватывались в плен подкарауливавшими их абазами и продавались в горы. Были даже случаи, что беззаботные турецкие часовые похищались ночью с их постов.

В своих рапортах в Порту Сефер-паша оправдывался тем, что эта часть Абазии населена гяурами, с которыми ничего нельзя предпринять, и потому он может только по прибытии в страну адыгов выполнить данные им в Константинополе обещания.

Между тем отряд флота союзников напал на русских в Суджук и Анапе и после непродолжительного сопротивления эти две крепости были очищены. Маленькие крепости — форт Раевский и форт Николаевск, как и крепость на реке Абин, также были оставлены.

Русские заняли теперь позицию на правом берегу Кубани, где они держали укрепленные пограничные посты; главный город черноморских казаков — Екатеринодар, как и все станицы в Черноморье, по высшему приказанию был очищен от жителей, а население со своими стадами и имуществом отступило на Волгу.

Вдоль Кубанской линии была выставлена армия из 100 000 человек, и русские считали свою позицию на Кавказе настолько опасной и были так уверены в том, что они здесь подвергнутся нападению союзников, что вся Кавказская армия была поставлена на военное положение, резервы и нерегулярная милиция призваны, а правый фланг [234] подкреплён ещё одной дивизией пехоты и артиллерийской бригадой из 5-го армейского корпуса.

В апреле 1854 года состояние русской армии на Кавказе было следующее.

1. Правый фланг Кавказской армии был расположен от полуострова Тамани до Дарьяльского ущелья, фронтом против Северной Абазии.

Пехота

15-я дивизия	16 батальонов	16 000 человек
3 бригады черноморской пехоты	18 —«—	18 000 —«—
Грузинская регулярная линейная пехота	4 батальона	4 000 —«—
Стрелки	4 —«—	4 000 —«—
Пехота черноморских казаков	9 батальонов	9 000 —«—
Пешая милиция	16 000	—«—

Всего 67 батальонов 83 000 человек

Кавалерия

1 полк драгун	8 эскадронов	1 200 человек
12 полков черноморских казаков	72 эскадрона	10 800 —«—
8 полков донских казаков	48 эскадронов	7 200 —«—
Конная милиция	2 000	—«—

Всего 128 эскадронов 21 200 человек

Артиллерия

3 бригады полевой пехотной артиллерии	по 48 орудий	144 орудия	3 600 человек
4 бригады конной артиллерии	по 16 орудий	64 —«—	1 600 —«—

Всего 208 орудий 5 200 человек

Штаб, инженерные войска, резерв артиллерии, администрация и т.д. — приблизительно 2 600 человек. Правый фланг, таким образом, всего : 208 орудий и 112 000 человек.

2. Армейский корпус в Мингрелии, фронтом против Абазии и против восточного берега Черного моря. [235]

Пехота

2 бригады 21-й дивизии 8 батальонов 8 000 человек
Грузинская регулярная линейная пехота 4 батальона 4 000 —«—
Пешая милиция 20 000 —«—

Кавалерия

Конная милиция 2 000 человек
2 полка донских казаков 12 эскадронов 1 800 —«—

Артиллерия

2 пехотные полевые батареи 24 орудия 600 человек
1 конная батарея донских казаков 8 орудий 200 —«—
1 бригада горной артиллерии 32 орудия 800 —«—

Штаб, инженерные войска, резервная артиллерия, администрация и т.д. приблизительно
1 600 человек

Армейский корпус в Мингрелии

Всего 64 орудия 39 000 человек

3. Армейский корпус в Дагестане фронтом против независимых племен чеченцев, аварцев, кумыков и лезгин под предводительством шейха Шамиля.

Пехота

Грузинская регулярная линейная пехота 4 батальона 4 000 человек
Пехота линейная казаков 4 —«— 4 000 —«—
Пешая милиция 12 000 —«—

Кавалерия

1 полк драгун 8 эскадронов 1 200 человек
18 полков линейных казаков 108 —«— 16 200 —«—
Конная милиция 2 000 —«—

Артиллерия

2 батареи горной артиллерии 16 орудий 400 человек
3 бригады конной артиллерии 48 —«— 1 200 —«—

Штаб, инженерные войска, резервная артиллерия, администрация и т.д. 1 000 —
«—

Армейский корпус в Дагестане

Всего 64 орудия 42 000 человек

4. Армейский корпус из Тифлиса, расположенный вдоль турецкой границы в Малой Азии и прикрывающий столицу Кавказа.

Пехота

1 бригада гренадер 8 батальонов 8 000 человек
1-я бригада 21-й дивизии 8 —«— 8 000 —«—
19-я дивизия 16 —«— 16 000 —«—
Стрелки 4 батальона 4 000 — «—

Всего 36 батальонов 36 000 человек

Кавалерия

2 полка драгун 16 эскадронов 2 400 человек

8 полков донских казаков 48 —«— 7 200 —«—

Конная милиция 3 000 —«—

Всего 64 эскадрона 12 000 человек

Артиллерия

2 бригады пехотной артиллерии 96 орудий 2 400 человек

2 —«— конной —«— 32 орудия 800 —«—

Всего 128 орудий 3 200 человек

Штаб, инженерные войска, резервная артиллерия, администрация и т.д., приблизительно 2 200 человек

Армейский корпус из Тифлиса

Всего 128 орудий 54 000 человек

[237]

Сводка

Армейский корпус против Абазии 208 орудий 112 000 человек

—«— —«— в Мингрелии 64 орудия 39 000 —«—

—«— —«— в Дагестане 64 —«— 42 000 —«—

—«— —«— у Тифлиса 128 орудий 54 000 —«—

В Кавказской действующей

Всего 464 орудия 247 000 человек

Кроме того, были призваны все резервы и включены в состав армии, так что вся Кавказская армия в короткое время могла быть доведена до внушительного количества в 300 000 солдат с 600 полевыми орудиями. Если мы внимательно просмотрим расположение русской армии в апреле, которое привели выше, то найдем, что русские видели самую большую опасность в нападении со стороны Абазии и здесь развернули самые большие силы. Стоящего у Тифлиса и вдоль анатолийской границы четвертого корпуса Кавказской армии едва хватало, чтобы держать гарнизоны в городах и защищать длинную границу. О серьезном наступлении на Анатолию, которое эта армия предприняла позднее с таким блестящим успехом, в это время никто и не думал. Мы потом увидим, каким обстоятельствам можно приписать, что одна значительная часть этой армии могла быть отделена для Крыма, в то время как другая часть двинулась на Анатолию, заняла Карс, угрожала Эрзеруму и уничтожила одну турецкую армию. [241]

ГЛАВА 11

Турецкий корпус под командой мушира Мустафы-паши высаживается в Суджук и Анапе. — Поведение турок в Адыгее. — Сефер-паша и Мустафа. — Отступление турок из Северной Абазии. — Движение русских. — Адыги держатся во время Восточной войны совершенно спокойно. — Причины этого. — Интриги против усилий англичан. — Сердар

Омер-паша в Сухум-Кале. — Ошибочное ведение войны. — Конец войны. — Отступление турецких войск из Абазии. — Депутация в Константинополь. — Положение в Абазии. — Зан-оглы Сефер-паша и наиб Мохамед-Эмин.

После оставления Суджука и Анапы русскими турецкий корпус в несколько тысяч человек высадился в Северной Абазии и занял обе эти крепости. Командующий турецким корпусом мушир Мустафа-паша был назначен Портой главным начальником над всеми военными силами, которые он может собрать. Сефер-паша, которому в Сухум-Кале нечего было делать, был командирован в Суджук, чтобы в этой части страны, на которую он больше всего, казалось, рассчитывал, наконец смог выполнить данные им турецкому правительству обещания. Он собрался в дорогу, но не взял с собой данное ему Портой оружие и снаряжение для формирования регулярного черкесского корпуса, а отправил его из Сухум-Кале в Батум. Когда мушир потребовал у него по поводу этого объяснения, он стал оправдываться тем, что у него не было транспортных средств, как будто то же самое судно не могло бы так же хорошо идти в Суджук, как и в Батум. Однако действительная причина заключалась в том, что хитрый татарин не хотел обнаружить свое бессилие и свои слабые стороны; если бы он привез снаряжение в Суджук, то Мустафа-паша потребовал бы, чтобы он выставил давно обещанный корпус, и оказалось бы, Сефер такой же влиятельный в Натухае, как и в Сухуме; а так он находил для себя трудности, которые прикрывали бы его слабость.

В Натухае оба паши созвали общее народное собрание и приказали явиться всем представителям страны и половине всех военноспособных мужчин. Что они, собственно, хотели с ними предпринять в этом углу Абазии — трудно сказать. Впрочем, их приказания оказали незначительное впечатление. Кроме натухайцев прибыли только несколько уполномоченных из Шапсугии и Убыхии; никого не было из Абадзехии, где наиб совершенно изолировался и прекратил всякие сношения с турецкими политиками. Он ясно понял, что они занимаются более тем, чтобы интриговать против его личности, чем подготавливать войну против русских: таким образом, он был полон недоверия по отношению к каждому предложению, которое ему было сделано. Следуя примеру наива, князь Александр из Южной Абазии, так же как [242] и готовые к восстанию племена сванетов и осетин, держались далеко от всякой связи с агентами Порты; то же делали и многочисленные приверженцы наива в Шапсугии и Убыхии.

Несмотря на это, на призыв пашей, в надежде выступить наконец против русских, собрались между Анапой и Суджуком около 20 000 конных и пеших воинов. Большинство пришло из Натухая, который выставил почти всех боеспособных мужчин. Если бы оба паши были хоть сколько-нибудь дельные и предприимчивые люди, то они использовали бы этот случай, чтобы исправить прежние ошибки, и двинулись бы быстро со всеми своими войсками и собравшимися адыгами через Абадзехию к Лабе и Малой Кубани. Такое энергичное продвижение, весьма вероятно, способствовало бы тому, что все воинственное население Адыгеи взялось бы за оружие и держало бы русскую армию в напряженном состоянии. Во всяком случае, русские имели бы достаточно хлопот, чтобы препятствовать вступлению в Кабарду и соединению с горцами Дагестана абазов, подкрепленных некоторым количеством регулярных войск и небольшой артиллерией.

Оба паши были очень далеки от того, чтобы думать о таких вещах; Мустафа-паша был в вечном страхе перед нападением русских на Анапу и отступал при малейшей тревоге от воображаемого врага в горы; старый Сефер посматривал на все и прислушивался ко всему с открытым ртом, непрерывно жаловался, угрожал и бранил наива, а сам, беспомощный и бездеятельный, не мог найти выход из этого положения. Целых 14 дней задерживали народ пустыми речами, пока у большинства не кончился провиант и терпение и они опять

удалились. Из 20 000 человек, которые собрались на первый зов, на стороне обеих пашей осталась едва десятая часть.

Из опасения, что их оставят совсем одних, паши собрались наконец в дорогу, однако большую часть своего регулярного войска оставили как гарнизон в Анапе и Суджук с приказом защищать до последней крайности эти крепости, если они подвергнутся нападению. Этот приказ, как и оставление ненужного гарнизона, был менее всего необходим, так как [243] русские и во сне не думали о том, чтобы действовать на левом берегу Кубани, ибо они сами с беспокойством ожидали высадки большого корпуса войск и наступательного движения на Малой Кубани.

Медленно двинулись паши из Натухая вдоль берега Кубани, через равнины Шапсугии до границы Абадзехии, сопровождаемые одним батальоном, одним эскадроном, четырьмя орудиями и примерно 2 000 всадников. Здесь они сделали остановку и смотрели друг на друга, не зная, что делать дальше.

По пути к ним никто не присоединился, а прием, который они встретили у народа, был не очень ободряющий. Им было жутко находиться так далеко от их любимой и надежной Анапы и быть так близко к страшному наибу. Хотя и родившиеся в Адыгее, эти двое людей были воспитаны по-турецки и не понимали ни духа, ни характера адыгского народа. Привыкшим в Турции в каждом низшем видеть только рабскую покорность, им было противно свободное и независимое обращение абазов, которое им казалось вызывающим. Нужно еще принять во внимание, что внешний вид турецких солдат не мог внушить адыгам благоприятного представления о их пригодности к войне; последние говорили пашам в глаза, что с такими неуклюжими людьми нельзя вести никакой войны и что эти неповоротливые, частью оборванные солдаты будут для русских служить более причиной смеха, чем страха. Насмешка и презрение к туркам слишком явно выражались на лице каждого адыга, чтобы не тревожить обеих пашей. Их беспокойство день ото дня делалось все больше и больше, особенно же — когда по ту сторону границы Абадзехии настроение народа стало прямо враждебным.

Если бы, как было сказано, оба паши со всем их войском и собранными вначале абазами не медленно и неповоротливо, но быстрым шагом двинулись в Абадзехию — нет сомнения, что весь народ присоединился бы к ним; но так как они почти все свои войска оставили в Анапе и Суджук, а большое ополчение сократилось до одной десятой части, то абадзехи не хотели видеть несколько тысяч гостей,двигающихся в их страну, которые, по всей видимости, намеревались не биться [244] с русскими, а хотели только низвергнуть наиба и сделать Абадзехию турецкой провинцией. Вид турецких солдат совсем не возбуждал у абазов желания сделаться подданными султана.

Паши попробовали теперь привлечь наиба к себе и послали к нему послов с приглашением прийти в их лагерь и совместно двинуться в Абадзехию. Однако он отговорился болезнью и не явился; но в турецком лагере узнали, что он находится на расстоянии трех часов пути и собирает войска. В страхе, что Мохамед-Эмин, хотя и назначенный султаном пашой, может так забыться, что возьмет их в плен вместе с их войском, они снялись поспешно с места и скорым маршем направились в безопасную Анапу. Однако, чтобы иметь возможность что-нибудь сообщить в Константинополь и пустить адыгам пыль в глаза, на пути были произведены демонстрации против русских: паши угрожали переходом через Кубань, часто производилась стрельба с левого берега на правый, где никого не было видно, над чем русские, а затем и абазы смеялись от всего сердца. Против наиба паши обратили всю свою бессильную ярость, объявили его изменником, гяуром и так далее и требовали, чтобы все абазы относились к нему как к

врагу. На реке Шепш близ границы Абдзехии, где наиб часто поступал с жителями строго, он имел много врагов; там интриги пашей нашли хорошую почву, они не жалели обещаний, ни даже подарков, чтобы преградить путь проникновению наба в Шапсугию. Так окончилась экспедиция турецких пашей, вместо пользы для народа и вреда для русских оставив после себя только раздоры, ссоры и гражданскую войну между абазами.

После возвращения турок из этого «славного» похода Мустафа-паша сообщил своему правительству, что он прогнал русских из всей Абазии и продвинулся бы дальше, если бы абазы не были непослушным и необузданным народом, который ни к чему нельзя склонить и который наиб возмущает еще к тому же против султана, так что войскам падишаха нечего больше делать в этой стране, что им грозит большая опасность быть выданными местными жителями врагу. В результате этого рапорта Мустафа-паша получил [245] приказ погрузить войска на корабли и отправиться в Батум, а Сефер-пашу с небольшим гарнизоном оставить в Анапе.

Так окончил Мустафа-паша свой поход в Черкесию: Сефер-паша с сотней пехотинцев и сотней артиллеристов, которые были оставлены ему для прикрытия, удобно устроился в Анапе и продолжал начатую им систему лжи. Он оправдывался перед Портой тем, что только бунт наба мешает привести в исполнение его обещания; адыгов же он обманывал тем, что заверял их, что они могут вполне положиться только на падишаха, должны вести себя спокойно, не предпринимать бесполезных нападений на русских, заниматься земледелием и торговлей, но в особенности — сохранять верность султану и соблюдать магометанскую веру, ибо только этим они могут обезопасить свою страну от нового нападения врага. Вместо того чтобы быть предводителем народа, Сефер-паша и его штаб сделались торговыми маклерами между абазами и английскими и французскими купцами, которые скупали вдоль берега, особенно в Анапе и Суджукке, продукты для войск, осаждавших Севастополь.

Последствия этой горестной неловкости Порты, с одной стороны, принесли большую пользу русским, с другой — оказались вредными для союзников и губительны для оттоманской армии в Малой Азии. Мы уже указали выше расположение русской армии на Кавказе. Как только русские увидели, что союзники не думают серьезно действовать против них на Кавказе, а, наоборот, обезопасили их от наступательных действий горцев, они изменили свою позицию и перешли на юге от обороны к наступлению. Корпус вдоль Кубани был уменьшен, а его контингентом усилена армия в Крыму и тифлисский корпус. В Крым были отправлены: 15-я пехотная дивизия, две бригады черноморской пехоты, пять батальонов черноморских казаков, два батальона стрелков, четыре полка донских казаков, одна бригада пешей и одна бригада конной артиллерии — всего приблизительно 40 000 человек с 64 орудиями; 20-я пехотная дивизия, два батальона стрелков, один полк драгун и одна бригада пешей артиллерии — таким образом, немногим [246] более 20 000 человек и 48 орудий были отправлены для подкрепления армии под Тифлисом. Большая часть милиции была распущена, так что немногим более 30 000 человек остались стоять фронтом против абазов, что было меньше даже, чем в обыкновенное время. Неспособность турок, так сказать, обезоружила горцев и облегчила положение русских.

Уменьшение опасности со стороны Абазии позволило также русским употребить для усиления тифлисского корпуса один армейский корпус в Мингрелии, один пехотный полк и одну батарею из армейского корпуса в Дагестане, один полк драгун, шесть полков линейных казаков и одну бригаду конной артиллерии, всего 12 000 человек с 28 орудиями, и распустить большую часть милиции.

После того как русские усилили свою армию под Тифлисом 30 000 человек с 76 орудиями, главнокомандующий мог предпринять наступательные действия против Карса. Армия Муравьева, когда она перешла границу, была несколько более 50 000 человек, так как для прикрытия флангов и тыла было необходимо большое войско.

Старый Сефер-паша, мало интересовавшийся тем, что происходило вокруг него и не понимавший значения Восточной войны, жил между тем спокойно и беззаботно в Анапе, деля свое время между молением, курением табака и бранью наиба. Только один раз ему пришлось предпринять поход против русской крепости Коркуй, стоящей на правом берегу Кубани, по следующим причинам. Русские настолько оправились после своего первого испуга, что не только не опасались нападения на их линию, но даже от скуки производили нападения на границу. Маленький гарнизон Коркуя, едва достигавший 1 000 человек, предпринял несколько экспедиций через Кубань и неожиданно напал на несколько дворов адыгов, которые, убаюкиваемые болтовней старого Сефера, беспечно не приняли даже обыкновенных мер предосторожности. Жители, живущие на границе между Анапой и Коркуем, разбуженные от своей дремоты, потребовали защиты от заместителя всемогущего султана, и Сефер должен был наконец выступить со своей сотней пехотинцев и двумя орудиями из Анапы, что он сделал после [247] больших колебаний и с большой неохотой. Русские на левом берегу Кубани против крепости Коркуй насыпали небольшой земляной окоп, откуда они предпринимали свои набеги против ближайших дворов адыгов. Связь между крепостью и окопом поддерживалась несколькими большими барками. Толпа из нескольких тысяч адыгов сопровождала небольшое войско Сефер-паши. После того как они обменялись 10-12 пушечными выстрелами, рота, находившаяся в окопе, очистила его и переправилась на другой берег Кубани. Сефер-паша возвратился победоносно обратно в Анапу, крепость потратила больше пороха, празднуя бескровную победу, чем его было потрачено обеими сторонами при сражении. Сефер-паша написал великолепный рапорт в Константинополь, представил к отличию многих своих друзей и впал опять в свою обычную апатию.

Еще один раз он был потревожен от своего блаженного покоя. Английское правительство, которое всегда с беспокойством и интересом наблюдало за успехами русского господства на Кавказе, не могло понять, почему народ, который в продолжение многих лет без всякой поддержки оказывал успешное сопротивление гигантской мощи России, во время всеобщей войны против последней не принимает никакого участия, а остается пассивным зрителем. На запросы английского посла в Константинополе Порты дала по поводу состояния Абазии объяснения, которые звучали так безутешно, что приходилось отложить всякую надежду предпринять что-либо серьезное против русских в этой стране. Чтобы, однако, извлечь пользу из военных качеств абазов и дать им через участие в войне против русских, при будущем заключении мира, право на какое-либо политическое значение, английское правительство решило набрать один корпус в 6 000 абазских всадников, содержать его и использовать в Крыму. Порты, казалось, очень охотно на это согласилась, и англичанин, господин Лонгворт 74 — один из немногих европейцев, который был немного знаком с абазами, был снабжен необходимыми полномочиями и средствами и послан в Абазию для выполнения этого дела. Порты, которая всегда выставляла себя неограниченным [248] господином в Абазии, приготовила Сеферу-паше открытый фирман о том, чтобы вербовке английского посланного оказывалась всевозможная поддержка. В этом фирмане категорически также запрещалась торговля рабами. Тайным же образом было послано Сефер-паше секретное предписание — англичан не поддерживать и постараться от них вежливо отделаться.

Даже при отсутствии других затруднений так несвоевременно потребованный англичанами и с фальшивой готовностью изданный Портой приказ об уничтожении

торговли рабами был бы совершенно достаточен для того, чтобы сделать непопулярным всякое выступление господина Лонгворта в Абазии и затруднить проведение его задачи. Было по меньшей мере странно требовать сейчас же от некультурного народа, который впервые пришел в соприкосновение с европейской цивилизацией, уничтожения укоренившегося обычая, в то время как главный рынок этой торговли в столице султана, в гаремах пашей и в серале самого повелителя оставался неприкосновенным и остается таковым до сих пор. Кроме того, после падения авторитета наиба Мохамед-Эмина никто не был в состоянии собрать в Абазии такое количество воинов и вывести их из страны. Сефер-паша был сердечно рад, что тайные желания Порты были против английской вербовки. Он был бы в безвыходном положении, если бы Порта потребовала от него всерьез выполнения этого приказа, так как он не был в состоянии найти и сотни человек, которые захотели бы под его поручительством служить вне страны, даже и за большое английское жалованье. Впрочем, он исполнял свою роль [249] очень ловко, так что английский уполномоченный получил уверенность, что только злая воля Сефера-паши препятствует вербовке, а этот последний был достаточно хитер для того, чтобы считаться лучше упрямым и фанатичным, чем ничтожным, тем более что при этом он выполнял без усилий приказ турецкого правительства. Шаги, предпринятые в этом направлении у наиба, оказались также безуспешными, во-первых, потому что Мохамед-Эмин, при его полном незнании европейской политики, принимал за одно и то же турок и англичан и последних считал также подданными султана, а потому не доверял им; во-вторых, потому что он охранял открытую абадзехскую границу от возможного нападения русских и еще, кроме того, должен был быть настороже против турецкой агитации внутри его страны. Господин Лонгворт возвратился, таким образом, обратно, не выполнив своей задачи и наихудшим образом настроенный против адыгов, из которых, как я впоследствии узнал, никто не понял, чего от них, собственно, хотели. В общем, идея вербовки и использования их в Крыму была непрактична и противна образу мыслей и характеру адыгов.

Отчаянное положение турецкой армии в Карсе и успехи русских в Малой Азии поневоле привлекли снова внимание союзников к Кавказу. Было решено произвести наступление, и при этом не одной или двумя тысячами человек, а целым корпусом под командой лучшего турецкого генерала Сердар-Экрема 75 Омер-паши. Пунктом высадки и операционной базой был выбран Сухум-Кале.

Сухум-Кале — единственная безопасная якорная стоянка на всем кавказском побережье; хорошо сохранившаяся крепость могла служить опорным пунктом для действующей армии: но что, однако, не было принято во внимание или не было известно — это количественный состав русских войск на Кавказе. Из Кавказской армии приблизительно 80 000 человек были в Карсе, а в Крыму, осталось, таким образом, для защиты русских владений еще около 150 000 человек, из которых около 60 <000> человек было регулярного войска, [250] остальное же — казаки и милиция. Правда, русские для охраны больших городов и бесчисленных крепостей и для наблюдения за абазской и дагестанской линиями должны были употребить большую часть этих войск, однако и против наступления из Сухум-Кале они могли еще сконцентрировать от 25 до 30 тысяч человек регулярного войска.

Непонятно, как это в главном штабе союзников могли надеяться на то, что Омер-паша со своими 22 — 25 тысячами турецких солдат, неумелых и малопригодных для наступательных действий в такой трудной местности, как Южная Абазия, мог провести без содействия враждебных России народов Абазии и Дагестана успешное наступление против привыкших к войне и хорошо знающих страну русских войск. Задача сердара была очень тяжела и неблагодарна. Абазия в течение 18 месяцев была плохо подготовлена турецкими пашами и агентами к его приему, племена Южной Абазии, и без того не очень

благосклонно расположенные к туркам, сделались совсем равнодушными к войне против России, благодаря беспомощности, бездеятельности и интригам турецких пашей. Вместо того чтобы организовать всю Абазию на военный лад и четвертую или пятую часть вооруженного мужского населения подготовить к возможному наступлению, уполномоченные Порты теряли свое время на то, чтобы интриговать против наиба, и делали неразумные попытки к введению турецкого господства.

Несмотря на это, было еще возможно все исправить и использовать абазский народ на войне; но для этого, нам кажется, необходимо было следующее. Корпус Омер пашы ни в каком случае не должен был быть сконцентрирован, потому что благодаря этому русские получили то преимущество, что все находящиеся в их распоряжении силы могли употребить против этого единственного корпуса; необходимо было также для массы абазских воинов выставить в двух пунктах ядро регулярного войска. Было достаточно оставить в Сухум-Кале третью часть турецкого войска и призвать к оружию жителей Убыхии, Южной Абазии и Сванетии. Если бы явилась только пятая часть вооруженных воинов, то собралось бы 6 000 всадников и 12 000 человек пехоты. [251]

Начальство над этим христианским войском следовало бы передать князю Александру — единственному, который мог их собрать и удержать вместе. Таким образом, у Сухум-Кале можно было бы держать наготове 8 000 человек регулярного и 18 000 — нерегулярного войска для наступательных действий; 16 000 турецких войск высадились бы в Туапсе и через Абадзехию двинулись бы к Малой Кубани и там заняли бы свои позиции. Омер-паше следовало бы провозгласить наиба заместителем султана, а Сефер-пашу и весь татарско-черкесский сброд, который, к несчастью страны, бесчинствовал и интриговал от имени Порты, отправить в Турцию. Один только наиб был в состоянии собрать адыгов для военного похода и пятую часть вооруженных сил перевести через границу; 12 000 всадников и 24 000 человек пехоты без больших затруднений были бы собраны в Шапсугии и Абадзехии, что в соединении с регулярными турецкими войсками составило бы армию в 50 000 человек. Эта армия должна была бы, опираясь на Абадзехию, сконцентрироваться на Малой Кубани, и ее фланги и тыл были бы в совершенной безопасности. Стоящему у Сухум-Кале корпусу окружающая его бедная горная страна не могла бы доставлять достаточно жизненных продуктов, и вследствие этого было бы необходимо обеспечить этот корпус провиантом с моря. Напротив, сконцентрированный на Малой Кубани корпус с легкостью мог бы обеспечить себя продуктами из богатых равнин Абадзехии и Шапсугии.

В Дагестане шейх Шамиль заключил с русскими род перемирия, но этот договор при нападении на русскую линию и при появлении войска в Кабарде не удержал бы имама от выступления 76 из Дагестана, и даже в случае, едва ли возможном, если бы он сам захотел сдержать данное русским обещание, то жадные до добычи и войны аварцы, чеченцы и лезгины, конечно, не смогли бы удержаться от выступления. На диверсию по меньшей мере в 20 000 человек со [252] стороны дагестанских народов можно было бы рассчитывать с полной уверенностью.

50 000 человек с 60 полевыми орудиями выступили бы с Малой Кубани, продвигаясь по равнинам Кабарды к Тереку; после ослабления русской линии против Абазии они не натолкнулись бы на серьезное сопротивление, а встретили бы только казачьи войска и милицию, с которыми абазы равны по военной мощи, если даже не превосходят их. На Тереке произошло бы соединение с войсками из Дагестана и можно было бы еще рассчитывать на содействие магометанской Кабарды и враждебных русским осетин. Такие военные действия нанесли бы может быть, непоправимый удар русскому господству на Кавказе.

Русские никогда не смогли бы оказать успешного сопротивления такому войску до прибытия подкрепления из Центральной России и до возвращения армии из Анатолии. Они должны были бы охранять свои бесчисленные крепости и станицы. В то время как они защищали бы одни крепости, другие, находящиеся на пути регулярных войск, не смогли бы обороняться и попали бы в руки врагов. Если бы они оставили свои форты и станицы, чтобы сконцентрироваться, то все население, жены и дети казаков и переселенцы оказались бы во власти диких горцев. Такая операция сделала бы положение русских на Кавказе чрезвычайно запутанным. Войско в 25 000 человек с 30 орудиями, опирающееся на Сухум-Кале, между тем отвлекло бы также значительную часть русской армии.

Трудно понять, как уже было сказано, как можно было собираться серьезно повредить русским на Кавказе без содействия независимых горцев. Омер-паша не думал совсем о сильных адыгах, а высадился со всем своим войском в Сухум-Кале. Прибытие сердара, о котором абазы знали, что он не турок, произвело на них благоприятное впечатление; многие старшины из Абазии пришли к нему и предложили свою службу в надежде, что наконец-то будет начата серьезная война против русских. Но они жестоко ошиблись. В одной рукописи умершего генерала Штейна (Фергат-паши), который занимал должность начальника [253] генерального штаба в турецком корпусе, я нашел следующую заметку: «После нашей высадки пришли со всех сторон черкесские начальники, а также и могущественный наиб. Они предложили себя и свои племена для военной службы, но так как это не входило сейчас в общие наши расчеты, то им дали понять, чтобы они держались спокойно, чтобы бесполезными провокациями не посадить себе русских на шею». Удивительная политика! Народу, который находится всегда на войне, тогда как все другие пользуются дарами мира, советуют покой, когда он хочет использовать благоприятный момент; и почему?.. Чтобы не посадить себе на шею русских». Как будто турки до сих пор удерживают русских.

Омер-паша встретил наиба хорошо и скоро увидел, что это единственный человек, на которого можно положиться; он обещал ему даже выхлопотать от Порты утверждение его начальником всей адыгской страны, но в настоящий момент он не воспользовался его услугами. Напротив, сердар хотел, вероятно, следуя высшим предписаниям, использовать содействие Сефер-паши и уорков из Убыхии и требовал, чтобы они выставили свои силы. Сефер-паша торопился выполнить свои обязанности, обещал целую армию и наконец прислал своего сына с... семью всадниками; такие могущественные в Константинополе уорки Убыхии, как Хаджи-Керандук и Бракок-Измаил, выставили 11 всадников. Это было следствием жалких и неуклюжих интриг, которые Порты терпела и даже поддерживала.

Очень короткий поход Омер-паши не представляет никаких интересных эпизодов; русские увидели, что им не хотят сделать на Кавказе ничего плохого, и благословляли судьбу, которая в таком уязвленном пункте поставила против них турок; турецкая интервенция не могла быть опасной русским по многим основаниям. Неспособность и бессовестность турецких предводителей, которые не могли руководить своими собственными войсками, не говоря уже о недисциплинированных горцах, фактическая неспособность турецких офицеров, неловкие интриги в Константинополе, ненависть и презрение, которые питали к туркам даже магометанские племена горцев, а еще более христиане [254] (абазы, грузины, имеретинцы и другие) — все это отняло у турецкой армии шансы, которые имела бы европейская армия. Еще сейчас абазы говорят, вздыхая: «Если бы мы не пустили турок на свою землю, а покорились бы французам или англичанам, если бы только 10 000 этих последних пришли к нам, то русских не было бы сейчас в Тифлисе». Грузины, имеретинцы и даже черноморские казаки ожидали с

нетерпением появления англо-французских войск, чтобы соединиться с ними, но решили защищаться против турок до последнего.

Перемирие и скорое заключение мира прервало слабые попытки наступления от Сухума, которые делал Омер-паша. Турецкая армия погрузилась на корабли и освободила место русскому гарнизону. В Анапу также пришел приказ отправить в Константинополь 200 турецких солдат, составлявших гвардию Сефер-паши. Это как громом поразило Сефер-пашу. В своей слепой вере в непобедимость султана он был твердо убежден, что Черкесия действительно принадлежит султану, и совершенно серьезно думал, что он будет пожизненным вали страны. Его можно было только с большим трудом убедить в противном. Тогда он захотел тоже сесть на корабль и отправиться в Стамбул; но один из высших турецких офицеров, который имел относительно него секретные инструкции, дал ему понять, что правительство султана уже достаточно для него сделало и что наступает время, когда он должен будет сам о себе заботиться, разделяя судьбу своей страны, и стремиться за долголетние благодеяния султана вознаградить его какой-нибудь серьезной службой. Турецкий гарнизон погрузился на корабль, после того как он сжег Анапу и взорвал укрепления. Старый же Сефер остался в Абазии: ему были оставлены две плохих шестифунтовых пушки и немного пороха в виде последнего подарка. После отъезда турок он отправился на маленькую реку Шапсугур, где и поселился со своей семьей, никем не замечаемый, деля все свое время, как обычно, между молитвой, курением табака и бранью наиба.

Между тем абазы со страхом замечали, что ложное спокойствие, в котором они жили с начала войны благодаря интервенции турок, кончается и они скоро опять будут [255] предоставлены своим собственным силам в борьбе с исполинским противником. Состоялось собрание старшин всех народностей и племен, на котором было решено послать депутацию в Константинополь, предложить султану подданство Абазии и просить его защиты. Этот совет был дан народу друзьями турок и был принят с отчаяния; 260 депутатов отправились в Константинополь. Наиб Мохамед-Эмин также сопровождал депутацию, а Сефер-паша послал своего сына.

Можно себе легко представить, что депутация ничего не достигла: она была предоставлена султану, который их очень милостиво принял, предоставил им помещение и питание за счет правительства, в общем оказывал им всяческое гостеприимство; каждый депутат получил напоследок подарок в 1 000 пиастров с обещанием, что скоро начнется новая война и русские будут навсегда изгнаны, с этим одураченные сыны гор были отпущены. Конечно, их турецкие друзья не забывали поощрять абазов к сопротивлению против русских до последней крайности, особенно же убеждали оставаться верными мусульманской религии и падишаху.

Результатом турецкой интервенции было то, что страна адыгов раскололась на несколько партий, в то время как до войны она была едина. Абадзехия повиновалась, как раньше, Мохамед-Эмину и сохранила введенное им административное устройство. Убыхия никому не подчинялась под предлогом сохранения верности падишаху. Шапсугия разделилась на три партии. Самая благоразумная желала возвращения наиба, но она была очень слаба. Враги всякого порядка и все разбойники и воры, которые боялись строгости наиба, поддерживали притязания Сефер-паши, хотя они ему ни в чем не помогали и ему не повиновались. Заместитель султана служил порочным людям как бы брестером против наиба. Жители прибрежной полосы не желали ничего знать ни о наипе, ни о Сефере; придерживаясь христианских и языческих обычаев, они одинаково ненавидели магометанство как из Дагестана, так и из Константинополя; если им угрожал наиб, то они держались за Сефер-пашу, когда же последний требовал от них поддержки и признания

его власти, то они делали вид, что его не слышат. На Парижском [256] мирном конгрессе был поставлен вопрос о непокоренных абазам. Он был предложен английскими представителями, которые, однако, остались в полном одиночестве. Характерно, что турецкий посол ни одним словом не поддержал английское предложение.

Я уже раньше заметил, какой бесконечный вред причинило воюющим абазам позднейшее изменение пункта, по которому каждой европейской державе разрешено было держать в Черном море только два военных судна, в то время как для России количество разрешенных военных судов было доведено позднее до десяти.

Южные абазы, находившиеся с русскими до войны в перемирии, вернулись к прежним отношениям; северные же абазы, или адыги, готовились к новой войне.

В конце 1856 года, когда в Европе поздравляли друг друга со всеобщим миром, занятие Анапы открыло вновь военные действия в Абазии и берег был блокирован.

Конец первого тома

Комментарии

68 Каймак — губернатор, заместитель султана.

69 Диван — совет министров, в котором собираются гражданские, военные и духовные чиновники, ранг соответствует мушир у (маршалу).

70 Турки называют абазов всегда черкесами (черкес-мемлекет).

71 Тофанэ — артиллерийский арсенал в Константинополе; в Турции существует еще артиллерийское министерство, министр которого называется мушир Тофанэ.

72 Мирмиран — гражданский паша двухбунчужный, по рангу стоит всегда ниже ферик — дивизионного генерала, двухбунчужного паши.

73 Пара — мелкая турецкая медная монета.

74 Господин Лонгворт провел раньше вместе с госполином Беллем один год в Натухае и делал заслуживающие уважения попытки привести адыгов к какому-нибудь политическому единству и порядку. Его пребывание в Абазии казалось русскому правительству таким опасным, что за его голову была назначена большая цена, а царь Николай отдал приказ повесить английских крамольников, как только они будут пойманы. Господин Лонгворт описал свои впечатления от пребывания между абазами в одном интересном труде на английском языке. В настоящее время он британский генеральный консул в Белграде.

75 Верховный главнокомандующий, генералиссимус.

76 Наиб Мохамед-Эмин читал мне письмо Шамиля, в котором он писал, что с начала и до конца Восточной войны всегда держал наготове 20 000 всадников; кроме того, в каждом доме был приготовлен месячный запас продуктов для пяти воинов.

Текст воспроизведен по изданию: Теофил Лапинский. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Описание очевидца Теофила Лапинского

(Теффик-бея) полковника и командира польского отряда в стране независимых горцев.
Нальчик. Эль-Фа. 1995

© текст - Гарданов В. К. 1995

© сетевая версия - Thietmar. 2009

© OCR - A-U-L. www.a-u-l.narod.ru. 2009

© дизайн - Войтехович А. 2001

© Эль-Фа. 1995

